

ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Свидетельство Федеральной службы
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
ПИ № ФС 77 73382
от 17.08.2018

№ 3 (45) 2018

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-3

СОДЕРЖАНИЕ

VITA MEMORIAE. К 100-ЛЕТИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

От редактора.....	5
Еланцева О.П., Трубич О.А. Дальневосточный период в становлении и деятельности профессора Н.В. Кюнера, выдающегося историка-востоковеда.....	6
Тулиглович М.А. Историческая наука в образовательном процессе Дальневосточного юридического института МВД России.....	23
Исторический факультет ДВГУ во второй половине 1970-х — 1990-е гг.: вспоминают деканы.....	30

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

Трубникова Н.Н., Коляда М.С. «Собрание стародавних повестей» в традиции японских поучительных рассказов VIII–XI вв.	35
Осмачко А.И., Сергеев А.Л., Конончук Д.В. «[Когда] в общине человечность...»: новый перевод четвертой главы «Лунь юя» с комментариями Чжу Си.....	46
Сандомирская О.Д. Освещение «Происшествия в Сакаи» 1868 г. в прессе Франции, Великобритании и США.....	55
Лим С.Ч., Шестопал С.А. Проблемы модернизации образования в доколониальной Корее в 1883–1910 гг.	61

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

Хаховская Л.Н. Праздник кита в ритуалах аборигенов Северо-Востока России.....	73
Головнев И.А. Этнокультурные сообщества в этнографическом кино. «Тумгу» А.А. Литвинова.....	84
Михалев М.С. Малые народы в контексте природоохранной деятельности: защищающие или защищающиеся?.....	94

ИСТОРИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ

Исаев А.А. Политико-идеологическая работа среди китайского и корейского населения Дальнего Востока СССР в 1930-е гг. (на примере Приморской области).....	103
Ильиных В.А., Лапердин В.Б. Хлебозаготовительная кампания 1932/33 г. в совхозах Западно-Сибирского края.....	110

PHILOSOPHIA PERENNIS

Мотовникова Е.Н. Органическое понимание истории: структура и смыслы.....	122
Микешина Л.А., Г.Г. Шпет как методолог исторического знания.....	128
Грановская О.Л. Лев Шестов и Исая Берлин: философия трагедии и конфликта на перекрестке культур.....	138
Брылина И.В. Университетское образование в контексте коммерциализации: футурологический дискурс.....	147

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ф.Е. АЖИМОВ – доктор философских наук, профессор,
директор Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.В. АХМЕТОВА	кандидат исторических наук, начальник управления научно-исследовательской деятельностью Комсомольского-на-Амуре государственного университета
С.В. БЕРЕЗНИЦКИЙ	доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории Кунсткамеры и отечественной науки XVIII века (Музея М.В. Ломоносова) Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН
Н.Н. КРАДИН	член-корреспондент Российской академии наук, доктор исторических наук, заведующий Центром политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
Н.Л. МАМАЕВА	доктор исторических наук, руководитель Центра изучения новейшей истории Китая и его отношений с Россией Института Дальнего Востока РАН
Б.И. ПРУЖИНИН	доктор философских наук, профессор кафедры онтологии, логики и теории познания философского факультета Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный редактор журнала «Вопросы философии»
А.В. ТАБАРЕВ	доктор исторических наук, заведующий сектором зарубежной археологии отдела археологии палеометалла Института археологии и этнографии СО РАН
Т.Г. ЩЕДРИНА	доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета
С.Е. ЯЧИН	доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, заслуженный работник высшей школы РФ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

К.С. ЕРЕМЕНКО – кандидат исторических наук,
доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук

Компьютерная вёрстка Е.А. ПРУДКОГЛЯД

Полное или частичное воспроизведение материалов допускается только с разрешения редакции.
Ссылка на журнал обязательна.

Полнотекстовые версии номеров с 2008 г. размещены в сети Интернет по адресам:
ДВФУ: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
РНЭБ: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28209

Подписано в печать 20.09.2018.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 18,53. Уч.-изд. л. 18,14.
Тираж 500 экз. Заказ
Цена свободная.

Адрес редакции:
690922, Приморский край, г. Владивосток, о. Русский, п. Аякс, кампус ДВФУ, к. F, ауд. F602
Тел.: (423) 265-24-24 (доб. 2413)
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Отпечатано в типографии
Дальневосточного федерального университета
690950, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 10.

HUMANITIES RESEARCH

in the Russian Far East

ISSN 1997-2857 (Print)
ISSN 2076-8575 (Online)

ACADEMIC JOURNAL

Certificate of the Federal Service
for Supervision of Communications,
Information Technology
and Mass Media
PI № FS 77 73382
of 17.08.2018

№ 3 (45) 2018

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-3

TABLE OF CONTENTS

VITA MEMORIAE. TO THE CENTENNIAL OF POST-SECONDARY HISTORY EDUCATION IN THE RUSSIAN FAR EAST

From the editor.....	5
Elantseva O.P., Trubich O.A. Far Eastern period in the academic career of Professor N.V. Kyuner, an outstanding orientalist and historian.....	6
Tuliglovich M.A. History in the educational process of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs.....	23
FENU Faculty of History in the second half of the 1970s–1990s in the memories of its deans.....	30

HISTORY AND CULTURE OF THE EAST

Trubnikova N.N., Kolyada M.S. Konjaku Monogatari-shu in the Japanese didactic tales tradition of VIIIth – XIth centuries.....	35
Osmachko A.I., Sergeev A.L., Kononchuk D.V. «Human-heartedness in a neighborhood ...»: a new translation of the Analects, book 4 with commentaries of Zhu Xi.....	46
Sandomirskaya O.D. The Sakai incident of 1868 and its representation in the French, British and American press.....	55
Lim S.Ch., Shestopal S.A. Modernization of Korean educational system in pre-colonial years, 1883–1910.....	61

ARCHAEOLOGY, ANTHROPOLOGY AND ETHNOLOGY IN CIRCUM-PACIFIC

Khakhovskaya L.N. Whale festival in the context of indigenous rituals of Northeast Russia.....	73
Golovnev I.A. Ethno-cultural communities in ethnographic films: Alexander Litvinov's «Tumgu».....	84
Mikhalev M.S. Indigenous people in environmental activities: stakeholders or victims?.....	94

HISTORY OF RUSSIAN REGIONS

Isaev A.A. Ideological work among the Chinese and Koreans of the Soviet Far East in the 1930s (the case of Primorsky region).....	103
Ilinykh V.A., Laperdin V.B. Grain procurement campaign of 1931–1932 in West Siberian region.....	110

PHILOSOPHIA PERENNIS

Motovnikova E.N. Organic view of history: structure and meanings.....	122
Mikeshina L.A. Gustav Shpet as a methodologist of historical knowledge.....	128
Granovskaya O.L. Leo Shestov and Isaiah Berlin: philosophy of tragedy and conflict at the crossroads of cultures.....	138
Brylina I.V. University education in the context of commercialization: futurological discourse.....	147

EDITOR-IN-CHIEF

FELIX E. AZHIMOV – Doctor of Sc. (Philosophy), professor,
Director of the School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

EDITORIAL STAFF

ANNA V. AKHMETOVA	Candidate of Sc. (History), Komsomolsk-na-Amure State University
SERGEY V. BEREZNITSKIY	Doctor of Sc. (History), Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences
NIKOLAY N. KRADIN	Doctor of Sc. (History), Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences, corresponding member of Russian Academy of Sciences
NATALYA L. MAMAEVA	Doctor of Sc. (History), Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences
BORIS I. PRUZHININ	Doctor of Sc. (Philosophy), Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
ANDREY V. TABAREV	Doctor of Sc. (History), Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
TATIANA G. SHCHEDRINA	Doctor of Sc. (Philosophy), Moscow State Pedagogical University
SERGEY E. YACHIN	Doctor of Sc. (Philosophy), Far Eastern Federal University

EXECUTIVE SECRETARY

KSENIYA S. EREMENKO – Candidate of Sc. (History), Associate Professor,
School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University

Editorial office address:
F602, building F, FEFU campus, Russky Island, Vladivostok, Russia, 690922
Tel.: (423) 265-24-24 (ext. 2413)
E-mail: gisdv@dvfu.ru

Website:
DVFU: https://www.dvfu.ru/schools/school_of_humanities/publication/
E-LIBRARY: <http://elibrary.ru/contents.asp?titleid=28209>

VITA MEMORIAE. К 100-ЛЕТИЮ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-3/5

Ф.Е. Ажимов,
доктор философских наук, профессор,
директор Школы искусств и гуманитарных наук ДВФУ

ОТ РЕДАКТОРА

Текущий номер журнала «Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке» выходит из печати в самый канун даты празднования 100-летия высшего исторического образования на российском Дальнем Востоке – 16 октября. Юбилейную рубрику третьего номера открывает статья о дальневосточном периоде научной и преподавательской деятельности Николая Васильевича Кюнера, одного из видных отечественных специалистов в области истории азиатских стран и культур. Ровно сто лет назад студентам-первокурсникам только что открывшегося во Владивостоке в октябре 1918 г. частного историко-филологического факультета посчастливилось слушать лекции Николая Васильевича по истории и географии Сибири и по истории Древнего Востока.

Гость рубрики, начальник Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России М.А. Тулиглович, рассказывает о роли исторической науки в образовательном процессе и патриотическом воспитании будущих сотрудников правоохранительных органов.

В юбилейный для исторического образования год каждому, что причастен к дальневосточной *alma mater* историков, определенно есть что вспомнить о прошедшем. Совсем скоро увидит свет сборник студенческих воспоминаний «Это ты, наш родной истфак!», а в этом номере мы с удовольствием публикуем воспоминания деканов исторического факультета ДВГУ, охватывающие период с конца 1970-х до конца 1990-х гг.

О.П. Еланцева, О.А. Трубич*

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ПЕРИОД В СТАНОВЛЕНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОФЕССОРА Н.В. КЮНЕРА, ВЫДАЮЩЕГОСЯ ИСТОРИКА-ВОСТОКОВЕДА

В статье рассматривается дальневосточный период (1900–1925 гг.) научной и преподавательской деятельности Николая Васильевича Кюнера, выдающегося специалиста в области истории стран и народов Дальнего Востока. Авторы анализируют ценные идеи Н.В. Кюнера, высказанные им в 1906–1916 гг., о повышении качества преподавания и расширении спектра учебных исторических дисциплин за счет изучения Сибири, Приамурского края, Маньчжурии, прослеживают их дальнейшую реализацию. Источниковой базой статьи послужили новые исторические документы, извлеченные из фондов российских архивов.

Ключевые слова: Н.В. Кюнер, высшее образование, историческое образование, история стран Дальнего Востока, Восточный институт

Far Eastern period in the academic career of Professor N.V. Kyuner, an outstanding orientalist and historian. OLGA P. ELANTSEVA, OLGA A. TRUBICH (Far Eastern Federal University)

The article examines the Far Eastern period (1900–1925) in research and teaching activities of Nikolai Kyuner, an outstanding specialist in the history of Far Eastern countries and peoples. The authors analyze his valuable ideas of 1906–1916 on improving the quality of teaching and expanding the range of historical disciplines through the study of the history of Siberia, Amur region and Manchuria, tracing their further implementation. The article is based on a range of new archival documents from several central and regional Russian archives.

Keywords: N.V. Kuner, higher education, history education, history of Far Eastern countries, Oriental Institute

Приближающееся столетие высшего исторического образования на Дальнем Востоке России дает весомый повод с благодарностью вспомнить Николая Васильевича Кюнера (1877–1955), выдающегося историка-востоковеда, первого профессора кафедры историко-ге-

ографических наук на Дальнем Востоке. В 1900 г. проездом в Японию он посетил Владивосток, в штат Восточного института вошел в 1902 г., проработал во Владивостоке почти четверть века – до октября 1925 г. Российская историография имеет некоторое число публи-

* ЕЛАНЦЕВА Ольга Павловна, доктор исторических наук, профессор Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: elantseva.op@dvfu.ru

ТРУБИЧ Ольга Анатольевна, старший преподаватель кафедры образования в области романо-германских языков Школы педагогики Дальневосточного федерального университета.

E-mail: trubich.oa@dvfu.ru

© Еланцева О.П., Трубич О.А., 2018

каций о Н.В. Кюнере, однако владивостокский период его жизни и деятельности рассматривается очень скудно, хотя и признается, что в это время плодотворно развернулась его педагогическая деятельность; здесь он сформировался как ученый-востоковед широкого профиля [9; 10; 27; 28]. Некоторые авторы обращаются к его неопубликованным трудам [30].

Цель данной статьи состоит в том, чтобы, опираясь на исторические источники, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, реконструировать этапы становления и деятельности Николая Васильевича Кюнера как специалиста по истории Дальнего Востока, профессора, ученого с мировым именем.

Путь в профессию Восточного института

Несомненно, серьезная основа для становления будущего историка Николая Васильевича Кюнера формировалась уже во время его учебы в третьей Санкт-Петербургской гимназии – ари-

стократическом учебном заведении столицы, в котором получали образование дети очень состоятельных родителей (например, Шереметевых) – сыновья профессоров, инженеров, врачей, коммерсантов. Н.В. Кюнер родился в семье композитора, учителя музыки и пения. В аттестате, выданном в 1896 г. по окончании гимназии, подчеркивалось не только то, что за все время пребывания в ней поведение Николая Кюнера «вообще было отличное, исправность в посещении и приготовлении уроков, а также исполнении письменных работ – отличная», но и то, что безупречным было прилежание, а любознательность – «очень живая» (Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга, далее – ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 32523. Л. 2, 2об.). По всем изучаемым предметам Николай Кюнер имел «познания и успехи отличные». Учтивывая все это совет учебного заведения постановил наградить Николая Кюнера золотой медалью (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 32523. Л. 3).

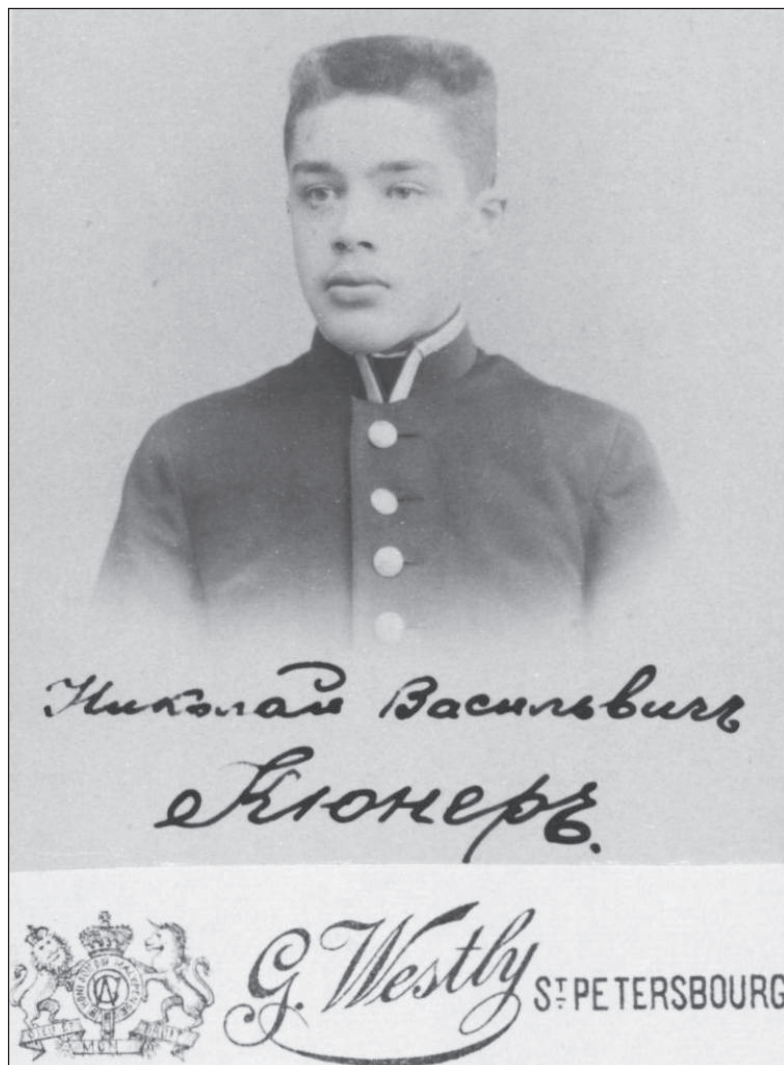

Рис. 1. Н.В. Кюнер перед поступлением в Санкт-Петербургский университет. 1896 г.

Летом 1896 г. выпускник гимназии подал прошение ректору Императорского Санкт-Петербургского университета: «...Имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать зависящее распоряжение о принятии меня на восточный факультет по китайско-маньчжурско-монгольскому разряду». В этом же документе содержалось и обязательство будущего студента «во все время пребывания ... в Университете подчиняться правилам и постановлениям университетским» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 32523. Л. 1).

Известно, что выбор профессии во многом зависит от индивидуального стечения обстоятельств. У Н.В. Кюнера в университете они сложились благоприятно. Первые два года учебы он занимался под непосредственным руководством ученого-монголовода, профессора А.М. Позднеева¹. Летом 1897 г. вместе с ним совершил поездку в калмыцкие степи Астраханской губернии, где знакомился с бытом азиатских кочевников. Однако болезнь (снижение слуха) заставила Николая Кюнера несколько изменить учебные и научные ориентиры. С третьего курса он, «с отменным трудолюбием и плодотворностью для своего ума» [5, с. LIV], приступил к активному изучению истории и географии Восточной Азии под руководством профессора Н.И. Веселовского², демонстрировал как «вполне основательные познания в важнейших европейских языках», так и «умение пользоваться ... источниками», в данном случае – восточными, что было особенно важно для становления историка-востоковеда (Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН, далее – АВ ИВР РАН. Ф. 91. Оп. 1. Д. 13. Л. 3).

Кюнер учился в университете с 1896 по 1900 гг. За это время прослушал курсы лекций А.М. Позднеева и К.О. Голстунского по монгольскому языку и калмыцкой словесности, Д.А. Пещурова, А.О. Ивановского и В.И. Васильева по китайскому языку, Н.И. Веселовского по истории Востока и др.; посещал установленные учебным планом практические заня-

тия, сдавал зачеты и экзамены. В этой связи отметим заинтересованное, требовательное внимание семьи Кюнеров к учебе своих детей и внуков. В ЦГИА СПб сохранилась такая записка отставного надворного советника К. Березкина, деда Николая Кюнера по материнской линии: «Сим имею честь уведомить инспекцию Санкт-Петербургского университета, что внук мой, Николай Васильевич Кюнер болен с 12 октября сего года. 25 октября 1896 г.» (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 32523. Л. 46).

Студент Николай Кюнер находил время и силы участвовать в общеузовских научных мероприятиях, например, в творческих конкурсах. 31 января 1900 г. Совет Санкт-Петербургского университета удостоил наград сочинения, представленные на темы, предложенные годом раньше, в феврале 1899 г. От факультета восточных языков поступило несколько работ. Золотую медаль получило сочинение по истории Востока на тему «Историко-географический очерк Японии» под девизом «Ex oriente lux» (С востока идет свет). Оно было выполнено студентом 7-го семестра указанного факультета Николаем Кюнером [26, с. 25, 30]. Молодой человек признавал, что над сочинением «порядком-таки потрудился» (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, далее – РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 9. Л. 27, 27об.). Достаточно красноречиво это подтверждает объем конкурсной работы – 192 страницы [14]. Выпускнику столичного вуза было «очень досадно, что не пришлось получить своей медали в торжественной обстановке актового зала [Санкт-Петербургского университета]»³, что ее «выдали просто в канцелярии самым прозаическим образом» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 9. Л. 27, 27об.).

Николай Васильевич Кюнер вышел из университета с дипломом первой степени. По оценке А.М. Позднеева, он являлся «способнейшим и лучшим» из всех, окончивших в 1900 г. курс по китайско-маньчжурско-монгольскому отделению факультета восточных языков [5, с. LIV]. Именно его директор Восточного института «присмотрел» и привлек как «достойного и специального представителя» для кафедры исторических наук. Заранее, еще в 1899 г., данный вопрос А.М. Позднеев обсудил с министром народного просвещения Н.П. Боголеповым [5, с. LIV].

¹ Позднеев Алексей Матвеевич (1851–1920) – востоковед, монголовед, доктор монгольской и калмыцкой словесности, профессор Императорского Санкт-Петербургского университета, с 1899 по 1903 гг. директор только что открытого Восточного института во Владивостоке.

² Веселовский Николай Иванович (1848–1918) – выдающийся археолог, востоковед, изучавший историю и археологию Средней Азии, профессор Императорского Санкт-Петербургского университета.

³ Из-за сильного шума, поднятого присутствующими студентами, торжественное заседание было закрыто.

Рис. 2. Н.В. Кюнер – выпускник Санкт-Петербургского университета.

О подготовке студента-старшекурсника к профессиональной деятельности историка в Восточном институте во Владивостоке красноречиво говорит не только тема его конкурсного сочинения, но и его письмо и сопроводительные документы, направленные А.М. Поздневу. Они датированы 3 марта 1900 г. Несомненный интерес представляют две редакции прошения на имя руководителя владивостокского вуза с неизменной их главной сутью: «Оканчивая в нынешнем году курс восточных языков в Императорском С[анкт]-Петербургском университете, покорнейше прошу Ваше Превосходительство определить меня на службу в подведомственный Вам Институт по кафедре истории и географии (общей и коммерческой) Востока» (АВ ИВР РАН. Ф. 91. Оп. 1. Д. 13. Л. 1).

Важнейший факт заключал другой документ, адресованный А.М. Поздневу профессором Н.И. Веселовским. Николай Иванович характеризовал своего ученика следующим образом: «Такие работники, как ... Кюннер, появляются у нас не часто и далеко не все они выбирают ученую карьеру, поэтому следует, мне кажется, чтобы этот молодой человек вышел на тот путь, к которому он, по-видимому, чувствует склонность и призвание. Все ручается, что в лице Кюннера востоковедение должно приобрести в высшей степени полезного деятеля» (АВ ИВР РАН. Ф. 91. Оп. 1. Д. 13. Л. 3, 3об.).

Нацеленность студента на серьезную и ответственную подготовку к работе в Восточном институте подтверждает его личное письмо А.М. Поздневу. Так, Николай Кюннер не мог «теперь же», весной 1900 г., приступить к выполнению поручения директора Восточного института и заняться изучением Кореи. Он объяснял причину: «К сожалению, это для меня в настоящую минуту совершенно немисливо в виду приближающихся экзаменов; но после окончания их я с удовольствием позаймусь Кореей в течение месяца, который будет в моем распоряжении» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 9. Л. 28–28об.).

Далее молодой человек замечал: «Я рассчитываю найти у вас все необходимые пособия для составления моих лекций, т. к. мои средства, конечно, не позволяют мне обзавестись ими на свой собственный счет⁴. В отношении

Японии я спокоен, т. к. я дал вам перед отъездом список нужных ... книг по Японии, а вот относительно Китая и Кореи я не располагаю нужной опытностью, чтобы брать на себя смелость указать лучшие пособия, но надеюсь, что ваши товарищи, а мои будущие сослуживцы сделали все необходимые шаги в этом направлении» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 9. Л. 28об.). Николая Кюннера беспокоили и организационные вопросы. Он обращался к А.М. Поздневу: «Прошу вас дать мне знать, когда вы пошлете мое прошение к Министру и указать вашему покорнейшему слуге, что я должен еще предпринять для моего назначения к вам... Мне еще никогда не случалось хлопотать по канцеляриям, а потому все это представляется мне полнейшей terra incognita и я боюсь что-нибудь напутать» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 9. Л. 28).

В свою очередь, руководство и профессорско-преподавательский состав Восточного института способствовали профессиональному становлению выпускника столичного университета. Пока историко-географическая кафедра, предполагавшаяся для Николая Васильевича Кюннера, оставалась вакантной, часть ее учебной нагрузки взял на себя директор А.М. Позднев. Чтение лекций по новейшей истории Китая, Кореи и Японии временно было возложено на исполняющего должность профессора китайской словесности Аполлинария Васильевича Рудакова.

Н.В. Кюннеру предстоял большой труд, связанный с практическим изучением стран Дальнего Востока, знакомством с их языками и подготовкой новых учебных курсов. Конференция Восточного института на заседании 23 февраля 1900 г. сочла целесообразным просить Приамурского генерал-губернатора ходатайствовать перед министром народного просвещения о командировании Николая Васильевича Кюннера с «ученой целью» в Китай, Корею, Японию сроком на один год, начиная с июня 1900 г., и о назначении ему повышенной стипендии в три тысячи рублей «из кредита, предназначенного на приготовление профессоров для Восточного института» [5, с. LV].

Хлопоты заняли более четырех месяцев и завершились 7 июля 1900 г., когда российский император Николай II по Всеподданнейшему докладу министра Н.П. Боголепова «соизволил на командирование» Кюннера с 1 июля 1900 г.

та – младшие. В отношении Николая Кюннера к учебе и порученному делу всегда проявлялась его ответственность перед родителями, сестрами и братьями.

⁴ В семье Вильгельма Фридриха Кюннера и его жены Марии Кузьминичны (урожденной Березкиной) воспитывались шестеро детей. Старше Николая была только сестра Александра; остальные дети – Борис, Данил, Елизавета-София и Елизавета – младшие.

по 1 июля 1901 г. (Российский государственный исторический архив, далее – РГИА. Ф. 744. Оп. 1. Д. 170. Л. 30).

Таким образом, только в середине лета 1900 г. положительно решил вопрос о зарубежной поездке Н.В. Кюнера. На его вопросы, когда и как он должен выехать во Владивосток, директор А.М. Позднеев телеграфировал: «Торопитесь ехать Сибирью путь свободен безопасен» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 9. Л. 14). Торопиться нужно было, так как, несмотря на открытие движения поездов по участкам Транссибирской дороги, преодоление расстояния от Москвы до Владивостока занимало почти 40 суток, а то и более [11, с. 200].

В Японию задержанный в пути на пароходе в пределах Амурской области будущий профессор прибыл лишь во второй половине октября 1900 г.; в начале ноября смог приступить к исследованию этой страны [7, с. 213]. Скоро стало ясно, что в течение нескольких оставшихся месяцев нереально выполнить обширные планы зарубежной командировки. Конференция Восточного института вновь пришла на помощь и добилась ее продления еще на год [7, с. 213–214].

Востоковедческий вуз во Владивостоке заинтересованно относился к командировке своего будущего сослуживца, но при этом не считал возможным составить для него подробный и точный маршрут, чтобы не стеснять какими-то жесткими рамками. Коллеги корректировали зарубежное пребывание Кюнера, получая от него письма. Так, в ноябре 1900 г. Николай Васильевич сообщал в институт, что на некоторое время останавливался в Моцзи, Кобе, Осака, а свою главную квартиру решил обосновать в Йокогаме и оттуда, по мере необходимости, ездить в Токио. Йокогама привлекала его более тихим и спокойным ритмом жизни, значительными материальными преимуществами, большим числом европейцев, удобством для всякого рода экскурсий вглубь страны и возможностью «наблюдать туземную часть города».

Письмо Кюнера, зачитанное на очередном заседании Конференции Восточного института [6, с. 187–189], вызвало вопросы и предложения. У А.М. Позднеева сложилось впечатление о значительных затратах времени молодым ученым на тщательное ознакомление с европейской литературой в Японии, что не могло «особенно служить к пользе дела. Изучать европейских авторов-исследователей Японии возможно и дома, сидя у себя в кабинете» [6, с. 187].

Полезные суждения высказал Евгений Генрихович Спальвин, выпускник Санкт-Петербургского университета, в 1899–1900 гг. находившийся в командировке в Японии. Он считал, что Н.В. Кюнер для изучения истории Японии и ее современного положения «должен непременно поселиться в Токио», где работает университет с группой авторитетных профессоров-историков, функционируют библиотеки. «В Токио сосредоточена вся жизнь Японии ..., находятся все министерства с их архивами и библиотеками ... В Токио, кроме того, имеются еще несколько европейских обществ, специально занимающихся изучением Дальнего Востока и Японии». Сделаться членом этих обществ, по мнению Спальвина, являлось «если не обязанностью, то прямой необходимостью для Н.В. Кюнера» [6, с. 188]. Выписку из протокола Конференции Восточного института с обсуждением письма Кюнера переслали автору для сведения.

Николай Васильевич Кюнер, учитывая советы и рекомендации, настойчиво трудился над выполнением поставленных перед ним задач. Находясь в Японии, он собирал и систематизировал материал по курсам, которые ему предстояло читать в Восточном институте. Он работал много отдельных наиболее интересных эпизодов из истории Японии, причем занимался тем или другим вопросом не в известной последовательности (допустим, хронологической), а по мере того, как возникали эти вопросы при общем ходе его занятий. Конференция Восточного института фиксировала: он «с особенной старательностью и вниманием останавливался на политической и финансовой истории Японии и притом преимущественно за последнее время; по этому отделу знаний им собрано материалов едва ли не более, чем по всякому иному вопросу, касающемуся страны» [8, с. 176].

В период своего пребывания в Маньчжурии Н.В. Кюнер не только изучал историю этой области, особенно в южной ее части, но вместе с экспедицией А.В. Рудакова занимался разработкой мукденских архивов и книгохранилищ, что позволило ему ознакомиться с ключевыми источниками по истории региона.

Переехав в Китай, Кюнер провел значительное время в Шанхае, как пункте, сосредоточившем наибольшее число печатных и рукописных материалов, когда-либо собранных европейскими исследователями Китая. Богатейшая шанхайская библиотека открыла ему возможность разобраться во многих мало разработанных во-

просах истории [8, с. 177]. Не ограничиваясь знакомством с библиотечными ресурсами, Кюннер деятельно принялся за совершенствование своего знания китайского языка и под руководством местных учителей составил перевод одного из последних трудов по новейшей истории Китая, который должен был лечь в основу его будущего лекционного курса.

1 мая 1902 г. Конференция Восточного института, принимая во внимание, что «Кюннер может теперь уже вполне достойно и с пользой работать на кафедре», обратилась к Приамурскому генерал-губернатору с просьбой ходатайствовать перед министерством народного просвещения о назначении Николая Васильевича исполняющим должность профессора кафедры исторических наук владивостокского вуза [8, с. 175–177].

Летом 1902 г. Н.В. Кюннер прибыл во Владивосток и, не дожидаясь окончания формальной процедуры своего назначения⁵, приступил к оформлению методического обеспечения учебной нагрузки по порученным институтским курсам, по мере возможности параллельно занимаясь научно-исследовательской работой.

Научные изыскания Н.В. Кюннера

Николай Васильевич стремился использовать любую возможность для сбора исторических материалов и изучения новейших публикаций, для расширения своего интеллектуального потенциала преподавателя и начинающего исследователя. Так, находясь во второй половине 1905 г. в Вене «на излечении глухоты» (прогрессирующей потери слуха) (РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 94. Л. 315; Оп. 153. Д. 279. 68 и др.), в свободное время занимался в библиотеках и музеях.

Аналогичный подход он использовал, вернувшись в декабре 1905 г. из Вены в Петербург. Не сумев своевременно выехать во Владивосток, он обратился к министру народного просвещения: «... Полное прекращение всякого сообщения с Владивостоком через Сибирь⁶ поныне удерживает меня здесь, в Петербурге и, возможно, удержит меня еще надолго. Желая с пользой употребить время моего вынужденно-

го пребывания ..., я предложил воспользоваться настоящим случаем для сдачи экзаменов на магистра при Санкт-Петербургском университете» (РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 96. Л. 148). Кюннер хлопотал о разрешении ему выйти к руководству факультета восточных языков с соответствующим прошением и о предоставлении полагающегося для сдачи магистерских испытаний двухмесячного отпуска.

6 февраля 1906 г. «на предварительном докладе» в министерстве народного просвещения ходатайство получило поддержку (РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 96. Л. 30), однако через несколько дней Николая Васильевича уведомили о том, что товарищ министра «изволил... ходатайство отклонить, предлагая ... отправиться ныне же к месту ... службы в г. Владивосток» (РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 96. Л. 57). Можно предположить, что чиновник из министерства не владел информацией о Восточном институте. Вуз, вернувшийся в конце октября 1905 г. из Верхнеудинска, где находился в эвакуации, попал в весьма нестабильную социально-политическую обстановку военно-морской крепости и вынужден был отказаться от учебных занятий в весеннем семестре 1905/1906 академического года, а студентов и офицеров-слушателей отправить в зарубежные командировки. Возобновление занятий планировалось на начало 1906/1907 учебного года. Таким образом, весной 1906 г. у профессоров и преподавателей Восточного института появилась возможность сосредоточить внимание не на аудиторных занятиях, а на иных формах работы. Н.В. Кюннер, опираясь на поддержку и.д. директора Восточного института А.В. Рудакова и коллег по учебному заведению, добился допуска к испытаниям на степень магистра и получил отпуск до 15 марта 1906 г. Описанный случай показывает, что на пути к постановленной цели Н.В. Кюннеру приходилось преодолевать серьезные препятствия.

До начала нового учебного года во владивостокском вузе оставалось полгода. Николай Васильевич обратился в Конференцию Восточного института: «По окончании магистерского экзамена я предполагал бы выехать за границу в Вену и Берлин для разработки нового моего курса истории стран Дальнего Востока и для пополнения его данными из богатых архивов и библиотек обоих вышеназванных городов». Он считал командировку важной «в интересах... более скорой подготовки к печати ... курса истории Китая» (РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 279.

⁵ Высочайший приказ по гражданскому ведомству от 15 октября 1902 г. с информацией о назначении Н.В. Кюннера и.д. профессора Восточного института по географии и этнографии Китая, Кореи и Японии был опубликован [25].

⁶ Под Сибирью в то время понималась вся территория к востоку от Урала вплоть до Тихоокеанского побережья России.

Л. 68об., 69) и попутно обращал внимание на развитие курса коммерческой географии Китая «при помощи обширного статистического материала Венского Торгового Музея и Берлинского Колониального Управления» (РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 279. Л. 68). По его мнению, знакомство с этим материалом, представлялось «безусловно необходимым для правильного понимания торговой политики европейских держав на Дальнем Востоке», оно было «способно пролить свет на всю историю внешних сношений Китая за последнее десятилетие». В рассуждениях Кюнера звучит и забота об актуальности знаний будущих студентов: «...Изучение это необходимо студентам Восточного института для надлежащей оценки политической роли и торгового значения различных европейских держав на месте их будущей деятельности – в Китае» (РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 279. Л. 68).

Важный вопрос – об оплате командировочных расходов – Н.В. Кюнер предоставил «усмотрению Конференции». Прекрасно понимая ценность источников, которые можно собрать в ходе командировки, он, во-первых, соглашается «совершить поездку за свой собственный счет из получаемого... содержания» и, во-вторых, просит Восточный институт вести переписку с «высшим начальством» по телеграфу, чтобы можно было приступить к выполнению намеченной программы не позже второй половины марта 1906 г. (РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Д. 279. Л. 68об., 69). Из Владивостока откликнулись телеграммой в адрес министерства: «Препятствий [к] немедленному отъезду за границу [со] стороны Института нет» (РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 96. Л. 89).

Николай Васильевич Кюнер с научной целью посещал Западную Европу в 1905 г., в 1906 г. и 1912 г., несколько раз с аналогичной целью бывал в странах Дальнего Востока. Чтобы раскрыть принципиальные подходы ученого к таким поездкам, приведем один пример. В летние месяцы 1915 г. профессор был в Китае. Вот что он отмечал: «По первоначальному плану этой поездки я предполагал ограничиться посещением трех-четырех важнейших приморских городов Северного и Среднего Китая – Шанхая, Нанкина, Пекина и Тяньцзина и, вслед за тем, отправиться в Японию». Однако указанную программу профессор подверг коренному изменению, как только убедился, что перечисленные выше пункты не дают еще полного представления о современной жизни даже той части Китая, которая служила ему предметом иссле-

дования. Он расширил маршрут таким образом, чтобы побывать в любопытных в историческом отношении городах Ханьжоу, Учань, Ханьянь, а после Пекина и Тяньцзиня выехать в Южную и Северную Маньчжурию «для выяснения современного положения здесь Китая и деятельности Японии».

Избранный подход к организации научной командировки позволил Н.В. Кюнеру получить массу ценнейших впечатлений о стране, встретиться в Китае с выпускниками Восточного института, прочитать в Харбине серию научно-популярных лекций и ознакомиться с уникальными документами, на систематизацию и научную обработку которых потребовалось более полутора лет. В результате появились опубликованные статьи («Мирный захват китайцами европейских поселений в Шанхае», «Охрана памятников старины в Китае», «Борьба против наводнений в Китае». «Современное социальное движение в Китае») и подготовленный к печати подробный отчет и несколько материалов («Хлопководство и хлопчатобумажная промышленность в Китае», «Сельскохозяйственное образование в Китае и Японии», «Губернаторские отчеты о состоянии провинций в Китае» и др.).

Совершенно не случайно коллеги отмечали: сконцентрированный Кюнером «обширный материал значительно облегчает исследовательскую работу в будущем как для него самого, так и других исследователей» [2, с. 0190]. Да и сам Н.В. Кюнер в письме В.М. Алексею в 1923 г. признавал: «... пробыв здесь, на Дальнем Востоке 20 лет, собрав обширный материал по его изучению, я ощущаю ... потребность возвратиться в центр и там продолжить работу по использованию всего этого материала и опубликованию моих ... трудов» (Санкт-Петербургский филиал Архива РАН, далее – ПФА РАН. Ф. 820. Оп. 3. Д. 465. Л. 2об.). После отъезда из Владивостока в 1925 г. Н.В. Кюнер еще три десятка лет трудился в Ленинграде. Используя источники, собранные в дальневосточный период деятельности, он подготовил немало изданий.

Успешная сдача магистерского экзамена активизировала усилия Н.В. Кюнера, направленные на получение магистерской степени. Студент Восточного института Ипполит Баранов вспоминал: «Когда я учился на первом курсе [1907/1908 уч. год], профессор готовился к защите своей диссертации и читал нам главным образом о Тибете, а в конце года о Маньчжурии. По остальной программе географии и этногра-

фии Китая он предложил нам подготовиться к сдаче экзамена, пользуясь его пособиями и картой Матусовского» [1, с. 80].

По правилам, действовавшим в начале XX в., на защиту представлялся опубликованный труд. В течение двух лет молодой исследователь издал «Описание Тибета» [20], включавшее обзор существовавших в европейской и российской литературе данных по географии и этнографии, политической, экономической и культурной жизни Тибета. Как правило, труды подобного рода готовились коллективом авторов, Кюннер же сумел сделать это один. Даже сегодня поражает масштабность его предварительной работы по изучению и систематизации огромнейшего материала, по его типографскому оформлению. Объем изданного текста диссертации с сюжетами на европейских и восточных языках превышал 1200 страниц (по подсчетам Кюннера даже больше – 1500 страниц) и состоял из двух частей (восьми выпусков). Положение к диссертации имело 11 тезисов и уместилось на двух типографских страничках (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10288. Л. 5–5об.). Восточный факультет Санкт-Петербургского университета определил дату и время проведения диспута по диссертации Николая Васильевича Кюннера: воскресенье, 25 октября 1909 г. в 1 час дня; он же назначил официальных оппонентов по диссертации: ординарного профессора В.В. Бартольда и приват-доцента П.И. Иванова.

На заседании присутствовало много гражданских и военных лиц. Защита явилась хорошей научной школой для молодого ученого. Соискатель произнес краткую вступительную речь, которая произвела впечатление «своим скромным тоном» и «значительной научной эрудицией» [4]. В целом оппоненты дали высокую оценку исследованию, отметили, что выполненное исследование вносит вклад в отечественную и мировую науку, а автору дает «полное право на благодарность специалистов»; что при написании диссертации автором была проявлена «выдающаяся работоспособность», «редкий научный энтузиазм», «обширная эрудиция» [2, с. 0178, 0190]. Вместе с тем прозвучало немало замечаний, в том числе: недостаточно критическое отношение к историческим источникам и литературе; встречающиеся заимствования, повторения от своего имени чужих идей и трактовок; имеющиеся в тексте смысловые противоречия, неточности и ошибки; корректурные недосмотры и опечатки, допущенные по причине поспешности [2, с. 0178,

0179, 0181 и др.]. Молодой ученый постарался ответить на замечания. В журнале публичного собрания сохранилась итоговая запись: «Защитение диссертации признано удовлетворительным, определено удостоить Н.В. Кюннера степени магистра истории Востока и представить об этом Совету университета». Документ подписали декан факультета восточных языков В.А. Жуковский, профессора Н.И. Веселовский, Н.Я. Марр и другие (ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 15800. Л. 1).

Рассмотренные сюжеты научной карьеры Кюннера-историка позволяют сделать вывод об основательности и глубине его исследовательской работы. Благодаря изучению многих вопросов непосредственно на месте – в Китае, Японии, Корее, в странах Западной Европы и в России, – научные труды Н.В. Кюннера приобрели особую ценность и колорит.

Преподавательская деятельность

Н.В. Кюннера во Владивостоке

Кафедра, которую поручили Николаю Васильевичу Кюннеру в Восточном институте во Владивостоке, являлась совершенно новой, весьма непростой по спектру закрепленных за ней дисциплин: на первом курсе – общий курс географии и этнографии Китая, Кореи и Японии, общий обзор их политического устройства и религиозного быта (три лекции в неделю); на втором и третьем курсах – Новейшая история (XIX в.) Китая, Кореи и Японии в контексте взаимоотношений России с этими странами (три лекции в неделю); на четвертом курсе – история торговли Дальнего Востока и коммерческая география Восточной Азии (две лекции в неделю). Вся нагрузка падала на плечи одного профессора.

Официально преподавательскую деятельность в Восточном институте Николай Васильевич Кюннер открыл 23 ноября 1902 г. вступительной лекцией на тему «Взгляд на современное состояние европейской литературы, в частности географической, о Дальнем Востоке» [12]. К началу своего первого учебного года (1902/1903) он представил программы курсов по Новейшей истории Китая, Кореи, Японии [23]; Общей географии и этнографии этих же стран [24]; Коммерческой географии Китая, Кореи, Японии [22], а позже их значительно переработал [21]. Известно, что ни одна из указанных дисциплин ранее не была предметом изучения в учебных заведениях не только России, но и Европы (РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 93. Л. 102–102об.). Подготовка и практически еже-

годное усовершенствование программ учебных дисциплин и лекций к ним [13; 15; 16; 17; 18; 19 и др.] сопровождалось неимоверными трудностями и требовали длительного напряженного труда. Не случайно уже в августе 1905 г. директор Восточного института в телеграмме в министерство подчеркивал «выдающиеся заслуги Кюнера по разработке предметов кафедры» (РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 94. Л. 315).

Опыт нескольких лет трудовой деятельности привел руководителя кафедры к неутешительному заключению: «Соединение... в руках одного профессора преподавания трех предметов – географии и этнографии, коммерческой географии и истории стран Дальнего Востока возлагает на него невыполнимую задачу специализации в трех весьма различных научных областях ... в ущерб надлежащей всесторонней разработки каждого из указанных предметов» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 199. Л. 7). Возникшая ситуация фиксировалась и с внешней стороны. Так, в 1909 г. в рецензии на опубликованное Н.В. Кюнером диссертационное исследование прямо указывалось, что «из многих мест его книги» видно, что он «не является специалистом ни в области географической, ни в области этнографической науки» [2, с. 0178, 0179, 0190]. По сути дела, молодой историк оказался заложником всемерной экономии государственных средств при формировании кафедральной структуры востоковедческого вуза во Владивостоке.

Со временем Кюнер приходит к убеждению: преподавание каждой дисциплины «требует различных знаний и подготовки помимо специального ориентального образования» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 199. Л. 7). «В числе предметов, порученных ныне ... профессору историко-географических наук, имеется коммерческая география, которая по самому существу и основным задачам не вяжется со специальностью историка, требуя себе к тому совершенно особой коммерческой подготовки знаний». Из чего следовал вывод, что «надлежит передать чтение этого предмета преподавателю коммерческих наук, который сумеет придать ему более отвечающее коммерческим особенностям освещение и коммерческую пригодность» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 199. Л. 8).

Для наилучшей постановки ведения географии и этнографии стран Дальнего Востока, по мнению Кюнера, его следовало поручить «заботам особого приват-доцента, естественника по образованию, ... интересующегося Дальним

Востоком». В таком случае преподавание истории было бы «оставлено в руках существующего профессора, являющегося благодаря знанию восточных языков более подходящим лицом для работы над историческими памятниками и материалами» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 199. Л. 7, 7об.).

Данные соображения Н.В. Кюнера, высказанные им в «Записке» от 18 ноября 1906 г., напрямую касались идеи разделения историко-географической кафедры, но в течение десяти лет она не нашла практического применения. В «Докладной записке о назревших нуждах Восточного института...» (январь 1916 г.), направленной с согласия Приамурского генерал-губернатора в министерство народного просвещения Российской империи, обосновывалась давно назревшая необходимость из кафедры, руководимой профессором Н.В. Кюнером, организовать две совершенно самостоятельные кафедры: истории Дальнего Востока с одной стороны, и географии и этнографии – с другой [3, с. 6, 9, 10]. Интересно, что в ноябре того же года на заседании комиссии по пересмотру указанной выше «Докладной записки...» было решено возбудить ходатайство об учреждении на базе историко-географической кафедры уже не двух, а трех кафедр: истории, этнографии и географии (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 471. Л. 114, 114об.). В этой связи подчеркнем важную деталь: в заседаниях комиссии принимал участие специально командированный во Владивосток А.М. Позднеев, член комитета министра народного просвещения, бывший директор Восточного института, один из разработчиков проекта этого вуза в 1898–1899 гг. Он признал предложение вполне оправданным, что свидетельствовало о его согласии с тем, что на Николая Васильевича Кюнера в начале его профессорской карьеры была возложена непомерно тяжелая преподавательская ноша, которую он добросовестно нес в течение двух десятилетий. В 1920 г. в составе восточного факультета Государственного Дальневосточного университета во Владивостоке была создана кафедра истории Дальнего Востока. Возглавил ее Николай Васильевич Кюнер.

Вместе с тем идея разделения историко-географической кафедры говорила о развитии данной структуры университета. Ее руководитель не только систематически дополнял и обновлял содержание лекционного материала, но и по-новому его структурировал. Объем материала не вмещался в отводимые лекционные часы.

«Желательно было бы, – замечал Н.В. Кюннер, – увеличить существующее число лекций по географии и этнографии», что позволило бы «исчерпать оба предмета с большей полнотой и основательностью» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 199. Л. 8об.).

Доказывая целесообразность увеличения количества аудиторных занятий по истории стран Дальнего Востока, профессор приводил убедительные аргументы: достаточно полные знания студентов-востоковедов «немыслимы без надлежащего знакомства с историческим прошлым этих стран, создавшим в конечном итоге те политические, общественные и вообще культурные формы, которые играют значительную роль в новейшей истории Китая, Кореи и Японии и с которыми приходится считаться поныне европейским державам в их стремлении утвердить свое политическое влияние в Восточной Азии». Учитывая особую роль китайской цивилизации, такому важному предмету, как история культуры Дальнего Востока (в частности китайской), как подчеркивал Н.В. Кюннер, следует отвести «не менее двух лекций в неделю в добавление к существующим трем лекциям по Новейшей политической истории стран Дальнего Востока и сношений их с иностранцами, для выяснения вопроса постепенного вытеснения или ослабления китайской культурой, или политического влияния в Японии и Корее и связанных с этим переворотами, равно как борьбы европейской и китайской цивилизации в самом Китае» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 199. Л. 7об., 8). Так как «главными пионерами европейской цивилизации явились купцы, а торговые интересы давали содержание и направление всем действиям и мероприятиям европейских держав на Дальнем Востоке, пока не сменились в последних десятилетиях строго политическими соображениями и целями, то профессор-историк может уделить часть времени (... один час в неделю) и предмету истории торговых сношений и вообще истории торговли Дальнего Востока» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 199. Л. 8).

23 ноября 1911 г. появилась «Докладная записка профессора Н.В. Кюннера о расширении программ преподавания по курсу историко-географических наук». Из всех положений документа остановимся на одном – на внимании профессора к Восточно-Азиатской России, охарактеризованной как обширная и своеобразная страна, представляющая собой «целый самобытный физический мир, лишь политически и экономически связанный с другими областями

Азиатской же России» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 234. Л. 23). Отношение Николая Васильевича Кюннера к этой земле хорошо видно из его писем к В.В. Бартольд: «Сибирь ... это страна будущего и я, всякий раз, когда проезжаю по ней, искренне восторгаюсь ее необъятными просторами, разнообразными богатствами... Сибирь для меня иногда даже интереснее Китая. <...> Современная действительность Сибири неказиста, особенно в городах, но в коренной России она немногим лучше» (ПФАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 131. Л. 6, 7). Это были впечатления заинтересованного ученого, историка. Когда в 1918 г. вопрос о развитии сибиреведения перешел в практическую плоскость, Н.В. Кюннер высказал свою принципиальную деловую позицию: «Я всецело приветствую идею создания института или иного научного практического учреждения по исследованию Сибири, ... лично готов служить будущему институту по исследованию Сибири всеми собранными у меня научными [материалами]» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 556. Л. 12).

Николай Васильевич Кюннер первым в стране начал вести занятия по истории и географии Сибири. Это произошло в 1918/1919 учебном году в рамках частного историко-филологического факультета во Владивостоке. Его лекции вызвали несомненный интерес. Их записали и издали слушатели курса [16]. Указанные факты следует расценивать как доказательства правомерности внимания Кюннера к истории Сибири, официально зафиксированного в 1911 г.

Для успешности службы в Сибири необходимо было хорошо знать данную территорию и «различные населяющие ее народности, словом, знать те географические условия, которые ее отличают, и те культурно-бытовые и экономические формы, которые в ней наблюдаются» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 234. Л. 23). По мнению профессора, «необходимо быть близко знакомым» с прошлым Восточно-Азиатской России, так как оно касалось исторических событий, связанных с присоединением этого края к России и постепенным заселением его русскими людьми. Однако общение в учебных аудиториях Восточного института показывало, что студенты и офицеры-слушатели обладали лишь случайными и отрывочными знаниями по истории, географии, этнографии родного края, Восточной Сибири. Публикаций по данной тематике было крайне мало. Когда же выпускники поступали на службу, им приходилось «спешно восполнять» пробелы учебной программы пу-

тем усиленного чтения или наблюдения и исследования (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 234. Л. 23об.).

Во избежание этого нежелательного явления Н.В. Кюннер предлагал предусмотреть в программе Восточного института три новых курса. Во-первых, географию (физическую) и этнографию Восточной Сибири и соседних областей Китайской империи – для более наглядного выяснения их отношения к прилегающим частям русской территории. Во-вторых, экономическую географию Восточной Сибири с попутными указаниями на экономические условия в остальной Сибири и выяснением существующей экономической зависимости Восточной Сибири от определенных областей Китая. В-третьих, историю Восточной Сибири со специальным разделом «Истории русской колонизации в Восточной Сибири». Этот вопрос, считал Н.В. Кюннер, является «основным вопросом русской государственной политики в этой части русской территории и залогом прочного утверждения здесь русской национальной мощи. Рассмотрение этого вопроса в историческом порядке развития его в прошлом даст возможность правильного разрешения его в будущем» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 234. Л. 24).

9 июля 1916 г. увидела свет «Записка профессора Н.В. Кюннера о желательных изменениях в существующей постановке преподавания общей географии и этнографии, экономической географии и истории стран Дальнего Востока». Начинаясь она словами: «Почти 14-летний опыт моего преподавания в Институте наглядно обнаружил существенные недочеты установленного плана преподавания вышеназванных учебных курсов⁷» (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 431. Л. 187). По его мнению, цели изучения курсов распадались на две, а именно «на усвоение учащимися запаса фактических знаний с наилучшими приемами их критической проверки и анализа» и на «приобретение навыка быстро ориентироваться в массе литературного материала и применять усвоенные знания в практических целях». Значит, преподавание должно было делиться на теоретическую часть и практическую часть, «наглядно обучающую учащихся применению знаний в практических

целях». Профессор Кюннер доказывал необходимость организации по каждому курсу историко-географических наук регулярных практических занятий, на которых можно было бы заслушивать студенческие рефераты по избранному и согласованному с преподавателем темам (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 431. Л. 187об.).

Не менее важным являлось другое предложение опытного профессора – ввести спецкурсы по географическим и историческим предметам в качестве дополнения к общим курсам (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 431. Л. 188). Н.В. Кюннер прекрасно знал, что «общие курсы по истории и географии Дальнего Востока сообщают минимум сведений для всех изучающих восточные науки в Восточном институте вне зависимости от специальности». К тому же «сведения сообщаются преимущественно по Китаю», поскольку знание Китая и китайского языка было обязательным для студентов всех отделений данного вуза. При таком подходе получалось, что те, кто специализировался по Корее, Японии, Монголии и т. д., получали по своим странам недостаточное знание. Включить их в общие курсы означало чрезмерно обременить деталями слушателей других отделений и требовало дополнительных учебных часов.

Н.В. Кюннер предлагал на каждом отделении читать как минимум два спецкурса объемом один-два часа в неделю: один – по общей и экономической географии и второй – по этнографии и новейшей истории той страны, язык которой изучался на данном отделении (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 431. Л. 188).

В развитие идеи специальных курсов осенью 1916 г. Н.В. Кюннер пишет еще одну докладную записку (РГИА ДВ. Ф. 226. Оп. 1. Д. 431. Л. 185–185об.). Он делает акцент на недостаточном внимании к краеведению, к Приамурскому краю и Маньчжурии. На этих территориях проживало много китайцев и корейцев, в своем большинстве принадлежавших к тунгусской ветви монгольской расы. Видимо, поэтому Кюннер предлагает включить в число изучаемых восточных языков различные тунгусские наречия, в том числе маньчжурского языка как единственного культурного из тунгусских наречий; вместо китайско-монгольского отделения может быть создано новое отделение – отделение краеведения или, по определению Н.В. Кюннера, «отделение окраинное».

С позиций сегодняшнего дня весьма интересен взгляд Николая Васильевича Кюннера на круг предметов для изучения на окраинном отделе-

⁷ Такой план для Восточного института был установлен в «Положении о Восточном институте». Внести изменения в перечень читаемых дисциплин и в количество отводимых на него часов можно было только с разрешения министерства народного просвещения.

нии: китайский язык как обязательный предмет, тунгусские наречия (в том числе маньчжурский и корейский языки), общий курс истории Китая, специальный курс по истории Маньчжурии и Приамурья, курс географии этих же территорий, этнографию Приамурья и Маньчжурии с блоком материала о религиозном быте инородцев – шаманстве, административное устройство Приамурья и Маньчжурии, их экономическую географию. В предлагаемом курсе «Русская колонизация Приамурья» следовало дать материал с исторической и с культурно-экономической точек зрения, сопроводив его сравнением с китайской колонизацией Маньчжурии.

Итак, Н.В. Кюннер, с 1902 г. исполняющий должность профессора, а с 1910 г. профессор кафедры историко-географических наук, не только разрабатывал и совершенствовал программы по порученным ему вузовским курсам, но и обеспечивал их лекциями, учебниками и учебными пособиями. Опираясь на накопленный опыт, он в течение 1906–1916 гг. неоднократно озвучивал идеи по улучшению подготовки востоковедов. Часть его предложений получила претворение сразу после 1917 г. Многие идеи Н.В. Кюннера (практические занятия, семинары, спецкурсы, краеведческий компонент и др.) являются неотъемлемой частью современного учебного процесса в вузах Дальнего Востока России.

В заключении отметим, что ученики и коллеги первого историка-профессора на Дальнем Востоке давали высокую оценку его профессиональной деятельности. Уже в самом начале XX столетия первые студенты молодого востоковедческого вуза отмечали Николая Васильевича Кюннера, как «лицо с задатками профессора и ученого» (РГИА. Ф. 733. Оп. 151. Д. 95. Л.

114). Ипполит Баранов, выпускник Восточного института 1911 г., в воспоминаниях подчеркивал, что «всегда с чувством глубокого уважения и благодарности вспоминал своего учителя», что «лекции Николая Васильевича Кюннера по всем его предметам пользовались популярностью. Тогда он еще не страдал глухотой, которая стала замечаться у него впоследствии. Он выглядел совсем молодым, энергичным. На лекции приходил одетым в форменный сюртук. За кафедру не садился, читал свой курс стоя, оживленно, изредка заглядывая в свои записи». Кюннер тщательно проводил экзамены, «не упуская разных мелочей программы». Студенты знали, что этот профессор – труженик науки, преданный своему делу [1, с. 80, 82].

В 1924 г. в Государственный Дальневосточный университет во Владивостоке поступил учиться будущий академик-китаевед М.И. Сладковский. Он застал Н.В. Кюннера «крупнейшим знатоком истории и географии стран Дальнего Востока. На его лекции приходили студенты не только восточного, но и других факультетов, а также преподаватели и вольнослушатели – военные, учителя и др.». Проводимые в университете учебные занятия оставили, по признанию М.И. Сладковского, «неизгладимый след». Именно они «положили начало осознанному восприятию... всей той обширной и богатой области человеческих знаний, которая именуется китаеведением» [29, с. 44, 45].

Николай Васильевич Кюннер стал профессором-историком по призванию, по увлечению, по высочайшему профессионализму и работоспособности. Его деятельность, его инициативы оказали значительное влияние на развитие исторического образования на российском Дальнем Востоке.

The image shows a handwritten signature in black ink on a light-colored background. The signature is written in a cursive, somewhat stylized script. It reads 'Др. проф. Н. В. Кюннер.' (Dr. Prof. N. V. Kunnerev). The signature is written in two lines, with 'Др. проф.' on the first line and 'Н. В. Кюннер.' on the second line. The ink is dark and the handwriting is clear.

Рис. 3. Автограф профессора Н.В. Кюннера. 7 ноября 1922 г.

27 апреля 1925.

Многоуважаемый
 Василий Владимирович! 15
 17

Это письмо дошло до нас лишь напрошлом
 году при пода назад, как только всема
 новинка сообщенна между Владивостоком
 и Ленинградом; но после долгого переписка
 к ~~на~~ письме у меня невоинное
 столько всего, о чем мне хотелось поговорить
 с вами (рис.), но не сводит все, не
 решился написать сразу и отложил
 письмо до личного свидания, которое, как я
 надеюсь, состоится в первом же году
 (1923-), когда мне дана обещана командировка
 в Ленинград. Но прошло 3 года,
 и у меня все еще здесь с непонятными
 причинами в том, как до сих пор не
 удалось посетить в Ленинград и познакомиться
 поближе к надежде познакомиться Ро-
 мандировке и другими способами осу-
 ществить поездку (так как по условиям
 моего задания мне ^{не} дается ^{на} про-
 дление с семьей, то на указанные средства

Рис. 4. Письмо Н.В. Кюнера из Владивостока В.В. Бартольду. Апрель 1925 г.

Источник: ПФАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 131. Л. 17.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранов И.Г. Четыре года в Восточном институте (1907–1911) // Воспоминания о Восточном институте / авт.-сост. А.А. Хисамутдинов, Г.П. Турмов. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2015. С. 30–163.
2. В. Б[артольд]. Рец. на: Н.В. Кюнер. «Описание Тибета...» // Записки восточного отделения Императорского русского археологического общества. 1909. Т. 19. С. 0177–0190.
3. Докладная записка о назревших нуждах Восточного института в связи с вопросом о его реорганизации. Владивосток: Издание и печать Восточного института, 1916.
4. Защита магистерской диссертации Н.В. Кюнера // Далекая окраина. 1909. 17 ноября.
5. Заседание Конференции Восточного института 23 февраля 1900 г. // Известия Восточного института. 1900. Т. I. Вып. 1. С. LIV–LV.
6. Заседание Конференции Восточного института 11 ноября 1900 г. // Известия Восточного института. 1901. Т. II. Вып. 3. С. 188–189.
7. Заседание Конференции Восточного института 20 февраля 1901 г. // Известия Восточного института. 1901. Т. II. Вып. 3. С. 213–214.
8. Заседание Конференции Восточного института 1 мая 1902 г. // Известия Восточного института. 1901. Т. III. Вып. 5. С. 175–177.
9. Зенина Л.В. Н.В. Кюнер — историк Дальнего Востока // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. I. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1962. С. 81–87.
10. Зенина Л.В. Ученый, учитель, гражданин (120 лет со дня рождения Н.В. Кюнера). Краткие вехи биографии // 100 лет петербургскому корееведению. Материалы междунар. конф., посвящ. столетию корееведения в Санкт-Петербургском университете. 14–16 октября 1997 г. СПб., 1997. С. 8–18.
11. Кларк Ф.Е. Великая Сибирская железная дорога. Что я увидел во время поездки [1900 г.]. Владивосток: Валентин, 2016.
12. Кюнер Н.В. Взгляд на современное состояние европейской литературы, в частности географической, о Дальнем Востоке (Вступительная лекция, произнесенная в Восточном институте 23-го ноября 1902 г.). Владивосток: паровая типо-лит. газ. «Дальний Восток», 1903.
13. Кюнер Н.В. Дальний Восток и Приамурский край за минувшие 20 лет в связи с развитием деятельности Восточного института (Речь, произнесенная на торжественном акте по случаю 20-летия со дня основания Восточного института 3 ноября 1919 г.). Владивосток: Издание Восточного института, 1920.
14. Кюнер Н.В. Историко-географический очерк Японии. Рукопись. 1899.
15. Кюнер Н.В. Исторический очерк развития основ китайской материальной и духовной культуры, в связи с выяснением роли последней в жизни других народов на Дальнем Востоке. Ч. 1. Владивосток: типо-лит. Восточного института, 1909.
16. Кюнер Н.В. Лекции по истории и географии Сибири. Курс, читанный на историко-филологическом факультете во Владивостоке в 1918–1919 ак. г. Владивосток: Издание слушателей историко-филологического факультета, 1918.
17. Кюнер Н.В. Лекции по истории развития главнейших основ китайской материальной и духовной культуры, читанные на 2-м курсе в Восточном институте. Владивосток: Изд. Н.В. Репина, 1921.
18. Кюнер Н.В. Новейшая история стран Дальнего Востока. Изд. 2-е, перераб. и доп. Ч. 1. Владивосток: типография Восточного института, 1912.
19. Кюнер Н.В. Новейшая история стран Дальнего Востока. Курс лекций, читанный студентам Восточного института в 1907–1908 ак. г. Ч. 1. Владивосток: С. Спиридович, 1909.
20. Кюнер Н.В. Описание Тибета. В 2-х ч. Владивосток, 1907–1908.
21. Кюнер Н.В. Программы преподавания в Восточном институте. I. По общему курсу географии и этнографии Китая, Кореи и Японии. II. По новейшей (XIX века) истории Китая, Кореи и Японии в связи с историей сношений России с этими странами. III. По коммерческой географии Восточной Азии и истории торговли Дальнего Востока. Владивосток. 1913.
22. Обзорение преподавания по курсу Коммерческой географии Китая, Кореи и Японии на 1902–1903 академический год, составленное и.д. профессора Н.В. Кюнером. Для студентов IV курса // Известия Восточного института. 1902. Т. III. Вып. 5. С. 227–230.
23. Обзорение преподавания по Новейшей истории Китая, Кореи и Японии на 1902–1903 академический год, составленное и.д. профессора Н.В. Кюнером. Для студентов II и III курсов // Известия Восточного института. 1902. Т. III. Вып. 5. С. 230–242.
24. Обзорение преподавания по Общему курсу географии и этнографии Китая, Кореи и Японии на 1902–1903 академический год, составленное и.д. профессора Н.В. Кюнером. Для студентов I курса // Известия Восточного института. 1902. Т. III. Вып. 5. С. 223–227.
25. Правительственный вестник. 1902. 24 октября.

26. Протоколы Совета Императорского Санкт-Петербургского университета. 1900. № 56.

27. Решетов А.М. Выдающийся востоковед-энциклопедист (к 125-летию со дня рождения Н.В. Кюнера) // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 11. С. 163–169.

28. Решетов А.М. Основные этапы жизни и научной деятельности профессора Н.В. Кюнера // Немцы в России. Российско-немецкий диалог. СПб., 2001. С. 108–123.

29. Сладковский М.И. На восточном факультете Государственного Дальневосточного университета // Знакомство с Китаем и китайцами. М.: Наука. 1984. С. 39–57.

30. Чеснокова Н.А. Н.В. Кюнер (1877–1955): «Корея во второй половине XVIII века». Неопубликованная машинопись // Вестник архивиста. 2018. № 1. С. 24–37.

REFERENCES

1. Baranov, I.G., 2015. Chetyre goda v Vostochnom institute (1907–1911) [Four years at the Oriental Institute, 1907–1911]. In: Khisamutdinov, A.A. and Turmov, G.P. eds., 2015. Vospominaniya o Vostochnom institute. Vladivostok: Dalnevost. federal. un-t, pp. 30–163. (in Russ.)

2. V. B[artold], 1909. Rets. na: N.V. Kyuner. «Opisanie Tibeta...» [Review of N.V. Kyuner's «Opisanie Tibeta...»], Zapiski vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo arkheologicheskogo obshchestva, Vol. 19, pp. 0177–0190. (in Russ.)

3. Dokladnaya zapiska o nazrevshikh nuzhdakh Vostochnogo instituta v svyazi s voprosom o ego reorganizatsii [Report on the urgent needs of the Oriental Institute in connection with the issue of its reorganization]. Vladivostok: Izdanie i pechat' Vostochnogo instituta, 1916. (in Russ.)

4. Zashchita masterskoi dissertatsii N.V. Kyunera [Defense of master's thesis of N.V. Kyuner], Dalekaya okraina, 1909, November 17. (in Russ.)

5. Zasedanie Konferentsii Vostochnogo instituta 23 fevralya 1900 g. [Meeting of the Oriental Institute Conference, February 23, 1900], Izvestiya Vostochnogo instituta, 1900, Vol. I, no. 1, pp. LIV–LV. (in Russ.)

6. Zasedanie Konferentsii Vostochnogo instituta 11 noyabrya 1900 g. [Meeting of the Oriental Institute Conference, November 11, 1900], Izvestiya Vostochnogo instituta, 1901, Vol. II, no. 3, pp. 188–189. (in Russ.)

7. Zasedanie Konferentsii Vostochnogo instituta 20 fevralya 1901 g. [Meeting of the Oriental Institute Conference, February 20, 1901], Izvestiya Vostochnogo instituta, 1901, Vol. II, no. 3, pp. 213–214. (in Russ.)

8. Zasedanie Konferentsii Vostochnogo instituta 1 maya 1902 g. [Meeting of the Oriental Institute Conference, May 1, 1902], Izvestiya Vostochnogo instituta, 1901, Vol. III, no. 5, pp. 175–177. (in Russ.)

9. Zenina, L.V., 1962. N.V. Kyuner — istorik Dalnego Vostoka [N.V. Kyuner, a historian of Far Eastern countries]. In: Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta. T. I. Leningrad: Izd-vo Leningradskogo un-ta, pp. 81–87. (in Russ.)

10. Zenina, L.V., 1997. Uchenyi, uchitel', grazhdanin (120 let so dnya rozhdeniya N.V. Kyunera). Kratkie vekhi biografii [Scientist, teacher, citizen (120th anniversary of N.V. Kyuner). Brief biographical milestones]. In: 100 let peterburgskomu koreevedeniyu. Materialy mezhdunar. konf., posvyashch. stoletiyu koreevedeniya v Sankt-Peterburgskom universitete. 14–16 oktyabrya 1997 g. Sankt-Peterburg, pp. 8–18. (in Russ.)

11. Clark, F.E., 2016. Velikaya Sibirskaya zheleznaya doroga. Chto ya uvidel vo vremya poyezdki [1900 g.] [The Great Siberian Railway. What I saw on my journey (1900)]. Vladivostok: Valentin. (in Russ.)

12. Kyuner, N.V., 1903. Vzglyad na sovremennoe sostoyanie evropeiskoi literatury, v chastnosti geograficheskoi, o Dalnem Vostoke (Vstupitelnaya lektsiya, proiznesennaya v Vostochnom institute 23-go noyabrya 1902 g.) [A glance at the current European literature, in particular in geography, about the Far East (An introductory lecture delivered at the Oriental Institute on November 23, 1902)]. Vladivostok: parovaya tipo-lit. gaz. «Dalniy Vostok». (in Russ.)

13. Kyuner, N.V., 1920. Dalniy Vostok i Priamurskiy kraj za minuvshie 20 let v svyazi s razvitiyem deyatel'nosti Vostochnogo instituta (Rech, proiznesennaya na torzhestvennom akte po sluchayu 20-letiya so dnya osnovaniya Vostochnogo instituta 3 noyabrya 1919 g.) [Russian Far East and the Amur Region for the past 20 years in connection with the activities of the Oriental Institute (A speech delivered at the celebration of the 20th anniversary of the Oriental Institute on November 3, 1919)]. Vladivostok: Izdaniye Vostochnogo instituta.

14. Kyuner, N.V., 1899. Istoriko-geograficheskiy ocherk Yaponii. Rukopis [Historical and geographical essay of Japan. A manuscript]. (in Russ.)

15. Kyuner, N.V., 1909. Istoricheskiy ocherk razvitiya osnov kitaiskoi materialnoi i dukhovnoi kultury, v svyazi s vyyasneniem roli poslednei v zhizni drugih narodov na Dalnem Vostoke. Ch. 1. [A historical sketch of the development of the foundations of Chinese material and spiritual culture, in connection with the role of the latter in the life of

other peoples of the Far East. Part 1]. Vladivostok: tipo-lit. Vostochnogo instituta. (in Russ.)

16. Kyuner, N.V., 1918. Lektsii po istorii i geografii Sibiri. Kurs, chitanniy na istoriko-filologicheskom fakultete vo Vladivostoke v 1918–1919 ak. g. [Lectures on the history and geography of Siberia. The course taught at the Faculty of History and Philology in Vladivostok in 1918–1919 academic year]. Vladivostok: Izdanie slushatelei istoriko-filologicheskogo fakulteta. (in Russ.)

17. Kyuner, N.V., 1921. Lektsii po istorii razvitiya glavneishikh osnov kitaiskoi materialnoi i dukhovnoi kultury, chitannye na 2-m kurse v Vostochnom institute [Lectures on the history of the development of the main foundations of Chinese material and spiritual culture, delivered for the 2nd year students of the Oriental Institute]. Vladivostok: Izd. N.V. Repina. (in Russ.)

18. Kyuner, N.V., 1912. Noveishaya istoriya stran Dalnego Vostoka [Modern history of the Far Eastern countries]. Vladivostok: tipografiya Vostochnogo instituta. (in Russ.)

19. Kyuner, N.V., 1909. Noveishaya istoriya stran Dalnego Vostoka. Kurs leksiy, chitanniy studentam Vostochnogo instituta v 1907–1908 ak. g. Ch.1. [Modern history of the Far Eastern countries. The course of lectures, delivered for the students of the Oriental Institute in 1907–1908 academic year. Part 1]. Vladivostok: S. Spiridovich. (in Russ.)

20. Kyuner, N.V., 1907–1908. Opisanie Tibeta. V 2-kh ch. [Description of Tibet. In 2 parts]. Vladivostok. (in Russ.)

21. Kyuner, N.V., 1913. Programmy prepodavaniya v Vostochnom institute. I. Po obshchemu kursu geografii i etnografii Kitaya, Korei i Yaponii, II. Po noveyshei (XIX veka) istorii Kitaya, Korei i Yaponii v svyazi s istoriei snoshenii Rossii s etimi stranami, III. Po kommercheskoi geografii Vostochnoi Azii i istorii trgovli Dalnego Vostoka [Teaching programs of the Oriental Institute. I. General course of geography and ethnography of China, Korea and Japan. II. Modern (XIXth century) history of China, Korea and Japan in connection with the history of relations with Russia. III. Commercial geography of East Asia and the history of Far Eastern trade]. Vladivostok. (in Russ.)

22. Kyuner, N.V., 1902. Obozrenie prepodavaniya po kursu Kommercheskoi geografii Kitaya, Korei

i Yaponii na 1902–1903 akademicheskii god. Dlya studentov IV kursa [A review of the course in commercial geography of China, Korea and Japan for the 1902–1903 academic year. For the 4th year students], Izvestiya Vostochnogo instituta, Vol. III, no. 5, pp. 227–230. (in Russ.)

23. Kyuner, N.V., 1902. Obozrenie prepodavaniya po Noveishei istorii Kitaya, Korei i Yaponii na 1902–1903 akademicheskii god. Dlya studentov II i III kursov [A review of the course in modern history of China, Korea and Japan for the 1902–1903 academic year. For the 2nd and 3rd year students], Izvestiya Vostochnogo instituta, Vol. III, no. 5, pp. 230–242. (in Russ.)

24. Kyuner, N.V., 1902. Obozrenie prepodavaniya po Obshchemu kursu geografii i etnografii Kitaya, Korei i Yaponii na 1902–1903 akademicheskii god. Dlya studentov I kursa [A review of the general course in geography and ethnography of China, Korea and Japan for the 1902–1903 academic year. For the 1st year students], Izvestiya Vostochnogo instituta, Vol. III, no. 5, pp. 223–227. (in Russ.)

25. Pravitelstvennyi vestnik, 1902, October 24.

26. Protokoly Soveta Imperstorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta [Protocols of the Council of the Imperial St. Petersburg University]. 1900. № 56. (in Russ.)

27. Reshetov, A.M., 2002. Vydayushchiysya vostokoved-entsiklopedist (k 125-letiyu so dnya rozhdeniya N.V. Kyunera) [An outstanding Orientalist (on the 125th anniversary of N.V. Kyuner)], Problemy Dalnego Vostoka, no. 11, pp. 163–169. (in Russ.)

28. Reshetov, A.M., 2001. Osnovnye etapy zhizni i nauchnoi deyatel'nosti professora N.V. Kyunera [The main stages of life and research of Professor N.V. Kyuner]. In: Nemtsy v Rossii. Rossiisko-nemetskii dialog. Sankt-Peterburg, pp. 108–123. (in Russ.)

29. Sladkovskiy, M.I., 1984. Na vostochnom fakul'tete Gosudarstvennogo Dalnevostochnogo universiteta [At the Oriental faculty of the State Far Eastern University]. In: Znakomstvo s Kitaem i kitaitkami. Moskva: Nauka, pp. 39–57. (in Russ.)

30. Chesnokova, N.A., 2018. N.V. Kyuner (1877–1955): «Koreya vo vtoroi polovine XVIII veka». Neopublikovannaya mashinopis' [N.V. Kyuner (1877–1955): «Korea in the second half of the XVIIIth century. An unpublished typescript], Vestnik arkhivista, no. 1, pp. 24–37. (in Russ.)

М.А. Тулиглович*

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ

В статье рассматривается роль исторической науки в образовательном процессе Дальневосточного юридического института МВД России, обобщаются основные направления исторических исследований преподавателей и сотрудников института. Автор делает вывод о том, что историческая наука имеет важную роль в образовательном и воспитательном процессе учебного заведения, способствует формированию гражданско-патриотических качеств курсантов и слушателей, их общекультурному развитию.

Ключевые слова: историческая наука, образовательный процесс, направления научных исследований, научная школа

History in the educational process of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs. MAXIM A. TULIGLOVICH (Vladivostok Branch of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs)

The article examines the role of history as a discipline in the educational process of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, summarizes the main research directions of the institute's faculty and staff in the field of history. The author concludes that history plays an important role in the educational process of the institute, contributing to the patriotic and general cultural development of its students.

Keywords: history, educational process, research directions, school of thought

В условиях глобализации на передовые позиции в мире выходят страны, обладающие высоким потенциалом знаний, способные генерировать новые научные идеи и продуктивно внедрять их во все сферы жизни общества. В каждой стране юридическое сообщество играет важнейшую роль в общественной жизни, во многом определяет лицо нации. Поэтому обеспечение высокого качества юридического образования в России, несомненно, выступает неотъемлемой частью заявленного курса на модернизацию.

В настоящее время в обществе отмечается рост интереса к качественному образованию. Растет и авторитет образования. Молодое поколение все больше понимает актуальность зна-

ний, осознавая возможность реализации на их основе широкого круга перспектив своего развития, освоения путей к приобретению востребованных и, главное, интересных профессий. Сегодня качественное образование, как ничто иное, помогает людям стать полноценными гражданами, культурными, толерантными личностями, способными решать как внутригосударственные, так и мировые задачи, реализовывать национальные и общечеловеческие ценности. Качественное образование, в том числе и юридическое, востребовано в различных общественных структурах.

На современном этапе развитие и углубление отношений России со странами Азиат-

* ТУЛИГЛОВИЧ Максим Анатольевич, кандидат юридических наук, начальник Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России.

E-mail: tu-m-an@yandex.ru

© Тулиглович М.А., 2018

ско-Тихоокеанского региона происходит не только в области экономики и политики, но и в культурной сфере, важнейшей составляющей которой является система образования. Развитие высшего образования системы МВД России на Дальнем Востоке является неотъемлемой частью российской истории, дополняет особенности формирования высшего образования в стране в целом и в дальневосточном регионе в частности.

97 лет Дальневосточный юридический институт готовит кадры для системы органов внутренних дел. В современных условиях многократно возрастают требования к уровню профессиональной подготовки кадров, способных решать новые, более сложные задачи. Уровень образования сотрудников оказывает огромное влияние на результативность правоохранительной деятельности. К личному составу предъявляются высокие социальные, нравственные и культурные требования.

В системе подготовки квалифицированных специалистов для органов МВД России большое значение уделяется изучению истории. Основная задача истории – обобщение и обработка накопленного человеческого опыта. «Historia magistra vitae», – говорили древние. И действительно, люди всегда, особенно в переломные периоды жизни человечества, пытались найти в мировом историческом опыте ответы на многие вопросы. На исторических примерах люди воспитываются в уважении к вечным человеческим ценностям: миру, добру, справедливости, красоте, свободе.

Процесс изучения истории выполняет в отношении формирования личности курсантов и слушателей сразу несколько социально значимых функций – познавательную, мировоззренческую, воспитательную. Знание отечественной истории формирует гражданские качества – патриотизм, чувство долга перед обществом, представления о чести.

Процесс преподавания истории в Дальневосточном юридическом институте МВД России направлен на личностное развитие обучаемых. Выработка у курсантов и слушателей осознанного стремления к личному саморазвитию в соответствии с предъявляемыми к сотруднику МВД России требованиями обеспечивается:

- нацеленностью преподавателей на осуществление воспитательной деятельности;
- четкой мировоззренческой позицией педагогов, их личным примером, единством слова и дела;

- научной организацией и профессионализмом проведения занятий;

- индивидуальным подходом к каждому курсанту и слушателю, знанием их способностей, умелым применением различных мер, стимулирующих личностное развитие обучаемого;

- справедливым и доброжелательным отношением к обучающимся;

- высокой требовательностью к курсантам и слушателям, сочетаемой с уважением их личного достоинства.

Важнейшим направлением работы института является научно-исследовательская деятельность, осуществляемая в тесном контакте с другими вузами и научными учреждениями системы МВД России, а также Министерством обороны, Министерством юстиции и Министерством науки и высшего образования, Министерством просвещения Российской Федерации, Управлениями внутренних дел по Хабаровскому и Приморскому краю.

Основными организационными видами научно-исследовательской деятельности института являются:

- работа профессорско-преподавательского состава по проведению научно-исследовательских работ;

- подготовка и защита диссертационных исследований;

- участие научно-педагогического состава в научных мероприятиях (конференциях, симпозиумах, семинарах и т. д.);

- руководство научно-исследовательской работой курсантов и слушателей.

В настоящее время в институте работает пять докторов и пять кандидатов исторических наук, что обеспечивает возможность проведения фундаментальных научных исследований с последующей публикацией их результатов в виде монографий, статей, учебных изданий.

Значительное количество научных исследований преподавателей института посвящено изучению различных аспектов истории Дальнего Востока, таких как социальные последствия переселения на Дальний Восток [13], формирование системы управления Дальним Востоком в конце XIX – начале XX вв. [10], внешнеполитическая деятельность на региональном уровне [1], таможенная политика России на Дальнем Востоке [4], судьба дальневосточного региона в период Гражданской и двух мировых войн [3; 12], становление и развитие отрасли морского спасания Дальневосточного бассейна России [15], особенности деятельности КВЖД [21] и т. д.

Но наибольшее количество научных исследований историков Дальневосточного юридического института, конечно же, посвящено изучению истории органов милиции Дальнего Востока. В работах А.В. Жадана, А.В. Милежика, В.Ж. Дорохова, В.В. Синиченко [7], Н.А. Шабельниковой [18; 19] рассматривается процесс становления и развития органов милиции, анализируются особенности формирования организационно-штатной структуры дальневосточной милиции, кадровая политика, подготовка и система аттестования кадров, система государственного обеспечения органов милиции, меры противодействия преступности. В отдельных работах изучается деятельность оперативных подразделений Российской империи по обеспечению экономической безопасности страны на Дальнем Востоке [14].

Специальные исследования посвящены изучению органов внутренних дел Хабаровского и Приморского края. В трудах В.Ж. Дорохова обобщаются особенности деятельности милиции Хабаровского края в 1950е – 1970-е гг. [6]. В работах А.В. Жадана исследуется исторический опыт организации и деятельности органов внутренних дел Приморского края в 1941–1945 гг. [8].

В современных условиях не потеряло актуальность изучение истории противодействия преступности. Пережитый страной период социальных трансформаций рубежа XX–XXI вв. сказался на всех сферах жизни государства и общества, осложнив криминогенную обстановку в стране и в Дальневосточном регионе. В настоящее время борьба с преступностью вышла далеко за рамки национальных границ и превратилась в одну из глобальных проблем современности. Историки Дальневосточного юридического института исследуют историю противодействия преступности в рамках следующих направлений: деятельность ОВД Дальнего Востока по противодействию преступности [17], борьба с детской беспризорностью и правонарушениями, противодействие иностранной преступности, борьба с бандитизмом и хунхузничеством, противодействие экономическим преступлениям и контрабанде [5; 9] и др. Одним из важных направлений изучения истории органов внутренних дел стал анализ становления системы образования МВД на Дальнем Востоке России [2]. Кроме того, историки Дальневосточного юридического института участвуют в подготовке юбилейных изданий, в которых рассматриваются в том числе и этапы становления института.

Преподаватели института находятся в постоянном поиске новых методик преподавания истории курсантам и слушателям. В научно-методических статьях рассматривается роль исторической науки в процессе воспитания курсантов и слушателей, а также особенности применяемых образовательных технологий: проблемный метод обучения как средство активизации вовлеченности курсантов в процесс изучения дисциплины «история», применение игровых технологий и системы наставничества в образовательном процессе и др. [11; 16; 20].

Авторские учебные пособия, подготовленные преподавателями Дальневосточного юридического института, дополняют возможности аудиторной работы с курсантами и слушателями, расширяют возможности активного освоения исторических дисциплин. В написании учебников и учебно-методических пособий по курсу «История России» неоднократно принимали участие Н.А. Беляева, С.Ю. Гамалей, В.Ж. Дорохов, А.В. Милежик, А.В. Усов, Н.А. Шабельникова, С.Ю. Яхимович и другие. Учитывая углубленное изучение профессиональных курсов, были подготовлены авторские пособия по курсам «История государства и права России» и «Истории органов внутренних дел».

С 2010 г. в Дальневосточном юридическом институте МВД России ведутся научные исследования в рамках научной школы «История развития правоохранительных органов на Дальнем Востоке России» (руководитель – профессор кафедры гуманитарных дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России, доктор исторических наук Н.А. Шабельникова). Основные направления исследований в рамках этой научной школы включают:

- изучение условий, организационных основ и особенностей формирования правоохранительных органов на Дальнем Востоке России;
- исследование кадровой политики в правоохранительных органах и ее реализации на Дальнем Востоке России;
- анализ системы государственного обеспечения правоохранительных органов (состояния финансового и материального снабжения, условий труда и быта сотрудников);
- обобщение основных направлений, форм и методов деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и охране общественного порядка;
- изучение высшего образования системы МВД в Дальневосточном регионе как части

государственной системы высшего профессионального образования;

– оценка форм и методов международного сотрудничества в правоохранительной сфере.

В рамках указанной научной школы прошли защиты кандидатских диссертаций В.Н. Карамана («Политические репрессии в отношении крестьянства на Дальнем Востоке СССР в 20-30-е гг. XX в.»), Д.В. Брызгалова («Миграционная политика Российской Федерации в Дальневосточном регионе и роль органов внутренних дел в ее реализации»), С.Н. Бакшутова («Высшее милицееобразование на Дальнем Востоке России в 1991–2011 гг.»), М.В. Полянского («Организация и деятельность пограничной охраны советского государства в 1917–1922 гг.»). На октябрь 2018 г. запланирована защита диссертационного исследования А.В. Жадана («Органы внутренних дел Приморского края в 1941–1945 гг.: исторический опыт организации и деятельности»).

Многолетнее плодотворное сотрудничество связывает Дальневосточный юридический институт МВД России и Дальневосточный федеральный университет. Одно из важнейших направлений работы – организация совместных конференций по исторической тематике, среди успешных примеров которых международная научная конференция «Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции» (Владивосток, ноябрь 2016 г.), всероссийский круглый стол «Революция 1905–1907 гг. в России и на восточных окраинах империи. Формирование российского парламентаризма» (Владивосток, апрель 2016 г.), международная научная конференция «Великая российская революция и Дальний Восток» (Владивосток, октябрь 2017 г.) и др. Доброй традицией стало участие курсантов института в ежегодной научно-практической конференции студентов и аспирантов Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета «Актуальные проблемы гуманитарных и социальных наук». По результатам конференции, проходившей в 2017 г., А. Подсеваткиной и Е. Полищук были вручены дипломы победителей, их статьи опубликованы в сборнике конференции (2018 г.).

Для сохранения и популяризации исторических знаний Дальневосточный юридический институт МВД России заключил соглашение с Российским государственным историческим архивом Дальнего Востока о творческом сотрудничестве. Целью сотрудничества является

создание условий для многогранного развития и социализации курсантов, формирование воспитывающей среды, обеспечивающей активизацию социальных, интеллектуальных интересов учащихся.

Значительное внимание в институте уделяется организации научно-исследовательской деятельности курсантов (НИРК), которая осуществляется по следующим направлениям:

- деятельность курсантов в научных кружках и проблемных группах;
- индивидуальная работа с курсантами;
- организация участия курсантов в научных мероприятиях (конференции, семинары, совещания, конкурсы и др.);
- привлечение курсантов к проведению практических исследований.

Тематика научных работ курсантов тесно связана с кафедральными исследованиями. Курсанты института в рамках научного общества (специализированных научных кружков и проблемных групп) участвуют в подготовке научных работ, изучая отечественный и зарубежный опыт борьбы с преступностью и актуальные проблемы, связанные с историей деятельности органов внутренних дел.

Преподаватели осуществляют руководство индивидуальной работой курсантов в следующих формах: руководство научными исследованиями курсантов в рамках подготовки научных рефератов по определенной теме; руководство подготовкой курсантами статей для научных сборников; проведение индивидуальных консультаций с курсантами, осуществляющими научные исследования. Результаты научно-исследовательской работы курсантов используются в учебном процессе, апробируются в виде конкурсных работ, докладов и сообщений на научных конференциях. Под руководством преподавателей-историков курсантами института за 2013–2017 гг. опубликовано более 90 статей и тезисов выступлений на научных конференциях.

Одной из активных форм работы является участие курсантов в конкурсах и олимпиадах. Курсанты института принимали участие в конкурсе рефератов в системе общественно-государственной подготовки УВД по Хабаровскому и Приморскому краю, посвященном победе в Великой Отечественной войне. По результатам конкурса курсант В. Солякаев получил диплом I степени УВД по Приморскому краю. На межвузовском историко-патриотическом конкурсе научных работ под эгидой администрации

г. Владивостока «Владивосток – форпост России на Тихом океане» реферат курсанта Д. Заичева по теме «Морские спасатели Дальнего Востока России» занял III место. Призер был награжден дипломом и ценным подарком от администрации г. Владивостока.

Таким образом, в современных условиях историческая наука играет важную роль в образовательном и воспитательном процессе Дальневосточного юридического института МВД России, способствует формированию гражданско-патриотических качеств курсантов и слушателей, их общекультурному развитию. В институте обеспечивается взаимная связь науки и образования. Сложившийся и постоянно укрепляющийся научный потенциал института в области исторических наук позволяют решать актуальные образовательные и научные задачи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов А.Л., Костюченко А.П. Внешнеполитическая деятельность администрации Восточной Сибири в середине XIX в. Хабаровск, 2017.
2. Бакшуттов С.Н., Орнацкая Т.А., Шабельникова Н.А. Дальневосточная милицейская школа в государственной системе профессионального образования (1918–2011 гг.). Владивосток, 2017.
3. Беляева Н.А. Дальний Восток России в 1917 году: документы и материалы из фонда комиссара временного правительства по делам Дальнего Востока // Отечественные архивы. 2017. № 6. С. 115–117.
4. Беляева Н.А. От Порто-Франко к таможене. Очерк региональной истории российского протекционизма. Владивосток, 2003.
5. Беляева Н.А., Лаврик Л.А., Ляпустин С.Н., Попенко А.В., Шабельникова Н.А., Щербина Е.М. Дальневосточная контрабанда как историческое явление (борьба с контрабандой на Дальнем Востоке России во второй половине XIX – первой трети XX вв.). Владивосток, 2010.
6. Дорохов В.Ж. Милиция Хабаровского края (1953–1968 гг.). Хабаровск, 2008.
7. Дорохов В.Ж., Синиченко В.В. Подготовка органов внутренних дел Дальнего Востока к действиям в условиях «Особого периода» в 1970–1972 гг. // Вестник архивиста. 2018. № 2. С. 475–482.
8. Жадан А.В. Архивные документы по истории органов внутренних дел Приморского края в 1941–1945 гг. // Отечественные архивы. 2017. № 5. С. 40–48.
9. Ляпустин С.Н., Беляева Н.А. Организация борьбы с контрабандой в условиях гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке. Владивосток, 2014.
10. Милежик А.В. Дальневосточное наместничество (1903–1905 гг.). Хабаровск, 2009.
11. Милежик А.В. Проблемный метод обучения как средство активизации курсантов в процессе изучения дисциплины «история» // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Красноярск, 2018. С. 196–198.
12. Пикалов Ю.В. Стратегические интересы СССР на Дальнем Востоке и социально-экономическое развитие региона (1922–1941 гг.) // Власть и управление на Востоке России. 2013. № 2. С. 59–65.
13. Пикалов Ю.В., Асеев А.А. Социальные последствия переселения на Дальний Восток РСФСР (ноябрь 1922 г. – июнь 1941 г.). Хабаровск, 2013.
14. Синиченко В.В., Карнович С.А. История деятельности оперативных подразделений Российской империи по обеспечению экономической безопасности страны на Дальнем Востоке в 1900–1917 гг. Хабаровск, 2017.
15. Усов А.В. Государственная морская спасательная служба на Дальневосточном бассейне России (1991–2014 гг.). М., 2016.
16. Усов А.В. Игровые технологии в образовательном процессе учебных заведений системы МВД России (на примере изучения дисциплины «история») // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Красноярск, 2018. С. 190–192.
17. Шабельникова Н.А. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. М., 2016.
18. Шабельникова Н.А. Милиция в борьбе с преступностью на Дальнем Востоке России (1922–1930 гг.). Владивосток, 2002.
19. Шабельникова Н.А. Милиция в системе охраны правопорядка на Дальнем Востоке России в 1920-е гг. Владивосток, 2009.
20. Шабельникова Н.А. Роль исторической науки в процессе воспитания слушателей вузов МВД России // Современное образование: проблемы, поиски, перспективы. Владивосток, 2005. С. 280–283.
21. Яхимович С.Ю. Профсоюз железнодорожников КВЖД на переходном этапе становления советско-китайских отношений (1923–1924 гг.) // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2017. Т. 14. № 1. С. 166–170.

REFERENCES

1. Anisimov, A.L. and Kostyuchenko, A.P., 2017. Vneshnepoliticheskaya deyatel'nost' administratsii Vostochnoy Sibiri v seredine XIX v. [The foreign policy of Eastern Siberian administration in the mid-XIXth century]. Khabarovsk. (in Russ.)
2. Bakshutov, S.N., Ornatskaya, T.A. and Shabel'nikova, N.A., 2017. Dal'nevostochnaya militsiyskaya shkola v gosudarstvennoy sisteme professional'nogo obrazovaniya (1918–2011 gg.) [Far Eastern Militia School in the state system of professional education, 1918–2011]. Vladivostok. (in Russ.)
3. Belyaeva, N.A., 2017. Dal'niy Vostok Rossii v 1917 godu: dokumenty i materialy iz fonda komissara vremennogo pravitel'stva po delam Dal'nego Vostoka [Russian Far East in 1917: documents and materials from the funds of the Provisional Government's Commissar in the Russian Far East], Otechestvennye arkhivy, no. 6, pp. 115–117. (in Russ.)
4. Belyaeva, N.A., 2003. Ot Porto-Franko k tamozhne. Ocherk regional'noy istorii rossiyskogo protektsionizma [From Porto-Franco to the customs. An outline of the regional history of Russian protectionism]. Vladivostok. (in Russ.)
5. Belyaeva, N.A., Lavrik, L.A., Lyapustin, S.N., Popenko, A.V., Shabel'nikova, N.A. and Shcherbina, E.M., 2010. Dal'nevostochnaya kontrabanda kak istoricheskoe yavlenie (bor'ba s kontrabandoy na Dal'nem Vostoke Rossii vo vtoroy polovine XIX – pervoy trety XX vv.) [Far Eastern smuggling as a historical phenomenon (the fight against smuggling in the Russian Far East in the late XIXth – early XXth century)]. Vladivostok. (in Russ.)
6. Dorokhov, V.Zh., 2008. Militsiya Khabarovskogo kraya (1953–1968 gg.) [The militia of Khabarovsk Territory, 1953–1968]. Khabarovsk. (in Russ.)
7. Dorokhov, V.Zh. and Sinichenko, V.V., 2018. Podgotovka organov vnutrennikh del Dal'nego Vostoka k deystviyam v usloviyakh «Osobogo perioda» v 1970–1972 gg. [The training of the Far Eastern interior affairs bodies for actions in the conditions of the «Special Period» in 1970–1972], Vestnik arkhivista, no. 2, pp. 475–482. (in Russ.)
8. Zhadan, A.V., 2017. Arkhivnye dokumenty po istorii organov vnutrennikh del Primorskogo kraya v 1941–1945 gg. [Archival documents on the history of internal affairs bodies of Primorsky region in 1941–1945], Otechestvennye arkhivy, no. 5, pp. 40–48. (in Russ.)
9. Lyapustin, S.N. and Belyaeva, N.A., 2014. Organizatsiya bor'by s kontrabandoy v usloviyakh grazhdanskoj vojny i interventsii na Dal'nem Vostoke [The fight against smuggling during Civil war and intervention period in the Russian Far East]. Vladivostok. (in Russ.)
10. Milezhik, A.V., 2009. Dal'nevostochnoe namestnichestvo (1903–1905 gg.) [Far Eastern Governorship, 1903–1905]. Khabarovsk. (in Russ.)
11. Milezhik, A.V., 2018. Problemnyy metod obucheniya kak sredstvo aktivizatsii kursantov v protsesse izucheniya distsipliny «istoriya» [The problematic method of training as a means of activating cadets in the process of studying history]. In: Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki. Krasnoyarsk, pp. 196–198. (in Russ.)
12. Pikalov, Yu.V., 2013. Strategicheskie interesy SSSR na Dal'nem Vostoke i sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie regiona (1922–1941 gg.) [Strategic interests of the USSR in the Far East and socio-economic development of the region, 1922–1941], Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii, no. 2, pp. 59–65. (in Russ.)
13. Pikalov, Yu.V. and Aseev, A.A., 2013. Sotsial'nye posledstviya pereseleniya na Dal'niy Vostok RSFSR (noyabr' 1922 g. – iyun' 1941 g.) [The social consequences of resettlement in the Soviet Far East, November 1922 – June 1941]. Khabarovsk. (in Russ.)
14. Sinichenko, V.V. and Karnovich, S.A., 2017. Istoriya deyatelnosti operativnykh podrazdeleniy Rossiyskoy imperii po obespecheniyu ekonomicheskoy bezopasnosti strany na Dal'nem Vostoke v 1900–1917 gg. [The history of the special units' operations to ensure the economic security in the Russian Far East, 1900–1917.]. Khabarovsk. (in Russ.)
15. Usov, A.V., 2016. Gosudarstvennaya morskaya spatel'naya sluzhba na Dal'nevostochnom bassejne Rossii (1991–2014 gg.) [State Marine Rescue Service in the Far East Basin of Russia, 1991–2014]. Moskva. (in Russ.)
16. Usov, A.V., 2018. Igrovye tekhnologii v obrazovatel'nom protsesse uchebnykh zavedeniy sistemy MVD Rossii (na primere izucheniya distsipliny «istoriya») [Game technologies in the educational process of the educational institutions of Russian Ministry of Internal Affairs (the case of teaching history)]. In: Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki. Krasnoyarsk, pp. 190–192. (in Russ.)
17. Shabel'nikova, N.A., 2016. Deyatel'nost' pravookhranitel'nykh organov po bor'be s prestupnost'yu na Dal'nem Vostoke Rossii v 1920-e gg. [The activities of law enforcement agencies

in the fight against crime in the Russian Far East in the 1920s]. Moskva. (in Russ.)

18. Shabel'nikova, N.A., 2002. Militsiya v bor'be s prestupnost'yu na Dal'nem Vostoke Rossii (1922–1930 gg.) [Militia in the fight against crime in the Russian Far East, 1922–1930]. Vladivostok. (in Russ.)

19. Shabel'nikova, N.A., 2009. Militsiya v sisteme okhrany pravoporyadka na Dal'nem Vostoke Rossii v 1920-e gg. [Militia in the system of law enforcement in the Russian Far East in the 1920s]. Vladivostok. (in Russ.)

20. Shabel'nikova, N.A., 2005. Rol' istoricheskoy nauki v protsesse vospitaniya slushateley vuzov

MVD Rossii [The role of history in the educational process of the universities of Russian Ministry of Internal Affairs]. In: *Sovremennoe obrazovanie: problemy, poiski, perspektivy*. Vladivostok, pp. 280–283. (in Russ.)

21. Yakhimovich, S.Yu., 2017. Profsoyuz zheleznodorozhnikov KVZHD na perekhodnom etape stanovleniya sovetsko-kitayskikh otnosheniy (1923–1924 gg.) [The trade union of the Chinese Eastern Railway at the transitional stage of the Soviet-Chinese relations, 1923–1924], *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke*, Vol. 14, no. 1, pp. 166–170. (in Russ.)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ДВГУ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1970-х – 1990-е гг.:
ВСПОМИНАЮТ ДЕКАНЫ

FENU FACULTY OF HISTORY
IN THE SECOND HALF OF THE 1970s–1990s
IN THE MEMORIES OF ITS DEANS

*Рим Мисбахович Самигулин,
кандидат исторических наук,
декан исторического факультета
с 1978 по 1987 гг. и с 1989 по 1991 гг.:*

Факультет в конце 1970-х – 1980-е гг., как и весь университет, получил значительное развитие. Постоянно укреплялась материальная база. В 1975 г. переехали в долгожданный новый учебный корпус (Октябрьская, 27, блок «Б»), кафедры получили отдельные помещения, были открыты методические кабинеты с литературой, кабинет технических средств обучения, музейная комната. Появилось большое число современных учебных аудиторий, улучшилось оснащение оборудованием, инвентарем, мебелью.

В этот период многократно увеличился библиотечный фонд. Историческая периодика поступала уже и непосредственно на кафедры. Вводом в строй новых общежитий (Пограничная, 26 – в 1971 г., Алеутская, 65 – в 1978 г.) в целом была решена проблема с жильем для студентов. Студенты-историки, счастливчики, в числе представителей немногих факультетов-монополистов поселились тогда и проживали до окончания советского периода в самом комфортабельном из общежитий – на Алеутской. В феврале 1989 г. факультет вновь справил новоселье в гуманитарном учебном корпусе по Алеутской, 56, что позволило ликвидировать многосменность дневного отделения.

Общую динамичную картину улучшения условий учебы, жизни и быта омрачили лишь два памятных кризиса с водоснабжением в зимы 1967/68 гг. и 1977/78 гг. Наиболее трудной была первая из них. Тогда во всем городе вода подавалась лишь на один кран в подвальных помещениях зданий, у которых выстраивались неопишуемые очереди. Все прочие удобства были выведены во дворы. Рядом с нашим общежитием был построен длинный дощатый туалет

с двумя отделениями, просуществовавший до весны. Этот очень значимый объект МЧС был удостоен большого внимания общежитских собирателей фольклора, юмористов и поэтов.

Одновременно проходило и организационное укрепление. В 1966 г. прекращен эксперимент с четырехлетним обучением, устанавливался единый пятилетний срок обучения. В итоге в 1970 г. выпуск был только на заочном отделении. В 1974 г. вдвое – с 25 до 50 человек – был увеличен прием на дневное отделение. Рост контингента стал основанием для обретения историками организационной самостоятельности, и в следующем году историко-правовой факультет был разделен на два: исторический и юридический. Первым деканом истфака стал С.Г. Григорьев. Впоследствии факультет возглавляли Р.М. Самигулин (1978–1987 гг. и 1989–1991 гг.), Э.В. Ермакова (1987–1989 гг.), О.В. Сидоренко (1991–2002 гг.) и З.А. Ковалева (2002–2012 гг.).

В 1976 г. было открыто вечернее отделение с приемом 25 человек, ставшее важным подспорьем для молодых людей: не прошедшие по конкурсу на очное теперь поступали на вечернее. После первого курса желающие из числа наиболее сильных студентов вечернего отделения могли перейти на вакантные места очного отделения, образовавшиеся после отчисления неуспевающих. Вечерники были самыми мужественными и отважными студентами факультета. И самыми веселыми. Когда объявляли, что лекции не будет в связи с болезнью преподавателя, они радовались искренне и непосредственно, как дети, и бежали в «Пингвин» есть мороженое. Староста одной из вечерних групп, кузнец с завода «Металлист» (сам чуть больше кувалды), 25-летний отец троих детей, сдал экзамен Д.Л. Бродянскому с 18-го раза. Это событие отмечалось у него дома как семейный праздник.

В ходе перестройки, в 1988 г., на волне роста общественного интереса к истории, в разовом порядке прием на очное был увеличен на 25 человек. Тогда же состоялось разделение студентов на два отделения: педагогическое и научно-производственное. Особых отличий они не имели. На первом была усилена психолого-педагогическая составляющая, на втором – специализация и, что наиболее значимо, существенно увеличено число часов на изучение иностранного языка. На январь 1990 г. общее число обучающихся на факультете составило около 900 человек. С начала 1990-х гг. и в образовании ведущую роль стали приобретать рыночные интересы и механизмы по их реализации. В 1991 г. было закрыто вечернее отделение. Срок обучения на заочном сокращен с 6 до 5 лет. Контингент обучающихся на истфаке стал снижаться.

Формирование контингента обучающихся в рассматриваемый период особых проблем не представляло ввиду бесплатного обучения, малого числа гуманитарных специальностей в вузах региона. Без расхода средств на профориентацию, предпочтения для поступающих из центра страны, престиж вуза и факультета обеспечивал ежегодно поступление до 30–35% студентов из-за пределов края, до 15–20% – из-за пределов Дальнего Востока. На факультете учились студенты из Читы, Бурятии, Ангарска, Тюмени, Казахстана, Краснодарского края, Молдавии, Черниговской, Хмельницкой и других областей. Во все времена конкурс на «Историю» занимал 1–3 места среди 15–20 специальностей ДВГУ, при высоком уровне школьной подготовки поступающих.

На истфак поступали не только любители истории. Поступали многие вынужденно из числа желающих стать философами, психологами, социологами, демографами, экономистами, специалистами-международниками и т. п. Подготовка таких специалистов в советское время была ограничена как географически (в основном в центре страны), так и по числу вузов. На востоке страны таких не готовили вообще. Это накладывало на факультет особую ответственность за специализацию, качество подготовки, реализацию интересов студентов. При кооперации преподавателей кафедр истфака с обществоведами, экономистами, психологами вуза на факультете нередко защищались такие дипломные работы, как: «Об умственных способностях студента-историка», «Влияние природных условий на сельскую экономику центральных

и южных районов Приморского края», «Изменение демографической картины в районах строительства БАМа», «Роль общественной работы в воспитании лидерских качеств старшеклассников» и др. Не случайно, что из выпускников 1970-х – 1980-х гг. каждый пятый стал кандидатом или доктором наук, в том числе не только исторических, но и философских, социологических, политических, экономических, педагогических. Такая палитра интересов несвойственна выпускникам ни одного из гуманитарных факультетов ДВГУ (ДВФУ).

При госаттестации ДВГУ в 1998 г. эксперт указала, что при наличии профильных факультетов выпускники истфака 1960-х – 1980-х гг. кроме своего возглавляют пять других факультетов в университете (факультеты журналистики, политических наук, экономический, социального менеджмента, менеджмента и бизнеса), за пределами своего факультета являются руководителями восьми кафедр. При этом как положительный момент отмечался высокий уровень подготовки историков и как недочет – отсутствие среди руководителей указанных структур лиц с профильным образованием. Показательно и то, что именно истфак во многом явился основой для открытия в ДВГУ в 1990-е гг. новых гуманитарных специальностей: философия, политология, культурология, международные отношения, социология, религиоведение, теология.

С конца 1950-х гг. постоянное внимание уделялось подготовке преподавателей и повышению их квалификации. Использовались такие формы, как направление студентов для завершения обучения на стажировку и в аспирантуру в Томский, Уральский университеты, но, как правило, – в центральные вузы страны. В 1970-е – 1980-е гг. прошли обучение в аспирантуре ведущих исторических школ страны и защитили диссертации: в МГУ – Г.А. Качун, Ю.И. Курбатов, В.Б. Хлебникова; в ЛГУ – А.В. Березкин, Е.Ю. Тимофеева, И.К. Авилова, В.А. Печенкина, О.В. Сидоренко; в ТГУ – Н.А. Троицкая. Собственную аспирантуру ДВГУ окончили Р.М. Самигулин, В.В. Савастеев, А.Г. Унпелев, С.С. Балдин. В порядке соискательства защитили диссертации работающие преподаватели – Д.Л. Бродянский, Г.С. Сараджан, Е.А. Лыкова, Э.Н. Осокина.

В результате, если в 1968 г. доля остепененных преподавателей составляла около 50%, то в 1982 г. – 76,2%, а в 1987 г. – 82,6% (при среднем по ДВГУ – 61,5%). Каждый преподаватель раз в

пять лет проходил обязательное четырехмесячное обучение на ФПК МГУ. Значимость последнего была неопределимой еще и в силу сосредоточения в столице основных госархивов, главных книгохранилищ, объектов культурно-исторического назначения. Это позволяло сделать значительный задел при работе над диссертациями, написании монографий, разработке новых спецкурсов.

Основной кадровой проблемой являлась подготовка докторов наук. Это было связано с удаленностью основной источниковой и литературной базы (Томск, Москва, Ленинград), крайне ограниченным числом диссертационных советов (от Владивостока до Байкала – всего один совет), трудностями в опубликовании монографий. В итоге, если в 1960-е гг. было защищено 2 докторские диссертации, то в 1970-е гг. – ни одной, в 1980-е гг. – 1. Тем не менее в целом по качеству преподавательского состава факультет занимал призовые места в университете.

Это сказывалось на успеваемости, имевшей возрастающий характер по результатам как промежуточной, так и итоговой аттестации. За 1982–1987 гг. качественный показатель по сессиям вырос на 12% и составил 61,5% – самый высокий по университету. По госэкзаменам (история КПСС и научный коммунизм) рост составил в среднем 7%.

Повышению качественных показателей способствовали и совершенствование учебных планов (постоянное увеличение числа спецкурсов, объема семинарских занятий), высокая активность студентов, демократические принципы управления (тесная связь администрации, кафедр с общественными организациями). Кафедра – основа вуза. Эта форма была непоколебима. При высоком уровне самоуправления без согласования с коллективом кафедры, без его решения ни один вопрос, особенно кадровый, не мог быть решен ни деканатом, ни Ученым советом, ни ректоратом. Росту качества учебной и научной работы содействовали работа методологического семинара факультета, взаимопосещаемость занятий преподавателями, открытые лекции. Не требовала больших затрат преподавательского времени подготовка учебно-методических материалов и документации. Постоянно приглашались ученые из ведущих научных центров и вузов. Студенты слушали лекции академиков И.Д. Ковальченко, А.П. Окладникова, А.И. Крушанова, Е.М. Примакова, профессоров МГУ, ЛГУ, профильных институтов АН СССР.

Нельзя не отметить характерную для указанного периода довольно высокую внеаудиторную нагрузку на студентов и преподавателей. Студенты занимались уборкой картофеля в сентябре, работали на овощебазах с сентября по март, на хлебозаводах и колбасных фабриках 7–8 ноября, дежурили в ДНД, участвовали в бесконечных месячниках и субботниках по уборке закрепленной и иной территорий, уборке снега. Периодически привлекались к работам по завершению строительства университетских и городских объектов (к/т «Океан», Цирк, Дом пионеров и др.). С ними всегда были преподаватели. По-разному можно оценить эту деятельность. Это, конечно, отвлекало студентов от учебы в сентябре, самостоятельной работы в течение года. С другой стороны, расширяло их кругозор, позволяло заглянуть в мир основ производства, экономики, управления и др., что так важно для любого будущего специалиста.

Все это требовало огромных организационных усилий со стороны деканата, а также кафедр и преподавателей. Без помощи общественных, особенно комсомольской, организаций это было бы просто невыполнимо. Залогом успеха являлась и высокая активность самих студентов. В 1980-е гг. студенты сами распределяли стипендии, места в общежитии, участвовали в составлении расписания занятий и сессий, графиков выхода учебных групп на общественные работы. По их просьбе устраивались встречи с представителями городских и краевых властей, крайоно, КГБ, МВД. Неоднократными были их встречи с ректором ДВГУ В.В. Горчаковым. Он приходил прямо на факультет, они – к нему в кабинет. Об уровне активности студентов, важности выполняемой ими общественной работы свидетельствует такой факт: в 1982 г. за многолетнюю работу на опорном пункте милиции с подростками студенты 4 курса Г. Липунова и М. Рогозина получили правительственные награды – медали «За отличие в охране общественного порядка».

Сегодня с большой благодарностью вспоминаю совместную работу с ныне находящимися на пенсии парторганами факультета Г.С. Сараджан и Е.А. Лыковой, с комсоргами факультета С. Анищенко (Дударенок), В. Печенкиной, Е. Шитовой, И. Ишиной (Гладковой), С. Баженовой, членами бюро ВЛКСМ факультета Е. Купцовой, Л. Кандауровой, И. Махно, Н. Дервянко (Шабельниковой), председателями студсовета общежития факультета О. Сидоренко, С. Гребениченко, профорганами факультета

А. Ботнарем, С. Москвитиной, выполнявшими универсальные задачи старостами групп В. Ткачуком, В. Дмитриевичем, В. Ширининым и другими. Постоянную поддержку факультету оказывал его выпускник, секретарь Комитета ВЛКСМ ДВГУ А.М. Буяков (ныне председатель Приморского отделения РГО – Общества изучения Амурского края). Трудно перечислить всех, кто искренне, по зову души отдавал свои силы на общественное благо, развитие факультета, приумножал студенческие традиции. Все они заслуживают самых теплых слов и доброй памяти!

*Олег Владимирович Сидоренко,
кандидат исторических наук,
декан исторического факультета ДВГУ
с 1993 по 2000 гг.:*

Исторический факультет для меня – место не только учебы, но и становления как руководителя и организатора исторического образования в ДВГУ. С февраля 1993 по 2000 гг. я вместе со своим сокурсником Андреем Павловичем Ботнарем возглавлял исторический факультет. Я был деканом, а Андрей Павлович – заместителем декана факультета.

В конце 1980-х гг. – начале 1990-х гг. перед историческим сообществом встали сложнейшие задачи перестройки образования, связанные с изменением политики страны в области подготовки специалистов-гуманитариев в высших учебных заведениях, обеспечением процесса обучения современной материально-технической базой, научной и методической литературой, отходом от догматического толкования исторических событий.

Политика гласности, обсуждение всеми слоями общества ранее закрытых тем отечественной истории потребовали от коллектива исторического факультета кардинального пересмотра своей работы.

Традиции исторического факультета, сильный кадровый состав (в 1992 г. более 78% преподавателей имели ученые степени и звания) позволили в сжатые сроки перестроить учебный процесс и добиться ощутимых результатов. В 1994 г. на факультете появились две новые специальности – «Регионоведение» и «Философия», было открыто философское отделение. Для специальности «Регионоведение» была открыта специализация по англоязычным странам Азиатско-Тихоокеанского региона (США,

Канада, Австралия, Новая Зеландия). В конце 1990-х гг. началась подготовка по специальностям «Геология» и «Религиоведение».

Подготовка специалистов по новым направлениям потребовала структурных изменений. В состав факультета (с 1994 г. – факультет истории и философии) вошли пять новых кафедр: философии; культурологии; политической истории; археологии, этнографии и истории мировой культуры; теологии и религиоведения.

Открытие новых специальностей и специализаций позволило коллективу преподавателей и сотрудников сохранить контингент студентов, улучшить материальную базу, значительно усилить научно-исследовательскую и учебно-методическую работу.

В 1990-е гг. обучение на факультете истории и философии велось по пяти специальностям: история (по двум специализациям – историк-педагог и историк-исследователь), философия, регионоведение, религиоведение, культурология. По всем специальностям прием осуществлялся на дневное и заочное обучение.

О качестве подготовки специалистов свидетельствует тот факт, что шесть студентов прошли стажировку в Университете штата Калифорния (США, Сакраменто), двое из них защитили магистерские диссертации, несколько человек обучались в Открытом европейском университете. Ежегодно студенты принимали участие в региональных конференциях, получая высокие оценки за результаты научной деятельности. Более 50% дипломных работ защищались на основе научно-исследовательских изысканий.

В 1990-е гг. преподаватели факультета защитили две докторские и четыре кандидатские диссертации, что позволило значительно повысить качество обучения, открыть аспирантуру по философии, всеобщей истории, археологии (аспирантура по отечественной истории была открыта в 1986 г.).

Особый вклад в развитие факультета внесли профессор Э.В. Ермакова, Э.В. Шавкунов, В.В. Совастеев, Д.Л. Бродянский, принимавшие активное участие в разработке новых учебных курсов, организации международных конференций, получивших признание за рубежом.

Разумеется, нельзя не упомянуть профессоров И.И. Глущенко, К.Ф. Лыкова, С.В. Плохих, Е.А. Лыкову, А.А. Биневского, Р.М. Самигулина, доцентов Н.А. Троицкую, Г.П. Куликова, В.Н. Кравцова, Ю.И. Курбатова, Л.А. Демченко, С.М. Дударенок, Г.А. Казачун, Н.Л. Малинину, И.К. Авилову, старших преподавателей

А.П. Ботнаря, А.А. Щербину, Л.Л. Столетневу, чей жизненный опыт, знание традиций высшей школы, высокий профессионализм оказали решающее влияние на развитие гуманитарных наук в ДВГУ, прежде всего – в структуре факультета истории и философии.

Традиции исторического образования, сбалансированный кадровый состав позволили в то непростое время полностью переработать учебные курсы, программы спецсеминаров, учебных и производственных практик. Особое внимание коллектив факультета уделял вопросам методологии исторической науки, внедряя в учебный процесс новые подходы к изучению проблем отечественной и всеобщей истории.

С 1992 г. исторический факультет получил возможность знакомиться с опытом подготовки историков за рубежом. Именно тогда был заключен договор о сотрудничестве, во мно-

гом благодаря помощи А.В. Александрова, с Университетом штата Калифорния. В 1996 г. кафедра археологии, этнографии и истории мировой культуры выиграла грант на стажировку в Мэрилендском университете (США, Колледж-Парк), где преподаватели и студенты получили благожелательные отзывы зарубежных коллег по итогам командировки. В 1990-е гг. профессор Г.И. Каневская установила связи с университетами Австралии, КНР, активно занимаясь проблемами русской эмиграции.

В 1992–1997 гг. были заключены договоры о сотрудничестве с Российским государственным историческим архивом Дальнего Востока, школами Владивостока, что, несомненно, способствовало повышению качества образования и предоставило возможности для прохождения практик студентам-историкам, получения ими дополнительных знаний.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА

УДК 821.521

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-3/35-45

Н.Н. Трубникова, М.С. Коляда*

«СОБРАНИЕ СТАРОДАВНИХ ПОВЕСТЕЙ» В ТРАДИЦИИ ЯПОНСКИХ ПОУЧИТЕЛЬНЫХ РАССКАЗОВ VIII–XI ВВ.**

В ряду японских сборников поучительных рассказов *сэцува* «Собрание стародавних повестей» («*Кондзяку моногатари сю*», XII в.) занимает центральное место. Этот самый крупный свод рассказов содержит тексты из всех предшествующих сборников, таких как «Японские легенды о чудесах» («*Нихон рёики*»), предания о возрождении в Чистой земле и о могуществе «Лotosовой сутры», записи проповедей, звучавших при различных обрядах. Среди «стародавних повестей» встречаются и истории, взятые из памятников мирской словесности: поэтических антологий, «песенных повестей», «воинских повестей» и др. Чтобы показать своеобразие «*Кондзяку*», авторы сопоставляют его с несколькими важнейшими сборниками рассказов *сэцува* и другими памятниками с точки зрения состава, структуры и тематической направленности.

Ключевые слова: японский буддизм, японская литература, рассказы *сэцува*, практическая философия, *Кондзяку моногатари*

Konjaku Monogatari-shu in the Japanese didactic tales tradition of VIIIth – XIth centuries. NADEZHDA N. TRUBNIKOVA, MARIA S. KOLYADA (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Konjaku monogatari-shu (Anthology of tales from the past) of the XIIth century occupies the central place among the different collections of *setsuwa* tales. Being the most extensive collection of tales, it contains stories from all previous *setsuwa-shu*, such as *Nihon Ryoiki* (Miraculous stories from Japan), and includes legends about rebirth in Pour Land Gokuraku, might of the Lotus Sutra, recordings of sermons for various rituals. In the anthology of tales one can also find stories taken from secular literature, including *waka* poetry collections, *utamonogatari*, *gunkimonogatari*, etc. To demonstrate specificity of *Konjaku monogatari* the authors compare it with several significant *setsuwa* collections and other works of literature in terms of composition, structure and subject area.

Keywords: Japanese Buddhism, Japanese literature, *setsuwa* tales, practical philosophy, *Konjaku monogatari*

* ТРУБНИКОВА Надежда Николаевна, доктор философских наук, заместитель главного редактора журнала «Вопросы философии», ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: trubnikovann@mail.ru

КОЛЯДА Мария Сергеевна, редактор журнала «Вопросы философии», научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: warriormary@yandex.ru

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-011-00558.

© Трубникова Н.Н., Коляда М.С., 2018

Японоведы в Японии и на Западе на протяжении XX в. много спорили о том, как изучать рассказы *сэцува*. Памятники этого жанра – короткие поучительные истории о праведниках и грешниках, о мудрецах и простаках, о всевозможных чудесах – привлекательны тем, что содержат богатейший материал по истории быта и нравов. Также из них можно узнать многое о том, какую роль в повседневной жизни японцев играли различные религиозные и философские учения. При этом жанр *сэцува* труден для исследования прежде всего потому, что не вписывается в обычные рамки научных дисциплин. Для религиоведа и историка философии он кажется слишком легковесным: наставления Будды или Конфуция здесь доведены до предельной простоты, изложены на конкретных примерах для самого неискушенного слушателя, а обобщения хотя и есть, но очень краткие. Для историка литературы, наоборот, в этом жанре слишком много религиозного, назидательного и мало художественного. Здесь почти всегда сразу ясно, кто из персонажей хорош, кто дурен, сюжет не развивается сам по себе, а подгоняется под готовый ответ: зло будет наказано, добро восторжествует. Кроме того, в Японии издавна считалось, что язык *сэцува* груб, некрасив по меркам «Повести о Гэндзи» и других классических сочинений: с одной стороны, прост, близок к разговорному, с другой – в нем много заимствованных слов, прежде всего буддийских и конфуцианских терминов.

Далее, непонятно, что взять в качестве единицы анализа. Можно изучать каждый рассказ в отдельности: выяснять его книжные или фольклорные источники, проследить его путь из одного сборника в другой, соотносить с верованиями какой-либо местности Японии, с мировоззрением одного из слоев общества и т. д. А можно рассматривать сборник как целое, исходя из того, что в разных сборниках один и тот же рассказ может вести к разным выводам и вне контекста мы часто не можем сказать, о чем рассказ, чему он учит. В современном японоведении преобладает второй подход, хотя во многих работах рассказы и обсуждаются по отдельности (см.: [10]).

«Собрание стародавних повестей», «*Кондзяку моногатари сю:*», содержит больше тысячи рассказов *сэцува*, это самый объемный сборник [3; 4]. Само понятие *сэцува* было выстроено в японской науке именно на его основе. Слово из двух иероглифов 說話, *сэцу+ва*, встречается в текстах XVII–XVIII вв., но там читать его пред-

лагается как *моногатари* – «повесть», «рассказ»¹ [23, с. 16]. Как научный термин *сэцува* появляется у Хага Яити (1867–1927), одного из основателей гуманитарной науки западного типа в Японии; он же ввел термин *сэцува бунгаку*, «литература *сэцува*», объединяющий около трех десятков японских сборников рассказов, составленных в VIII–XIV вв. В первой половине XX в. японские исследователи вслед за Хага говорили о «мировой литературе *сэцува*», относя к этому жанру и индийскую «Панчатантру», и арабскую «Тысячу и одну ночь», и собрание немецких сказок братьев Гримм (см.: [2]). В наши дни термин *сэцува* обычно относится только к японским рассказам.

У разных исследователей этот термин подразумевает разное. Вообще в нем *ва* означает «говорить, рассказывать», а *сэцу* – «проповедовать», «толковать». В итоге *сэцува* – это «рассказы из проповедей», звучавшие в устных выступлениях буддийских наставников; или «поучительные рассказы», где есть – или хотя бы предполагается – некий вывод, «мораль»; или «рассказы для толкования [чего-либо]», истории, которые отсылают к другим текстам, служат наглядными примерами для разъяснения тех или иных отвлеченных истин. Таким образом, определения строятся на разных основаниях: способе бытования рассказов, их структуре или месте в традиции. Весь XX в. и в японской, и в западной науке вокруг этих определений шли споры (см.: [8; 10]). Одна из самых удачных формулировок, на наш взгляд, принадлежит Мишель Ли: «Написанные обычно прямолинейным, без украшений, языком, *сэцува* занимают от нескольких строк до нескольких страниц. Все они имеют четко опознаваемую форму с небольшими вариациями. Вначале они утверждают или намекают, что некое событие случилось в недавнем или далеком прошлом, затем повествователь представляет нам протагониста, как предполагается, жившего на самом деле. Что-то с ним или с нею происходит; события, как правило, характеризуются переходом от обыденных к необычным, исключительным. До нас не дошло свидетельств о том, как в свое время слушатели реагировали на *сэцува*, но представляется, что в рассказах имеет место сочетание ожидаемого/неожиданного для них <...> *Сэцува* часто завершается рассуждением или моралью от лица рассказчика, извне повествования. Рассуждения могут содержать крат-

¹ Обычно слово *моногатари* пишется двумя другими знаками.

кий отчет о том, как откликнулись на описанный случай очевидцы или те, кто о нем услышал, обычно с удивлением или благоговением; мораль может иметь форму предостережения или практического совета. Заключительная фраза часто сообщает, что историю эту передавали из уст в уста и даже иногда указывает, кто первым ее передал» [23, с. 26–27]. Это описание, как и вся книга Ли, относится прежде всего к рассказам «*Кондзяку*».

«Собрание стародавних повестей» насчитывает тридцать один свиток, причем три из них не сохранились или были запланированы, но так и не составлены; известно только их место в структуре сборника. Около трех десятков рассказов также неизвестны: имеются только их порядковые номера и заглавия. Собрание делится на три части: «Индия» (первые пять свитков), «Китай» (следующие пять, причем свиток 8-й пропущен) и «Наша страна», то есть Япония (двадцать один свиток, 18-й и 21-й пропущены). Свитки имеют примерно одинаковую длину, по сорок рассказов; там, где число рассказов меньше, сами тексты длиннее, и наоборот. Границы между рассказами заданы четко: каждый начинается со слов «В стародавние времена...» (*кон-дзяку*), отсюда и заглавие книги; завершение у всех тоже одинаковое: «...так это рассказывают и передают» (*то наму ката-ри цутаэтару-то я*).

В отличие от многих других сборников *сэцува*, «*Кондзяку*» не имеет предисловия, где были бы указаны обстоятельства и цели его создания. Обычно считается, что каждый свиток имеет свою тему, хотя в некоторых случаях тема переходит из одного свитка в другой. Порядок историй в каждой части один и тот же: сначала рассказы о «Законе Будды», затем о мирских делах. Объем мирских рассказов постепенно увеличивается. В индийской части первые три свитка отведены рассказам о Будде и его учениках и два – событиям после ухода Будды в нирвану, где примерно половину составляют истории о мирянах. В китайской части два свитка повествуют о судьбах буддизма в Китае и еще два – о почтительных детях и о государях и их подданных. В японской части буддийским рассказам отведено девять свитков: 11-й и 12-й рассказывают о распространении буддизма в Японии; 13-й и 14-й – о чудесах «Лотосовой сутры» и других священных книг; 15-й – о Чистой земле будды Амиды, буддийском «рае»; 16-й и 17-й – о чудесах бодхисаттв Каннон, Дзидзо и других; 19-й и 20-й – об уходе в монахи и о тех мирах,

где возможно возродиться по закону воздаяния: это миры животных, демонов, «подземные темницы» (буддийский «ад»). «Мирские» японские свитки начинаются с пропущенного 21-го (возможно, он по замыслу отводился рассказам о государях), следующие посвящены придворным (22-й), полководцам и богатырям (23-й), мастерам своего дела (гадателям, врачам, поэтам, музыкантам – 24-й), воинам (25-й), чудесным происшествиям, а также существам вроде оборотней и призраков (26-й и 27-й), глупцам (28-й), разбойникам и ворам (29-й), влюбленным (30-й), достопамятным местам (31-й).

Трехчастное построение «*Кондзяку*» совмещает пространственный и временной подходы: из Индии через Китай в японские столицы (города Нара и Хэйан), а затем по всей Японии; от древности до недавних дней; от начала буддизма до его распространения по миру, а затем постепенного упадка, «конца Закона». Западный читатель ожидал бы, что при таком подходе истории о нечистой силе будут помещены ближе к концу, но здесь они занимают место примерно посередине, а за ними следуют бытовые истории почти без чудес. Настоящий упадок Закона начинается тогда, когда люди перестают замечать даже зловредных демонов, что пытаются сбить их с пути Будды, и в эту пору сами люди друг для друга оказываются и искусителями, и милосердными помощниками.

По преданию, все «Стародавние повести» собрал один человек: потомок государей, муж совета по имени Минамото-но Такакуни (1004–1077). Проводя лето в имении, он будто бы зазывал в гости всех, кто проходил или проезжал мимо, и просил их рассказывать занимательные истории. В наши дни «*Кондзяку*» датируется более поздним временем (после 1120 г.)², и многие исследователи склоняются к тому, что над собранием работало несколько человек, последовательно или одновременно.

В последующие века считалось, что мирские японские свитки интереснее прочих, хотя бы потому, что в них больше уникальных рассказов, не входящих в более ранние собрания³, а также потому, что они «живее», в них больше действия и меньше назидательности. Однако, как отмечает Кониси Дзинъити в одном из самых авторитетных трудов по истории японской литературы

² В это время был составлен самый поздний из китайских источников, используемых в «*Кондзяку*».

³ На сегодня примерно треть рассказов «*Кондзяку*» не имеет подтвержденного источника, но исследователи продолжают выяснять их происхождение.

[22], в пору составления «*Кондзяку*» и буддийские, и мирские рассказы, вероятнее всего, воспринимались в одном ключе, в пределах одной и той же системы читательских ожиданий. По Кониси, «Стародавние повести» рассчитаны на читателя, хорошо знакомого с исполнительскими приемами храмовых рассказчиков, способного вообразить, что он не смотрит в книгу, а слушает устный рассказ. Этому способствуют повторы, разговорные обороты, паузы, где слушатели могли бы воскликнуть: «А дальше?!» – и повествователь продолжил бы: «Ну, а дальше было вот что...». В одной из историй «*Кондзяку*» герой-монах, готовясь начать проповедь, видит среди слушателей пожилого мирянина-чиновника и думает: «...Этот старик, должно быть, много наслушался старинных проповедников <...> знает наизусть все подобающие предания и притчи⁴. Стало быть, раз он будет слушать, придется мне расстараться!» (20–36)⁵. Вот для такого «идеального читателя» и старается повествователь в «*Кондзяку*»: кто пока знает мало поучительных историй, узнает больше, а знаток с удовольствием их вспомнит, оценит их подбор и стиль изложения [21, с. 142–143]. И если в каком-то рассказе «морали» нет, это не обязательно значит, что повествователь уходит от назидательности; эту «мораль» читатель может достроить сам, исходя из опыта – не житейского опыта вообще, а опыта знакомства с традицией *сэцува* [22, с. 130–131].

Вероятно, составители собрания не фиксировали устную традицию, какой она была в их время, а пересоздавали ее, добавляя рассказы, которые не передавались «в народе», но, по их замыслу, должны были передаваться. Цель этой работы реконструируется по-разному: быть может – помочь проповедникам, обновить и пополнить набор историй, звучащих в храмах во время обрядов. Это могло быть важным потому, что к рубежу XI–XII вв. буддийские монахи в Японии, особенно в крупных «храмовых

домах»⁶, по большей части занимались исполнением обрядов и основное внимание уделяли изучению обрядовых технологий, называемых «тайнствами» (*химичу*). Чему же, собственно, учил Будда и как это учение применить к жизни, объяснить мог далеко не каждый, тем более – простыми понятными словами⁷. А может быть, цель была другой: сложить из рассказов картину народных нужд и чаяний, полезную для власти имущих. Эта гипотеза связывает «*Кондзяку*» с монахами и мирянами из окружения государя Сиракавы (1053–1129), который находился на престоле в 1073–1087 гг., затем отрекся и принял постриг, но до самой смерти правил Японией как государь-монах [5].

В «*Кондзяку*» очень редко напрямую цитируются книги буддийского канона или сочинения китайских мудрецов; почти всегда источниками служат составленные в Китае хрестоматии, собрания поучительных примеров. В этой статье мы о них говорить не будем, а рассмотрим японские источники собрания: памятники более ранние, а также созданные примерно одновременно с «*Кондзяку*». Сравнивая раннесредневековые японские тексты, всегда приходится учитывать, что любые выводы насчет заимствований, влияния одного памятника на другой и т. п. могут быть лишь условными. Почти никогда не известно, какие варианты известных ныне текстов, скажем, VIII в. были доступны авторам XI в., а значит – невозможно судить, насколько точно или вольно пересказан источник. И все же мы попытаемся соотнести «*Кондзяку*» с другими сборниками.

Традиция сборников поучительных рассказов начинается в Японии с «Нихон рёйки» – «Японских легенд о чудесах» (758–822 гг.), они же «Записи о чудесах дивных воздаяния прижизненного за добрые и злые дела, случившихся в стране Японии» (см.: [7]). Составитель, монах Кёкай из храма Якусидзи в городе Нара, дал в этом сборнике целых три предисловия, к каждому из свитков. И в предисловиях, и в рассказах снова и снова говорится о законе воздаяния – счастьем за добро и горем за зло. По

⁴ Яп. *иннэн-хию*, санскр. *нидана-авадана*, жанры буддийской словесности, на которые во многом опирается традиция *сэцува*.

⁵ Здесь и далее при ссылках на сборники первая цифра – номер свитка, вторая – номер рассказа в нем. Правда, в рассказе 20–36 проповедника ждало разочарование: немного послушав его, чиновник удалился подкрепиться, а заодно посмотреть, какие дары для монахов приготовил устроитель обряда. Пользуясь своим высоким служебным положением, чиновник часть этих даров забрал себе, за что и снижал дурную славу «врага Закона Будды».

⁶ Яп. *дзикэ*, объединения храмов, устроенные подобно мирским владетельным домам, чиновничьим (*кугэ*) и воинским (*букэ*): с обширными земельными угодьями, отрядами храмовых воинов и т. д.

⁷ В начале XII в. сразу в нескольких «храмовых домах» наметилось движение к восстановлению забытых наставлений, которое позже привело к большому обновлению японских буддийских традиций в XIII в. (см.: [11]). О приметах этого движения в «*Кондзяку*» см.: [1; 2].

большей части речь идет о прижизненном воздаянии: добрые бедняки обретают богатство, больные исцеляются, злодеи терпят крах. Но также здесь немало историй о том, как дурные люди возрождаются в аду или в телах животных, а их ближние чудом узнают об этом. Людям приходят на помощь милосердные бодхисаттвы и божества, но любое чудо не противоречит мировому закону кармы, а подтверждает его. При этом, как указывает А.Н. Мещеряков, сборник решает и другую задачу: точно датированные и расставленные, как правило, в хронологическом порядке рассказы дают картину «одной большой истории кармического воздаяния, истории, которая имеет своим вмещающим ландшафтом целую страну – Японию» [7, с. 19–20]. На эту задачу работают подробные указания: в какой провинции, уезде, деревне свершилось то или иное чудо. В «Кондзяку» из 116 рассказов «Нихон рёики» взяты по меньшей мере 76. Как и в случаях с другими сборниками, точное число совпадений указать сложно, оно зависит от того, какую степень сходства считать достаточной; мы будем следовать указателю источников в [15]. Главное отличие между сборниками в том, что «Нихон рёики» написан на китайском языке – основном языке буддийской книжности в Японии времен Кёкай, – тогда как в «Кондзяку» рассказы переведены на японский. Перевод этот в целом очень точен, хотя иногда и опускает подробности. Задача описать всю Японию как буддийскую страну важна и для составителей «Кондзяку», хотя вообще здесь точное место и время действия указаны далеко не всюду.

Рассказы, взятые из «Нихон рёики», в «Кондзяку» помещаются в основном в буддийских свитках японской части (с 11-го по 20-й)⁸. Часто они даются блоками по пять и больше, самый крупный блок – в свитке 20-м: восемнадцать рассказов с единственной перебивкой. При этом они почти никогда не расставлены в том же порядке, что в исходном тексте. Рассказы не просто распределены по темам (чудеса «Лотосовой сутры», чудеса бодхисаттвы Каннон и др.), но подобраны так, чтобы между ними прослеживалась связь по цепочке: «два рассказа – один разряд» (*нива итируй*)⁹. Это значит, что два и только два рассказа имеют некий общий мотив. Такой принцип построения напоминает «песенные цепочки» *рэнга*, где за трехстишием следует двустишие, развивая его тему, затем это

двустышие продолжается новым трехстишием, и их общая тема оказывается уже другой, и т. д. [22, с. 134].

Возьмем для примера три рассказа: 20–24, 20–25 и 20–26 (в «Нихон рёики» это, соответственно, рассказы 2–38, 1–15 и 1–29). В первом из них жадный монах после смерти возрождается в теле змеи и приползает сторожить свой тайник; так его ученики находят деньги учителя и тратят их на поминальный обряд. Во втором жадный и глупый мирянин избивает монаха-попрошайку и после этого сходит с ума; дети богача просят монаха провести обряд, и безумец исцеляется. В третьем рассказе мирянин, не верящий в Закон Будды, избивает монаха, пришедшего за подаянием, а потом гибнет нелепой смертью: в дороге прячется от дождя под навесом чьего-то амбара, и амбар на него обрушивается. Первый и второй рассказы объединяют темы жадности, а также заботы младших о старшем; второй и третий связаны мотивом «нельзя обижать просящих милостыню», причем в третьем рассказе герой действует не из жадности, а из неприязни к монахам. В «Нихон рёики» между названными историями и соседними подобной тематической связи нет, за исключением общей для них всех темы неизбежного воздаяния.

«Рассказы с картинками о Трех Сокровищах», «Самбо экотоба» или «Самбоэ», (984 г.) составил мирянин, поэт и знаток словесности Минамото-но Тамэнори (ум. 1011). Сборник предназначался для принцессы Сонси (966–985), дочери государя Рэйдзэя, незадолго до смерти принявшей монашество (см.: [19]). Сборник делится на три части по «Трем Сокровищам» – Будда, Учение, Община – и состоит из 62 историй; вероятно, они сопровождались рисунками, но сохранился только текст¹⁰. Первая часть содержит рассказы о жизни Будды, вторая – о принятии буддизма в Японии (здесь почти все рассказы взяты из «Нихон рёики»), третья – о почитании будд, чтениях сутр, поднесении даров общине и прочих обрядах, образующих годовой цикл. Сборник имеет предисловие, а каждая часть – небольшое введение; текст сохранился как в китайском изводе, так и в японском. Речь здесь тоже идет о воздаянии, но не о добрых и злых делах вообще, а о целенаправленном накоплении «заслуг» (*кудоку*)

⁸ Также два рассказа включены в 23-й свиток, по одному в 24-й и 26-й.

⁹ Эта схема исследована в работе [5].

¹⁰ Или же текст служил приложением к свиткам картин: принцесса могла любоваться ими, а одна из свитских дам тем временем вслух читала ей рассказы [19, с. 6].

посредством благочестивых деяний. Три части сборника, как и в «*Кондзяку*», соответствуют трем эпохам: древности, недавней старине и современности. Правда, о Китае Тамэнори почти не пишет, замечая лишь, что там Закон Будды пришел в упадок, а в Японии процветает; составители «*Кондзяку*» отчасти соглашались с этим, но рассказы о китайских наставниках все-таки приводят во множестве. Ранняя пора усвоения Закона Будды в Японии описана в «*Кондзяку*» примерно так же, как в «*Самбоэ*», но дополнена рассказами из летописей и преданиями старейших японских храмов. Из «*Самбоэ*» в «*Кондзяку*» взято по меньшей мере 32 рассказа, в основном из второй и третьей частей (восемь общих с «*Нихон рёики*»), сосредоточены они в свитках 11-м и 12-м.

Следующие два тематических сборника принято относить к традиции *сэцува*, хотя каждый из них представляет особый жанр (см.: [13; 17]). «Японские записки о возрождении в краю Высшей Радости», «*Нихон одзё Гокураку-ки*», (980-е гг.) мирянина Ёсисигэ-но Ясутанэ (933–1002) содержат *одзёдэн*, предания о возрождении в Чистой земле¹¹. Они включены в «*Кондзяку*» почти целиком, 36 рассказов из 42, в основном из них состоит свиток 15-й. «Записки о могуществе Лотосовой сутры в Великой стране Японии», «*Дай Нихон-коку Хоккэ-гэнки*», (1040-е гг.) монаха Тингэна относятся к жанру *рэйгэнки*, «записок о чудесах»; в данном случае это чудеса «Лотосовой сутры»¹². Этот сборник также вошел в «*Кондзяку*» почти весь. Рассказы из него занимают вторую половину 12-го свитка, 13-й и первую половину 14-го, представлены они и в других свитках (всего взяты 101 рассказ из 129). Порядок рассказов в «*Кондзяку*» опять-таки не такой, как в обоих исходных текстах; как и в случае «*Нихон рёики*», рассказы переведены с китайского на японский.

Если в «*Нихон рёики*» больше внимания уделялось прижизненному воздаянию, то в «*Гокураку-ки*» – посмертному; одни и те же рассказы, заимствованные из одного сборника в другой, в корпусе целого произведения получают различное прочтение. В «*Хоккэ-гэнки*» в центре

внимания благое действие «Лотосовой сутры», но когда рассказ из этого сборника появляется в другом, акценты смещаются, например, на чюдеса священных книг в целом [13, с. 7–8]. «*Гокураку-ки*» и «*Хоккэ-гэнки*» в гораздо большей степени, чем «*Нихон рёики*», нацелены на преодоление мирского, на подвижничество ради достижения просветления, а не ради успеха в нынешней жизни. В одном из рассказов «*Гокураку-ки*» (11) монах после смерти возрождается в Чистой земле, во сне является другу и объясняет: «...Стал я читать сутры и задумал переродиться в Краю Вечной радости. Сердцем своим желал я того и понял, что дело нелегкое. Потому я забросил дела людские и разговоры. Что бы ни делал, я размышлял только о совершенстве Амиды и великолепии Пречистой Земли» [13, с. 140]. А монах из рассказа 7 копил деньги себе на похороны и сразу вознестись не сумел, будучи отягощен мирской заботой [13, с. 139]. Изложение рассказов соответствует этому стремлению к единой цели – характеры героев почти не обрисованы, важно лишь их положение на шкале добра и зла (причем здесь, по сути, все равны: и придворный, и бедняк перед лицом Будды – лишь праведник либо грешник). Рассказов о мирянах в таких сборниках сравнительно немного – главные действующие лица чаще монахи. А.Н. Мещеряков указывает на отсутствие в таких сборниках юмора, серьезность повествования: сиюминутное следует забыть на пути к вечной цели [13, с. 12–13].

Сравним рассказ «*Кондзяку*» (11–2) с соответствующими историями из «*Самбоэ*» (2–3) и «*Гокураку-ки*» (2). Их героя, монаха-простоца Гёки, он же Гёги (668–749), ещё при жизни читали как милосердного бодхисаттву, а в традиции *сэцува* он стал одним из постоянных героев. В «*Самбоэ*» говорится о его происхождении, странствиях по Японии, доброте к простым людям, о его чудесной прозорливости, о том, как государь его призвал помочь выстроить, а потом освятить храм Тодайдзи в городе Нара, а также о том, как завистник, монах-книжник Тико был при жизни ввергнут в ад в наказание за презрительные речи о Гёки. Перед нами текст в жанре «жизнеописания достойного монаха», *косодэн*; некоторые его эпизоды взяты из «*Нихон рёики*» (там это рассказы 2–29 и др., каждый посвящен лишь одному эпизоду жизни праведника).

В «*Гокураку-ки*» Гёги, как и герои многих других преданий о возрождении, с самого рождения имеет природу святого, а не достигает святости путем подвижничества. Он с дет-

¹¹ К этому жанру также относятся «Продолжение преданий нашей страны о возрождении», «*Дзоку хонтё: о:дзё:дэн*», Ооэ-но Масафусы (1041–1111) и «Избранные предания о возрождении», «*Сю:и о:дзё:дэн*», Миёси-но Тамэясу (1049–1139); оба эти сборника относятся к началу XII в., ко времени составления «*Кондзяку*».

¹² См. перевод этой сутры: [9].

ства проповедует, да так, что никто не остается равнодушным к его словам, затем странствует, совершает чудеса. Государь благоволит ему, из-за чего монах Тико и начинает завидовать: «Я – великий монах многомудрый, а Гёги – низкоумный послушник. Отчего же государь пренебрегает мною и жалуется Гёги?» [13, с. 34]. После этого Тико умирает и попадает в преисподнюю, где видит воочию, какая участь ожидает его и какая – Гёки; вернувшись к жизни, Тико раскаивается. Призыв никого не презирать часто встречается в рассказах *эцува* – любой нищий может оказаться бодхисаттвой, чваниться же ученостью или богатством не имеет смысла. Последний эпизод рассказа о Гёки в «*Гокураку-ки*» повествует о том, как монах отказался освятить нововозведенный храм Тодайдзи, желая предоставить это дело святому из Индии по имени Бодхисена, который должен был скоро прибыть. При встрече Гёки обменялся с индийцем песнями, и все поняли, что Гёки – воплощение бодхисаттвы. Интересно, что судьбе монаха Тико в «*Гокураку-ки*» посвящен еще отдельный рассказ (11). Усердие, помощь почившего ранее друга и будды Амиды приводят к тому, что Тико возрождается в Чистой земле. Здесь Тико предстает человеком, пусть не совершенным изначально, но готовым упорно молиться и учиться на своих ошибках; чудеса даются ему по его же трудам.

В «*Кондзяку*» мы видим почти все то же самое, но здесь акценты снова расставлены иначе. Вся история о Гёки и Бодхисене вынесена в отдельный рассказ, где главный герой Бодхисена (11–7). В рассказе же 11–2 подробно прослежены отношения между Гёки и Тико. Неприязнь книжника к неученому монашку, по версии «*Кондзяку*», началась, когда Гёки в молодости пришел послушать проповедь Тико, хотел с ним поспорить, Тико не удостоил его ответом, а Гёки спросил: «Разве ты не помнишь, как я шил для тебя штаны?» Ведь в прошлой жизни Гёки был девочкой-мирянкой, и однажды она помогала шить одежду для отцовского слуги, решившего уйти в монахи. Этот-то слуга преуспел в ученье и стал знаменит под именем Тико, а девочка рано умерла, в новой жизни родилась в мужском теле и стала монахом по имени Гёки, бодхисаттвой, способным вспомнить свои предыдущие рождения. Все это ей удалось в том числе и потому, что она заботилась о будущем монахе; таким образом, Тико, сам того не зная, был причиной той самой славы Гёки, которой завидовал. Версия «*Кондзяку*» выглядит менее

книжной и более сказочной; отметим, как важен в ней мотив звучащей проповеди.

И «*Гокураку-ки*», и «*Хоккэ-гэнки*» нацелены прежде всего на сбор сообщений о чудесах, отсюда – большое число однотипных рассказов. Здесь, в отличие от поздних сборников¹³, еще нет установки на то, что к праведности ведут столь же разнообразные пути, как и ко греху. Иногда в «*Кондзяку*» это впечатление даже усиливается. Например, в рассказах с 14–12 по 14–25 преданные почитатели «Лотосовой сутры» чудом узнают о том, как в прошлой жизни познакомились с этой книгой, «завязали с нею связь», что и позволило им в нынешнем рождении стать ее чтецами и хранителями. Все эти люди так или иначе недовольны собой: нетвердо помнят какое-то место из сутры, не обладают приятной внешностью¹⁴ и т. п. Каждый узнает, за какую вину из прошлой жизни он в этот раз родился таким; от рассказа к рассказу меняются только недостатки и их причины, а в остальном текст совпадает почти дословно. В «*Хоккэ-гэнки*» эти рассказы идут подряд, но лишь по два или три, а в «*Кондзяку*» они образуют длинную серию. Возможно, сделано это просто ради систематизации, но мы бы предположили и другую цель. Не цитируя самой сутры, рассказчик показывает этой монотонностью повторов, как в Японии беспрестанно повторяют «Лотосовую сутру», на разные голоса твердят ее главную мысль: что каждый может обрести спасение, а потому никого не надо презирать.

К сборникам «*Гокураку-ки*» и «*Хоккэ-гэнки*» примыкают «Предания нашей страны о божествах и бессмертных», «*Хонтё: синсэн-дэн*», Ооэ-но Масафусы (1041–1111), составленные на рубеже XI–XII вв. В этом сборнике тоже идет речь о чудесах, но не буддийских, а даосских. Рассказы из него входят в «*Кондзяку*», но отдельного свитка для них нет; даосские чудотворцы здесь стоят в одном ряду с буддийскими подвижниками. Из буддийских «Записок о чудесном могуществе бодхисаттвы Дзидзо», «*Дзидзо: босацу рэйгэнки*», (XI в.) в «*Кондзяку*» взят 31 рассказ; за единственным исключением все рассказы свитка 17-го о бодхисаттве Дзидзо, заступнике детей и грешников, восходят к нему. Правда, возможно и обратное заимство-

¹³ Например, «Собрания песка и камней», «*Сясэ-кисю*», конец XIII в. (см.: [11, с. 423]).

¹⁴ Ср. в «Записках у изголовья»: «Проповедник должен быть благообразен лицом. Когда глядишь на него, не отводя глаз, лучше постигаешь святость поучения» (эпизод 33, перевод Веры Марковой).

вание: из «*Кондзяку*» в сборник о Дзидзо (см.: [16]). В свиток 16-й вошли некоторые предания их «Записок о чудесах бодхисаттвы Каннон в храме Хасэ-дэра», «*Хасэ-дэра Каннон гэнки*»¹⁵, и здесь тоже неясно, какой из текстов появился раньше (см.: [18]).

Еще два сборника напрямую связаны с устной традицией проповедей (см.: [20, с. 571–572]). Книга «Сто дней бесед о Законе: записи со слуха», «*Хякудза ходан кикигакисё*», содержит конспекты проповедей, прозвучавших во время стодневных чтений «Лотосовой сутры» в 1110 г.¹⁶, в том числе 35 рассказов *сэцува*. Целью таких чтений было прежде всего накопление «заслуг», улучшение кармы, а не умножение знаний, но во многом монашеская ученость в Японии развивалась именно благодаря им. Точных соответствий в «*Кондзяку*» рассказы «*Хякудза ходан*» не имеют, однако, сравнивая эти сборники, можно представить, как могли бы звучать «Стародавние повести» в устном изложении, как бы они встраивались в проповедь. По «Ста дням» видно, что рабочая запись назидательного рассказа предполагала лишь общую схему; в «*Кондзяку*» перед нами, скорее, не заготовки для проповедей, а попытка передать звучащий устный рассказ литературными средствами [21, с. 25–26]. Конспекты других 27 рассказов входят в «Собрание однажды слышанного», «*Утигики-сю*», (1130-е гг.), из них 21 рассказ есть в «*Кондзяку*». Возьмем для примера рассказ 19 из «*Утигики*». В нём кратко сообщается, как монах Кукай (774–835) на берегу дворцового пруда вел обряд, читая «Сутру о вызывании дождя», и на жертвеннике появились две змеи, а потом уползли в пруд. Точно названы размеры змей (пять *сяку* и пять *сун*, 1,5 м и 15 см) и сказано, что большая несла на себе малую, а у той чешуя была золотая. При обряде присутствовало два десятка монахов, но змей видели только Кукай и еще четверо самых опытных наставников. Кукая спросили, что значит это видение, и он объяснил: драконы из индийского озера Анаватапта прибыли к нам на помощь. И сразу хлынул дождь, и с тех пор моления о дожде во дворце проводятся по этому образцу. В «*Кондзяку*» (14–41) описание чуда предваряется картиной страшной засухи, страданий народа и тревоги государя; говорит-

ся, как Кукая призвали ко двору и спросили, что делать, а он предложил провести обряд. Сам дождь тоже описан подробнее. В «*Утигики*» рассказ стоит в ряду историй о монахах-чудотворцах, а в «*Кондзяку*» – среди рассказов о чудесах священных книг, в данном случае «Сутры о вызывании дождя».

Среди жанров японской словесности IX–XI вв., пожалуй, нет таких, чье влияние не прослеживается в «*Кондзяку*». Прежде всего следует назвать поэтические антологии. В них часто «японские песни» *вака* сопровождаются краткими сведениями о том, кто и когда их сложил, и из такого сообщения нередко вырастает рассказ *сэцува* (таковы в «*Кондзяку*» рассказы с 24–37 по 24–41 и другие). Как указывает Кониси, хронологический порядок частей «*Кондзяку*» также сближает это собрание не с летописями, а, скорее, с антологиями, где песни помещаются по порядку сезонов, с весны до осени [22, с. 135]. Картина времени в обоих случаях не линейная, а циклическая, только в антологиях это постоянный, должный ход времени, поддерживаемый праведностью правителя [6, с. 76–107], а в «*Кондзяку*» – неизбежная смена эпох, о которой учил Будда: за временами «правильного Закона» следуют века «подобия Закона», затем пора упадка, «конца Закона», а потом в мир приходит новый будда. Что касается исторических сочинений, таких как летописи и «зеркала» (*кагами*) то их соотношение с «*Кондзяку*» мы надеемся обсудить в отдельной статье.

На стыке художественной литературы и исторической располагается жанр воинских повестей (*гунки-моногатари*). В этих сказаниях в центре внимания (за редким исключением) – военный конфликт и судьбы вовлеченных в него людей. В 25-м свитке «*Кондзяку*», посвященном воинам, есть параллели со старейшими текстами жанра *гунки*, такими как «Записи о Масакадо», «*Масакадоки*» (или «*Сёмонки*», 940 г.), и «Сказание о земле Муцу», «*Муцуваки*», (конец XI в.)¹⁷. В отличие от более поздних воинских повестей, два этих текста были написаны на китайском и предназначались не для устного рассказа, а для чтения. «*Масакадоки*» составлены менее чем через полгода после описываемых событий: здесь говорится, как военачальник Тайра-но Масакадо поднял мятеж и захватил множество земель, объявил себя новым государем, однако вскоре был побежден и убит. В «*Кондзяку*» эта история открывает 25-ый

¹⁵ Сохранившийся текст датируется XII–XIII вв., но, возможно, более ранняя версия сложилась раньше «*Кондзяку*».

¹⁶ На деле чтения заняли триста дней, кроме «Лотосовой» были разобраны также и другие сутры.

¹⁷ Переводы памятников на русский язык см.: [14].

свиток, и отношение рассказчика к Масакадо выглядит более жестким, нежели в *гунки*; мятежник показан доблестным, и все же злодеем. Хотя «*Масакадоки*» в сравнении с более поздними повестями и кажутся гораздо больше ориентированными на «документальность», образ Масакадо в них более романтизирован, чем в «*Кондзяку*». И рассказ, и повесть заканчиваются сообщением о том, что Масакадо по закону воздаяния был ввергнут в ад, где и терпит с тех пор мучения.

«*Муцуваки*» повествуют о Девятилетней войне в Муцу (1051–1062 гг.), когда Минамото-но Ёриёси был отправлен усмирять мятежный род Абэ и вступил с ними в затяжное противостояние. Повесть, очевидно, была написана вскоре после окончания войны [24, с. 36]. Рассказ 25–13 в «*Кондзяку*» является сжатым переложением «*Муцуваки*», и составитель сборника в данном случае, видимо, скорее старался зафиксировать ключевые факты, нежели заботился о том, чтобы эти факты произвели на читателя должное впечатление. По сравнению с исходной повестью, в «*Кондзяку*» события описаны не настолько драматично, однако некоторые трагические эпизоды пересказаны: например, история самоубийства жены потерпевшего поражение Абэ-но Садатоо или сцена плача слуг, вынужденных расчесывать волосы на отрубленных головах их хозяев. Такой стиль изложения, возможно, предполагал способность рассказчика (и читателя) самостоятельно достроить необходимые подробности.

В предисловии к «*Самбоэ*» говорится, что поучительные рассказы – чтение более полезное, чем мирские повести, полные небылиц [19, с. 93], но вообще в иерархии жанров японской словесности сборники *сэцува* занимают более низкое место, чем «песенные повести» (*ута-моногатари*) X в. и «сочинённые повести» (*цукуруи-моногатари*) X–XI вв. В «песенных повестях» каждый из эпизодов описывает историю сложения одной или нескольких песен *вака*. Несколько рассказов в «*Кондзяку*» взяты из таких повестей: из «*Исэ-моногатари*» (24–35, 24–36, 30–4) и «*Ямато-моногатари*» (19–2, а также семь из 14 рассказов свитка 30-го). Кониси Дзинъити сравнивает версии одного и того же сюжета в «*Кондзяку*» и в «*Ямато-моногатари*». Это рассказ о бедняке и его бывшей жене, добившейся благополучия (см.: [12, с. 166–169]). В «*Ямато-моногатари*» (эпизод 148) эта история излагается в основном с точки зрения жены: поначалу мы не знаем, что ста-

ло с мужем, и тем яснее можем понять, какой шок испытала женщина, снова повстречав его. В «*Кондзяку*» (30–5), напротив, после расставания супругов прослеживается судьба и мужа, и жены, причем описание содержит различные мелкие подробности, характерные для устного повествования [22, с. 131–133].

Вообще Кониси различает в японской словесности два пласта. Первый – это, условно говоря, «книги для писателей»: тексты, рассчитанные на тех, кто сам сочиняет, является и читателем, и творцом. Таковы в большинстве своем произведения придворной словесности. Писать китайские стихи каждому сановнику приходилось по обычаям службы, песни *вака* слагали при дворе и мужчины, и дамы, повести из столичной жизни также создавались в этом кругу. Очень во многом они рассчитаны на читателей, которые хорошо представляют себе все обстоятельства действия, с легкостью опознают скрытые цитаты, понимают намеки и т. д. Другой пласт – «книги для читателей», где место и время действия обсуждаются подробно, где предполагаемый читатель с условиями жизни героев изначально не знаком. Казалось бы, рассказы *сэцува* следует отнести к этому второму пласту. Если перед нами истории о чудесах, то понятно, что читатель «не должен» заранее знать, как поведут себя бодхисаттвы или демоны, что скажут говорящие звери, – иначе не получится чуда. Но и в бытовых рассказах видна такая же установка: читатель будто бы не знает, как живут герои, и примерить их ситуацию на себя может только в конце, когда прозвучит мораль. Если вернуться к примеру из «*Ямато-моногатари*», читательская реакция первого типа – это «какую бы песню сложили мы, случись с нами подобное»; второго типа – «даже столь удивительные события обусловлены кармой прежних рождений, значит, и нам нечего жаловаться на то, как мы живем». Однако Кониси показывает, что в «*Кондзяку*» читательская готовность домыслить недосказанное также очень важна: исходит она в этом случае из опыта слушания проповедей, участия в обрядах, опыта «веры» – не важно, в религиозном смысле или в бытовом, вроде веры в лисьи козни. На наш взгляд, один из путей совместного творчества читателя (слушателя) и рассказчика в традиции *сэцува* – это соотнесение рассказа с другими версиями той же истории; не только смысл рассказа зависит от контекста, но и контекст во многом проясняется тем, какая из версий известной истории взята в данном случае.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исибаси Гисю. Буккё: сэцува ронко: (Исследования по буддийским поучительным рассказам). Токио: Бунъэйдо, 2009.

2. Катаёсэ Масаёси. Кондзяку моногатари сю:-но кэнкю. Т. 1: Кондзяку моногатари сю:-рон (Исследование «Собрания стародавних повестей»). Т. 1: Размышления о «Собрании стародавних повестей»). Камакура: Гэйринся, 1974.

3. Кондзяку моногатари-сю: (Собрание стародавних повестей) // Нихон котэн бунгаку тайкэй. Т. 22–26 / Под ред. Ямада Ёсио, Ямада Тадао, Ямада Хидэо, Ямада Тосио. Токио: Иванами, 1959–1963.

4. Кондзяку моногатари-сю: [Собрание стародавних повестей] // Ятагарасу-наби. Котэн бунгаку дэнси тэкисутокэнсяку. URL: http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html

5. Кунисаки Фумимаро. Кондзяку моногатари-сю сэйрицу-ко: [Размышления о происхождении «Собрания стародавних повестей»]. Токио: Васэда дайгаку, 1962.

6. Мещеряков А.Н. Terra Nipponica: Среда обитания и среда воображения. М.: Издательский дом «Дело», 2014.

7. Нихон рё:ики. Японские легенды о чудесах. Свитки 1-й, 2-й и 3-й / Пер. со старояпонского, предисловие и комментарий А.Н. Мещерякова. СПб., 1995.

8. Свиридов Г.Г. Японская средневековая проза сэцува (структура и образ). М.: Наука, 1981.

9. Сутра о бесчисленных значениях. Сутра о Цветке Лотоса Чудесной Дхармы. Сутра о постижении деяний и Дхармы бодхисаттвы Всеобъемлющая Мудрость. М.: Ладомир, 1998.

10. Трубникова Н.Н., Бабкова М.В. «Собрание стародавних повестей» в оценках исследователей: основные вопросы и трудности (в печати).

11. Трубникова Н.Н., Бабкова М.В. Обновление традиций в японской религиозно-философской мысли XII–XIV вв. М.: Политическая энциклопедия, 2014.

12. Ямато-моногатари / Пер. с японского, исследование и комментарий Л.М. Ермаковой. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1982.

13. Японские легенды о чудесах. IX–XI вв. / Пер. А.Н. Мещерякова. М.: Наука, 1984.

14. Японские сказания о войнах и мятежах / Пер. с японского В. Онищенко. СПб.: Гиперион, 2012.

15. Buddhist tales of India, China, and Japan: a complete translation of the Konjaku monogatari shū by Yoshiko Dykstra. Vol. 1–3. Honolulu: Kanji Press, 2015.

16. Dykstra, Y.K., 1978. Jizo, the Most Merciful. Tales from Jizo Bosatsu Reigenki. Monumenta Nipponica, Vol. 33, no. 2, pp. 179–200.

17. Dykstra, Y.K., 1977. Miraculous tales of the Lotus Sutra. The Dainihonkoku Hokkegenki. Monumenta Nipponica, Vol. 32, no. 2, pp. 189–210.

18. Dykstra, Y.K., 1976. Tales of the Compassionate Kannon. The Hasedera Kannon Genki. Monumenta Nipponica, Vol. 31, no. 2, pp. 113–143.

19. Kamens, E., 1988. The Three Jewels: a study and translation of Minamoto Tamenori's Sanboe. Ann Arbor: The University of Michigan Press.

20. Keene, D., 1999. Seeds in the heart: Japanese literature from earliest times to the late sixteenth century. New York: Columbia University Press.

21. Kelsey, W.M., 1976. Didactics in art: the literary structure of Konjaku Monogatari shū. Ph.D. dissertation, Indiana University, Bloomington.

22. Konishi, Jin'ichi, 1991. A history of Japanese literature. Vol. 3: The high Middle Ages. Princeton: Princeton University Press.

23. Li, M.O., 2009. Ambiguous bodies. Reading the grotesque in Japanese setsuwa tales. Stanford: Stanford University Press.

24. Varley, H.P., 1994. Warriors of Japan: as portrayed in the war tales. Honolulu: University of Hawaii Press.

REFERENCES

1. 石橋義秀, 2009. 仏教説話論考[A study of Buddhist setsuwa tales]. 東京: 文栄堂. (in Japanese)

2. 片寄正義, 1974. 今昔物語集の研究 [Research of Konjaku monogatari shū]. 藝林舎. (in Japanese)

3. 今昔物語集 [Konjaku monogatari shū]. Vol. 22–26. 東京, 1959–1963. (in Japanese).

4. 今昔物語集 [Konjaku monogatari shū]. URL: http://yatanavi.org/text/k_konjaku/index.html (in Japanese)

5. 国東文麿, 1962. 今昔物語集成立考 [On the roots of Konjaku monogatari shū]. 東京: 早稲田大学. (in Japanese)

6. Mesheryakov, A.N., 2014. Terra Nipponica: sreda obitaniya i voobrazheniya [Terra Nipponica: natural habitat and habitat of imagination]. Moskva: ID Delo. (in Russ.)

7. Nihon ryōiki. Yaponskie legendy o chudesah. [Japanese miraculous tales]. Sankt-Peterburg: Giperion, 1995. (in Russ.)

8. Sviridov, G.G., 1981. Yaponskaya srednevekovaya proza setsuwa (struktura i obraz) [Japanese Medieval setsuwa prose: structure and image]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

9. Sutra o beschislennykh znacheniyakh. Sutra o Tsvetke Lotosa Chudesnoi Dharmy. Sutra o postizhenii deyanii i Dharmy bodhisattvy Vseob'emlyushchaya Mudrost' [Lotus Sūtra]. Moskva: Ladomir, 1998. (in Russ.)
10. Trubnikova, N.N. and Babkova, M.V., 2018. «Sobranie starodavnikh povestey» v otsenkakh issledovateley: osnovnie voprosi i trudnosti. [Konjaku monogatari shū in the research: main issues and problems. (in print) (in Russ.)
11. Trubnikova, N.N. and Babkova, M.V., 2014. Obnovlenie traditsiy v yaponskoy religiozno-filosofskoy mysli XII–XIV vv. [Japanese religious philosophy in XIIth – XIVth centuries: renewing traditions]. Moskva: Politicheskaya entsiklopediya. (in Russ.)
12. Yamato monogatari. Moskva: Nauka, 1982. (in Russ.)
13. Yaponskiye legend o chudesakh IX–XI vv. [Japanese miraculous tales of IXth – XIth centuries]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
14. Yaponskiye skazaniya o voynakh i myatezhakh [Japanese legends of wars and rebellions]. Sankt-Peterburg: Giperion, 2012. (in Russ.)
15. Buddhist tales of India, China, and Japan: a complete translation of the Konjaku monogatari shū by Yoshiko Dykstra. Vol. 1–3. Honolulu: Kanji Press, 2015.
16. Dykstra, Y.K., 1978. Jizo, the Most Merciful. Tales from Jizo Bosatsu Reigenki. Monumenta Nipponica, Vol. 33, no. 2, pp. 179–200.
17. Dykstra, Y.K., 1977. Miraculous tales of the Lotus Sutra. The Dainihonkoku Hokkegenki. Monumenta Nipponica, Vol. 32, no. 2, pp. 189–210.
18. Dykstra, Y.K., 1976. Tales of the Compassionate Kannon. The Hasedera Kannon Genki. Monumenta Nipponica, Vol. 31, no. 2, pp. 113–143.
19. Kamens, E., 1988. The Three Jewels: a study and translation of Minamoto Tamenori's Sanboe. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
20. Keene, D., 1999. Seeds in the heart: Japanese literature from earliest times to the late sixteenth century. New York: Columbia University Press.
21. Kelsey, W.M., 1976. Didactics in art: the literary structure of Konjaku Monogatari shū. Ph.D. dissertation, Indiana University, Bloomington.
22. Konishi, Jin'ichi, 1991. A history of Japanese literature. Vol. 3: The high Middle Ages. Princeton: Princeton University Press.
23. Li, M.O., 2009. Ambiguous bodies. Reading the grotesque in Japanese setsuwa tales. Stanford: Stanford University Press.
24. Varley, H.P., 1994. Warriors of Japan: as portrayed in the war tales. Honolulu: University of Hawaii Press.

А.И. Осмачко, **А.Л. Сергеев**, Д.В. Конончук*

«[КОГДА] В ОБЩИНЕ ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ...»:
 НОВЫЙ ПЕРЕВОД ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЫ «ЛУНЬ ЮЯ»
 С КОММЕНТАРИЯМИ ЧЖУ СИ

Данная работа представляет собой новый перевод четвертой главы сборника изречений Конфуция «Лунь юй» с комментариями Чжу Си («Лунь юй цзи чжу»). Комментарий Чжу Си, ставший неотъемлемой частью концептуального ядра конфуцианской философии и образования, суммирует многие положения неоконфуцианской мысли и разъясняет ряд идей в этике Конфуция. Публикация перевода сопровождается предисловием и примечаниями переводчиков.

Ключевые слова: китайская философия, Конфуций, Чжу Си, «Лунь юй», конфуцианство, неоконфуцианство

«Human-heartedness in a neighborhood ...»: a new translation of the Analects, book 4 with commentaries of Zhu Xi. ANDREI I. OSMACHKO, **ALEXANDER L. SERGEEV**, DMITRIY V. KONONCHUK (Far Eastern Federal University)

The publication provides a new version of the Analects, book 4 translation along with Zhu Xi's commentary and translators' introduction. Being a summary of Neo-Confucian thought Zhu Xi's reading clarifies many ideas of Confucian ethics and became a necessary part of Confucian philosophy and education.

Keywords: Chinese philosophy, Confucius, Zhu Xi, Analects, Confucianism, Neo-Confucianism

Вниманию читателя предлагается новый перевод четвертой главы «Ли жэнь» 里仁 («[Когда] в общине человечность...») сборника изречений Конфуция «Лунь юй»¹ с комментариями («Лунь юй цзи

чжу»² 論語集注) Чжу Си (1130–1200), крупнейшего китайского философа-неоконфуцианца эпохи Сун.

Чжу Си был последователем учения великого философа-неоконфуцианца Чэн И³ (1033–1107)

¹ Существует целый ряд вариантов русского перевода названия «Лунь юй», наиболее распространенный – «Беседы и суждения». Обоснование нашего варианта «Избранные речи» см. в: [2].

² Соответственно, «Сводные комментарии к “Избранным речам”».

³ Чэн И вместе со своим братом, другим крупным неоконфуцианцем Чэн Хао (1032–1085) известны в

* ОСМАЧКО Андрей Иванович, доцент кафедры китаеведения Восточного института — Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета.

E-mail: osmachko.ai@dvvfu.ru

СЕРГЕЕВ Александр Леонидович (1945–2013), кандидат филологических наук, доцент кафедры Тихоокеанской Азии Восточного института — Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета.

КОНОНЧУК Дмитрий Васильевич, кандидат философских наук, доцент Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: kononchuk.dv@dvvfu.ru

© Осмачко А.И., Сергеев А.Л., Конончук Д.В., 2018

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-011-01094.

и долгое время кропотливо собирал оставленные им и другими предшественниками комментарии к конфуцианским текстам. Работа над «Лунь юй цзи чжу», как считается, в основном была закончена Чжу Си к 48 г. [3, р. 126], однако правки вносились им и позднее. «Сводные комментарии к “Избранным речам”» Чжу Си стали частью его фундаментального труда «Сы шу чжан цзюй цзи чжу» (四書章句集注, «Сводные комментарии к чжанам и [отдельным] фразам Четырех книг»⁴), который увидел свет в 1190 г. и на долгие годы стал концептуальным ядром конфуцианской философии и конфуцианского образования.

Данная публикация представляет собой сочетание двух различных текстов – перевода четвертой главы «Лунь юя» как таковой и перевода комментария Чжу Си к ней.

Свой перевод «Лунь юя» А.Л. Сергеев и Д.В. Конончук начали в 2011 г. После скоропостижного ухода Александра Леонидовича в январе 2013 г. работа над переводом была на некоторое время приостановлена и завершена Д.В. Конончуком в 2015 г. Перевод использовался в ДВФУ в учебных целях, однако полностью до сих пор не издавался. Особенностью этого перевода является повышенное внимание к философской составляющей текста.

Перевод текста четвертой главы комментариев Чжу Си «Лунь юй цзи чжу» («Сводные комментарии к “Избранным речам”») был осуществлен А.И. Осмачко при участии Д.В. Конончука в 2018 г. Особо стоит отметить, что если русских переводов «Лунь юя» существует немало, то комментарий Чжу Си к четвертой главе «Лунь юя» на русском языке публикуется впервые.

Четвертая глава комментария Чжу Си к «Лунь юю» была избрана нами для перевода по двум причинам. Во-первых, перевод 1–3 глав

истории китайской философии как *эр Чэн* (二程, два Чэна).

⁴ Конфуцианское четверокнижие «Сы шу чжан цзюй цзи чжу» (四書章句集注) или просто «Сы шу цзи чжу» (四書集注), как известно, содержит четыре текста с комментариями Чжу Си: «Да сюэ чжан цзюй» (1 свиток-цзюань), «Чжун юн чжан цзюй» (1 свиток-цзюань), «Лунь юй цзи чжу» (10 свитков-цзюаней) и «Мэн-цзы цзи чжу» (14 свитков-цзюаней). Фраза *чжан цзюй* (章句) переводится А.М. Кобзевым, осуществившим перевод «Да сюэ цзи чжу», как «постатейные и пофразовые» (см.: [1]), В.Б. Югай, осуществившей перевод «Чжун юн чжан цзюй», как «разделы и синтагмы» или «чжаны и синтагмы» (см.: [5; 6]).

данного текста в распоряжении отечественного исследования имеется. Это перевод академика В.М. Алексеева, сделанный еще в 1920–1921 гг. и опубликованный в 2002 г. в сборнике работ патриарха отечественного китаеведения. Во-вторых, в западном философском китаеведении распространена точка зрения, согласно которой четвертая глава «Лунь юя» является наиболее ранней по времени создания. Отстаивающие эту точку зрения Е.Б. и А.Т. Брукс, а также Ли Ярли, подвергнув четвертую главу собственной структурной реконструкции, сделали подобный вывод на основании того, что реконструированный текст главы содержит наиболее короткие высказывания Конфуция, представляет собой чистый монолог, т. е. заветы-поучения, но не рожденное в диалоге знание, содержит ряд лексем, которые более в тексте не встречаются и могут составлять специфические обороты луского диалекта и др.⁵

Перевод осуществлялся по изданию [4]. Как и В.М. Алексеев, при переводе мы опускали имеющиеся как в этом, так и в других изданиях «Лунь юй цзи чжу» фонетические примечания.

Глава четвертая.

«[Когда] в общине человечность...»

[Комментарий Чжу Си]. Всего 26 чжанов.

4.1. Учитель сказал: «[Когда] в общине человечность, это прекрасно. [Тот, кто] выбирает жизнь с людьми без человечности, разве может там обрести правильное знание?»

[Комментарий Чжу Си]. [Когда] в общине царят нравы, полные человечности, – это прекрасно. [Если], выбирая поселение, окажешься не в таком месте, то утратишь свои изначальные основания истинного и ложного и не сможешь обрести [правильное] знание.

4.2. Учитель сказал: «Лишенный человечности не сможет долго претерпевать бедность, не сможет надолго стать счастливым. Человечный в [своей] человечности обретает покой, мудрый в [своей] человечности обретает пользу».

[Комментарий Чжу Си]. [Здесь] *юэ* (約) означает «бедность». А *ли* (利) понимай как «ждать». Ведь глубокое знание [есть] основательное благо, и его неизбежно стремятся обрести. Человек, лишенный человечности, утрачивает свои подлинные основания [и], долго живя в бедности, неизбежно [станет] жадным и падким, а долго живя в благоденствии, неизбежно [станет]

⁵ Подробнее см.: [7; 8].

порочным и развратным. Поэтому человеческий в таких обстоятельствах находит успокоение в своей человечности, и ему [уже] не подходит неподобающее, а мудрый в таких обстоятельствах жаждет человечности, и [поэтому] неизменно сбережет ее. Ведь хотя мера [их] различна, однако все они не отрешаются от предметов внешнего мира, которыми могут завладеть.

Господин Се⁶ сказал: «Сердце человеческого не ограничено пределами внутреннего и внешнего, далекого и близкого, тонкого и грубого, [в нем] не существует того, что было бы и само не погибало бы, не существует того, что было бы упорядочено и само не впадало бы в хаос, подобно тому, как глаза [сами] видят и уши слышат, руки держат и ноги идут. Мудрый говорит, что представить такое возможно, но говорит, что достичь этого нельзя. Чтобы существовало то, что есть, и оно не погибало бы, чтобы существовало то, что было бы упорядочено и само не впадало бы в хаос – такое не может быть чем-то вне мышления. Покой [у человеческого] есть только первое, [но] жажда [познания у мудрого] есть [и первое, и] второе⁷. Человечный, обретший покой, не превзошел Янь Хуэя и Минь Суня⁸, отстоит от Премудрого⁹ недалеко и не знает этих страстей. Мудрецы, хотя и обладают выдающимися талантами, говорят, что узреть Путь-Дао без заблуждений возможно, а значит и не избежать стремления жажды этого».

4.3. Учитель сказал: «Только человеческий способен [по-настоящему] любить людей и способен [по-настоящему] ненавидеть людей».

⁶ «Господин Се» – Се Лянцзо (1050–1103), сунский философ-неоконфуцианец, последователь Чэн И и Чэн Хао, один из наиболее выдающихся «четырех учителей, учившихся у Чэнов» (*чэн мэнь сы сяньшэн*, 程門四先生), наряду с Ю Цзо, Люй Далинем и Ян Ши.

⁷ Здесь мы видим своеобразную рефлексию неоконфуцианства на отсутствие в классическом конфуцианстве сколь-либо разработанной онтологической проблематики, своеобразную попытку протянуть линию связи прямого исторического диалога с вечно живым Премудрым-шэном (聖). Конфуция неоконфуцианцы стремятся радикально модернизировать, не только пытаясь проецировать его мысль на современные им проблемы, но и желая видеть в его словах авторитетное мнение по поводу этих проблем.

⁸ Янь Хуэй (ок. 521 – ок. 421 до н.э.), Минь Сунь (ок. 536 – ок. 487 до н.э.) – непосредственные ученики Конфуция, известные своими выдающимися способностями.

⁹ Словом «премудрый» мы переводим употребляемый в оригинале термин *шэн жэнь* (聖人), издавна транслирующий в Китае идею высшей мудрости. У Чжу Си этим словом именуется Конфуций.

[Комментарий Чжу Си]. [Здесь] *вэй* (唯) – то, что следует озвучивать как «единственный». Ведь лишенный эгоистических побуждений в дальнейшем в любви и ненависти полагается на принцип *ли* (理). Это и есть то, о чем Чэн-цзы говорил: «Обрести свои справедливость и праведность так». Господин Ю¹⁰ говорил: «Любить добро и ненавидеть зло – это общее чувство в Поднебесной, однако люди каждый раз теряют своих праведных, сердца [их] имеют пути, которые они сами не могут, разорвав, преодолеть. Только Человечный лишен эгоистических побуждений, поэтому он может любить и ненавидеть».

4.4. Учитель сказал: «Стремящийся к человечности [никогда не должен] совершать зло»¹¹.

[Комментарий Чжу Си]. [Здесь] *гоу* (苟) означает «если искренне». У стремящегося все помыслы обращены к тому, к чему он стремится. И если его сердце искренне стремится к человечности, то он неизбежно окажется не способен совершать злые поступки. Господин Ян¹² сказал: «Если искренне стремиться к человечности, то не обязательно можно будет избежать ошибок, однако зла не сотворишь точно».

4.5. Учитель сказал: «Богатство и знатность – это то, к чему люди стремятся. [Но] достигая этого не Праведным Путем, не сохранишь [его]. Бедность и нищета – это то, что люди ненавидят. [Но] избегая этого не Праведным Путем, не избавишься [от него]. Благородный человек, утративший человечность, обречен на дурную славу. Благородный человек ни на кратчайший миг не отстает от человечности, в момент занятости пребывает в этом [состоянии] [и] в потрясениях и ненастьях пребывает в этом [состоянии]».

[Комментарий Чжу Си]. [Если], не придерживаясь своего Дао-Пути, получить что-либо, то говорят [об этом так]: «Получил то, что не должен был получить». Однако таким образом в богатстве и знатности не [сможешь] остаться, а из бедности и нищеты не [сможешь] выйти. Благородный же человек действительно и в богатстве и знатности, и в бедности и нищете следует этому, [придерживаясь своего Дао-Пути].

Если назвался Благородным человеком, то и будь им, придерживайся своей человечности.

¹⁰ «Господин Ю» – Ю Цзо (1053–1123), сунский философ-неоконфуцианец, также один из «четырех учителей, учившихся у Чэнов».

¹¹ *Гоу* (苟) здесь играет роль побуждения и в переводе передано выражением долженствования.

¹² «Господин Ян» – Ян Ши (1053–1135), сунский философ-неоконфуцианец, также один из «четырех учителей, учившихся у Чэнов».

Если, стремясь к богатству и знатности, подавляешь бедных и нищих, то это означает, что сам оставляешь свою человечность и не имеешь сущности Благородного человека, как же можешь носить это имя?

То, что названо *чжун ши* (終食), означает «короткое время, нужное лишь для того, чтобы что-либо проглотить». *Цзао цы* (造次) означает «время, когда все делается стремительно, резко, не вдумываясь». *Дянь пэй* (顛沛) означает «время, когда потерпел крах, когда скитаешься без пристанища». Ведь Благородный человек таким образом не оставляет человечность, не только в момент выбора между богатством и знатностью, и бедностью и нищетой, [но и] вообще. Сказано, что Благородный человек человечен, начиная с того, когда сам выбирает между богатством и знатностью и бедностью и нищетой, и вплоть до того момента, когда он торопится, чем-то занят или терпит неудачи, в любое время и где бы он ни находился, он не применит свою [грубую] силу. Так, то, что он выберет, становится явленным, хотя последующая [его внутренняя] работа – оберегать и углублять [свой выбор] – сокрыта [от глаз посторонних]. [Его внутренняя] работа – оберегать и углублять [свой выбор] – сокрыта [от глаз посторонних], а благо от того, что он выбрал, явлено.

4.6. Учитель сказал: «Я [почему-то] перестал встречать тех, кто, обладая человечностью, [при этом] ненавидит бесчеловечность. Тот, кто обладает человечностью, не выставляет ее напоказ, [но лишь] того, кто хулит отсутствие человечности, можно считать [подлинно] человечным. Не понуждающий людей поступать без человечности добавляет к собственной личности. [Ведь] есть же возможность однажды приложить усилия к человечности! Я не знаю тех, кому это было бы не под силу. Возможно, такие есть, [но] я их не видел».

[Комментарий Чжу Си]. Великий Учитель¹³ сам говорит, что не видит тех, кто любит человечность и [при этом] ненавидит бесчеловечность. Ведь любящий человечность доподлинно знает, что человечность заслуживает и достойна любви, [ведь], в сущности, [никакие] вещи, существующие в Поднебесной, не могут превзойти ее. Ненавидящий бесчеловечность доподлинно знает, что бесчеловечность заслуживает ненависти, в сущности, поэтому он для

того, чтобы быть Человечным, должен суметь отказаться от бесчеловечных поступков и даже изредка не подпускать к себе бесчеловечность. Это все и приводит к добродетельным поступкам, поэтому с трудом достигается и редко можно [это] увидеть.

Сказано, что хотя любящих человечность и ненавидящих бесчеловечность и нельзя увидеть, однако, возможно, есть люди, которые действительно смогут однажды воодушевленно приложить усилия и стать человечными, поэтому я вновь [скажу, что] не видел людей, которым это было бы не по силам. Ведь если человечность находится [в тебе] самом, [то стоит] лишь пожелать ее и устремления к ней будут достигнуты, [твое] *ци* неизбежно достигнет ее. Поэтому, хотя человечность трудно увидеть, однако достигнуть ее тоже легко.

[Здесь] *гай* (蓋) – вопросительное слово [и означает «почему?», «почему бы не...?»]. А *ю чжи* (有之) говорит о том, что имеются те, кто прилагает усилия, но этих усилий недостаточно. Ведь качество пневмы-*ци* у людей неодинаково, поэтому сомнения также, пожалуй, допускают, что есть те, кто темен и слаб весьма, те, кто хотят продвинуться вперед, но не могут, однако мы не встречаем их. Ведь не решаться идти до конца легко, а все время сетовать на людей означает неготовность приложить усилия [ради] человечности.

В этой главе говорится о возможности обретения добродетели человечности, и хотя это и трудно для людей, но, если тот, кто учится, сумеет приложить свои усилия, то этот принцип также не станет недостижимым. Однако тех, кто прилагает усилия, но не достиг цели, сегодня тоже невидны! Оттого Великий Учитель многократно повторяет и жалеет об этом.

4.7. Учитель сказал: «Людские ошибки могут случиться с каждым в общине-дан. Глядя на ошибки, понимаешь степень человечности каждого».

[Комментарий Чжу Си]. [Здесь] *дан* (黨) означает «группа [людей]». Чэн-цзы сказал: «Людские ошибки могут случиться с каждым в общине. Благородный человек часто ошибается, [пребывая] в важном, а маленький человек ошибается, [пребывая] в мелочах. Благородный человек ошибается, [пребывая] в любви, а маленький человек ошибается, [пребывая] в черствости. Господин Инь¹⁴ сказал: «Здесь “уви-

¹³ Понятием «Великий Учитель» здесь переведен титул *фуцзы* (夫子), который применялся к Конфуцию и, как известно, вошел в западную транслитерацию имени Учителя Куна.

¹⁴ «Господин Инь» – Инь Тунь (1071–1142), сунский политический и общественный деятель, ученик Чэн И.

деть это” означает возможность узнать, обладает тот человечностью, или нет».

Господин У¹⁵ сказал: «У Ю¹⁶, живший во времена Поздней (Восточной) Хань говорил: “Мелкий чиновник полагается [на своих] родственников и близких друзей, [если он], подвергнувшись оговору, покрывает позором свое имя, про то говорят “глядя на ошибки, узнаешь [обладает ли человек] человечностью”, что и имелось в виду!». Я, [неразумный], сопоставляю: здесь речь также идет лишь о том, что, хотя человек и допускает ошибку, однако благодаря этому также можно узнать [о том, что] для этого человека [по-настоящему] важно, а что неважно. Речь не идет о том, что нужно непременно дожидаться совершения им ошибки, после чего можно будет узнать, достойный это человек или нет.

4.8. Учитель сказал: «Утром познав Дао-Путь, вечером можно умереть».

[Комментарий Чжу Си]. Тот, кто следует истинному Дао-Пути, следует принципу естественного [хода] вещей. Если познал истинный Дао-Путь, то живешь благополучно и умираешь спокойно, не возвращаясь к старому и избавляясь от сожалений¹⁷. Утро и вечер, [время между ними летит быстро], поэтому даже и говорят о близости их по времени. Чэн-цзы сказал: «Говорится, что человек не может не знать истинного Пути-Дао, и если познал его, то [даже и] умереть можно». Также сказано: «[Жизнь и смерть –] одинаково истинные принципы, [хотя] понять это человеку и принять это в веру трудно. Жизнь и смерть одинаково велики! Без искреннего желания получить [знание] всего этого разве можно вечером умереть?»

4.9. Учитель сказал: «Человек службы¹⁸ и устремил помыслы к Истине, но при этом стыдится плохой одежды и еды, [еще] не готов к обсуждению».

¹⁵ «Господин У» – по всей вероятности, У Тин (1138–1193), сунский военный деятель.

¹⁶ У Ю (годы жизни неизвестны) – восточноханьский конфуцианец, политический деятель.

¹⁷ В тексте употреблено в расширенном виде известное задолго до Чжу Си высказывание-чэньюй: «сы у и хэнь» (死無遺恨, «умереть, не возвращаясь к старому и избавляясь от сожалений»).

¹⁸ Устаревшее русское слово «служилый», которым обычно переводят понятие *ши* (士), ныне не передает того пафоса служения, который связан с этим понятием у Конфуция. Русское слово «служащий» также для этого не подходит, будучи нагружено другими смысловыми оттенками. Поэтому здесь и далее мы предлагаем новый термин – «человек службы» или «тот, кто служит».

[Комментарий Чжу Си]. Сердце хочет найти истинный Дао-Путь, но то, чем питаешься и что надеваешь¹⁹, даже хуже тех, которых человек [уже] стыдится, и, будучи деликатным по отношению к его простоте и незатейливости, разве стоит говорить с ним о Дао-Пути? Чэн-цзы сказал: «Устремил помыслы к Дао-Пути, но думы за пределами Его, разве стоит [что-то] обсуждать [с таким человеком]?»

4.10. Учитель сказал: «[Ныне] в Поднебесной нет никого, кто соответствует Благородному человеку или был бы на него похож. [Только] живущий должно может с ним сравниться».

[Комментарий Чжу Си]. [Здесь] *ши* (適) означает «единственно главный». В комментарии «Цзочжуань» к летописи «Чуньцю» сказано: «Мне следовать за кем?». *Мо* (莫) означает «не соглашаться, не хотеть». *А би* (比) означает «следовать за...».

Господин Се сказал: «*Ши* (適) означает «достойный», а *мо* (莫) – «недостойный». Нет достойных и нет недостойных, если не ставить Дао-Путь превыше всего, то разве это практически не то же самое, что безумствовать или поступать лишь по своей прихоти? Таковы учения Будды и Лао-цзы, поэтому от себя [они] говорят, что в сердце не поселится то, что может измениться, однако заканчивают бранью Премудрого. Если учение Святого неверно в том, что делать можно, а что нельзя, как могли в нем появляться знающие должно? Если не от сердца Благородного человека, в самом деле, от чего это зависит?»

4.11. Учитель сказал: «Благородный человек носит в сердце силу добра, низкий человек носит в сердце земные помыслы²⁰. Благородный человек носит в сердце строгость [к себе], низкий человек носит в сердце жалость [к себе]».

[Комментарий Чжу Си]. [Здесь] *хуай* (懷) означает «думать, устремляться мыслью к...». *Хуай дэ* (懷德, «думать о силе добра») означает «говорить о существовании неизменно присутствующего ей добра». *Хуай ту* (懷土, «думать о земле») означает «погрязнуть в покое и благополучии». *Хуай син* (懷刑, «думать о наказании») означает «бояться нарушить закон». *Хуай хуэй* (懷惠, «думать о милостях») означает «гнаться за выгодой». Устремления Благородного чело-

¹⁹ Фраза «*коу ти чжи фэн*» (口體之奉) стала чэньюем со значением «то, чем питаешься и что надеваешь».

²⁰ Здесь, как и в чжане 14.37, слово *ди* (地, «земля») употребляется в значении «земное» или «низкое».

века и низкого человека различны, так же [как разница] между общественно-справедливым и лично-пристрастным, только и всего. Господин Инь сказал: «Радуешься добру и ненавидишь зло, поэтому становишься благородным человеком; во что бы то ни стало добиваешься временного спокойствия, становишься низким человеком».

4.12. Учитель сказал: «Встать на путь стяжательства и двигаться по нему [значит] умножать [в государстве] злобу».

[Комментарий Чжу Си]. Господин Кун²¹ сказал: «[Здесь] *фан* (放) означает “следовать, полагаться”. *До юань* (多怨) означает “вызывать много ненависти”». Чэн-цзы сказал: «Желаешь выгоды для себя, непременно навредишь людям, поэтому навлечешь ненависть».

4.13. Учитель сказал: «Можно ли посредством ритуала служить государству? Что, в этом будут [трудности]? Если нельзя посредством ритуала позволить государству восстановиться, то зачем тогда ритуал?»

[Комментарий Чжу Си]. То, что позволяет, – так это подлинность ритуала. Выражение *хэ ю* (何有) употребляют, когда хотят сказать: «Это нетрудно». Когда говорят, что подлинностью ритуала служат государству, то чем это затруднит? В противном же случае, если ритуал и тексты, хотя и имеются в распоряжении, но не могут быть применены, то что же станет со служением государству?

4.14. Учитель сказал: «Не печалься, что у тебя нет должности, печалься, чтоб самому встать на ноги. Не печалься, что неизвестен, стремись стать достойным известности».

[Комментарий Чжу Си]. [Здесь] *со и ли* (所以立) означает «занимаемое место соответствует [способностям] того, кто его занимает». *Кэ чжи* (可知) означает «можно увидеть подлинность ума». Чэн-цзы сказал: «Благородный человек стремится оказаться на своем месте, не более того».

4.15. Учитель сказал: «Шэнь! Моя истина пронизана одним». Цзэн-цзы воскликнул: «О! Как это восхитительно!» Когда Учитель вышел, последователи спросили: «Что это значит?» Цзэн-цзы сказал: «Истина Первоучителя в верности и снисходительности, и только!»

[Комментарий Чжу Си]. Тот, к кому [здесь адресовано] обращение «Шэнь!», – [это ученик Конфуция] по имени Цзэн-цзы, и [само выска-

зывание также] адресовано ему. [Здесь] *гуань* (貫) означает «сквозная связь». Сказанное [Цзэн-цзы] в ответ [короткое] «О!» было произнесено быстро и тем, у кого нет никаких сомнений. То, к чему устремлены помыслы Святого, есть неразделимый и истинный единый принцип, и к тому же широко применимый и многоцелевой, когда каждая часть применима отдельно. Цзэн-цзы по поводу применимости этой общности частей говорит, что хотя они каждая в свое время уже досконально и тщательно рассматривались во всех подробностях и твердо применялись ранее в соответствии с конкретными обстоятельствами, однако не было понято, что они составляют части единого тела. Великий Учитель, осознав это, в течение долгого времени добросовестно накапливал силы и затем постиг, овладел [этой истиной], вот почему окликнул [Цзэн-цзы] и сообщил ему об этом. Цзэн-цзы действительно сумел без слов понять его указания и именно поэтому ответил быстро и без всяких сомнений.

Отдать без остатка всего себя – вот что называют *верностью-чжун* (忠), отказаться от самого себя – вот что называют *снисходительностью-шу* (恕). И только тот, кто именно таков, полностью и без остатка откажется [от себя]. Единый Принцип Великого Учителя неразделим и истинен, широко применим и является многоцелевым, и если бы в границах Вселенной [торжествовала] беззаветная искренность, все существа²² оказались бы в нее погружены. После этого, конечно, не осталось бы [необходимости в каких-либо] правилах и нормах, а также не было бы необходимости отказываться [от чего-либо]. Цзэн-цзы получил представление об этом, но [ему] трудно было выразить это словами, поэтому используют выражение «ученик отдает без остатка всего себя, отказывается от самого себя», чтобы прояснить это, желая, чтобы людям было легко это понять. Ведь тот, кто сумел достигнуть беззаветной искренности, единосущен Дао-Пути, единому корню бесконечного разнообразия [всего сущего]; все существа, погруженные [в искренность], умеют пользоваться [истинным] Дао-Путем, единым корнем бесконечного разнообразия [всего

²² Термин «существо» применительно к у (物) употребляется нами потому, что являет собой удачную «серединность» между собственными значениями «сущее» и «человек». Думается, в данном случае, даже если речь идет скорее о людях, этот термин подчеркивает именно онтологический, а не антропологический их модус. Причем тезис идет с нарастающим онтологичностью человека.

²¹ «Господин Кун» – Кун Аньго (годы жизни неизвестны), ханьский канонист, потомок Конфуция в 11 (по другим сведениям, в 12) поколении.

сущего]. Благодаря пониманию этого, можно увидеть истинность [тезиса] о всеобъемлющей связи [всего сущего]. Некто сказал: «Когда в сердце рождается верность *чжун* (忠), в сердце рождается и снисходительность *шу* (恕)». Это также связывается с чувством *должного-и* (義). Чэн-цзы сказал: «Самому достичь [меры другого]²³ существа – это и есть *человечность*; а отказаться от самого себя и тем самым достичь [меры другого] существа – это и есть *снисходительность-шу*», [это и значит] почти достичь Дао-Пути²⁴, вот что и имелось в виду. Всеобъемлющее единство *верности-чжун* и *снисходительности-шу* [таково]: тот, кто верен, [следует] Дао-Пути Неба, тот, кто снисходителен, [следует] Дао-Пути человека; тот, кто верен, избегает иллюзий, тот, кто снисходителен, [таков] потому что следует *верности*; то, что есть *верность*, – это сущность и форма, то, что есть *снисходительность*, – это свойство и проявление [формы], [вот в чем] основа основ, общий Дао-Путь. Это отличается от незначительного отклонения от Дао-Пути, [нужно] действовать лишь в соответствии с [законами] Неба и ничего более!» Также сказано: «Следовать велениям Неба с бесконечным почтением – это и есть *верность-чжун*; [при] изменении Пути Неба каждый [раз] исправлять природу и судьбу – это и есть *снисходительность-шу*». Также сказано: «Святой учит, что каждый человек [должен действовать] в соответствии со своими способностями и талантами, [он произнес:] «Мой Дао-Путь пронизан одним!», только Цзэн-цзы мог постичь [смысл] этого, потому-то Учитель Кун и сказал это именно ему. Цзэн-цзы сказал [остальным] ученикам: «Дао-Путь Великого Учителя в верности и снисходительности, и только!», и это было как раз то, что имел в виду Учитель, обратившись к Цзэн-цзы. В [трактате] «Чжун юн» сказано: «Верность и снисходительность, [то, что позволяет] почти достичь Дао-Пути», это означает «овладевая знаниями от простого до сложного, достигнешь *должного-и* (義)».

4.16. Учитель сказал: «Благородный человек совершенен в [своем] чувстве должного. Низкий человек совершенен в [своем] стяжательстве».

[Комментарий Чжу Си]. [Здесь] *юй* (喻) означает «уяснить, постичь, усвоить». *И* (義) оз-

²³ Слово «мера» здесь также играет двойную роль: во-первых, достичь уровня другого человека, а во-вторых, поставить себя на его место, достигнув его меры вещей.

²⁴ *Вэй дао бу юань* (違道不遠) – фраза из «Чжун юн» 13.

начает «то, что должно [соответствовать] небесным принципам». *Ли* (利) означает «то, что желает человеческая природа». Чэн-цзы сказал: «Чувство должного есть то, что присуще Благородному человеку, так же как стяжательство есть то, что присуще низкому человеку. Только он глубоко постигает, вот почему его благодать основательна». Господин Ян сказал: «Благородный человек – это тот, кто жертвует жизнью, достигает должного, когда же говорят о выгоде и пользе, это значит, что все желания человека низменнее, чем [желание] жить, а вся низость и подлость низменнее [страха] смерти, который же из двух согласится пожертвовать жизнью ради должного? Поэтому он совершенен в своем чувстве должного, кто не знает стяжательства и не гонится за выгодой, а низкий человек [поступает] противоположно этому».

4.17. Учитель сказал: «Встретишь достойного [разумом] – подумай, как сравняться с ним. Встретишь невежественного – поглубже загляни в себя самого».

[Комментарий Чжу Си]. [Здесь] *сы ци* (思齊) означает «стремиться себе самому приобрести [подобные] положительные качества». А *нэй цзы син* (內自省) означает «опасаться, что и в тебе самом есть [подобные] дурные качества». Господин Ху²⁵ сказал: «Видеть разницу в положительных и отрицательных качествах других людей и при этом не отказываться от анализа своей собственной личности, означает не завидовать понапрасну другим, а быть готовым самому отказать себе, не возлагать понапрасну ответственность на других, а позабыв [о себе], возложить ответственность на себя».

4.18. Учитель сказал: «В делах увещевай Отца и Мать мягко, встретишь непреклонную волю – не иди на поводу, но прояви чуть большее уважение и не противоречь, трудись усердно и не жалуйся».

[Комментарий Чжу Си]. Сказанное в этом чжане по форме и содержанию похоже на то, о чем говорится в главе «Нэй цзэ» («Правила внутри [дома]») трактата «Ли цзи». [Здесь] *ци* (幾) означает «легко, тонко». А *вэй цзянь* (微諫), «мягко увещевать» – это то, о чем говорится: «[Если] Отец и Мать совершили ошибку, смири гнев и говори ласково, кротко и мягко увещевай»²⁶. [Сказанное в чжане:] «Встретишь непреклонную волю – не иди на поводу,

²⁵ «Господин Ху» – Ху Инь (1099–1157), сунский философ-конфуцианец.

²⁶ Цитата из «Правил внутри дома», «Ли цзи» 12.18.

но прояви чуть большее уважение и не противоречь» – это то, о чем говорится: «Увещевай, ненавязчиво, выражай уважение и сыновнюю почтительность, охотно подчиняйся правилам и вновь увещевай». [Сказанное в чжане:] «Трудись усердно, и не жалуйся» – это то, о чем говорится: «Сообщая [им] о том, что они совершили [какой-либо] проступок по отношению [к своим] *волости-сян, общине-дан*²⁷, *округу-чжоу* и *селению-люй*, спокойно, вдумчиво увещевай. Отец и Мать сердятся, не рады, да еще и отстагают до крови, не смей жаловаться на боль, выражай уважение и сыновнюю почтительность».

4.19. Учитель сказал: «Пока Отец и Мать с тобой, не уезжай далеко. А если уезжаешь – обязательно думай о них».

[Комментарий Чжу Си]. [Здесь] *юань ю* (遠遊) означает «уехать от родных далеко и на долгий срок, забывая пожелать родным спокойной ночи, а утром справиться о здоровье, слать весточки нечасто; не тосковать самому по родным беспрестанно и опасаться того, что родные сами думать о мне не позабыли». А «уезжая, обязательно думать о них» [означает]: если сам уведомил, что отправился на восток, то не смей отправляться на запад. Стремись к тому, чтобы родные обязательно знали, где именно ты живешь и не беспокоились по этому поводу, приглашай [их] обязательно приезжать к тебе, не теряй [связей с ними]. Господин Фань²⁸ сказал: «Сын может в качестве образца [своей] личности²⁹ брать личности отца и матери и относиться к ним с сыновьей почтительностью».

4.20. Учитель сказал: «[Тот, кто] три года не изменяет отцовским Правилам, может быть назван почтительным сыном»³⁰.

[Комментарий Чжу Си]. Господин Ху сказал: «Уже встречали это в первой главе, однако при повторении здесь осталась лишь половина того высказывания».

4.21. Учитель сказал: «О годах Отца и Матери нельзя не помнить. Прожит один год. И радость, и страх».

[Комментарий Чжу Си]. [Здесь] *чжи* (知) употреблено в значении «помнить». Часто вспоминать о возрасте Отца и Матери значит

²⁷ Во избежание путаницы с *ли* (里) термин *дан* (黨) мы переводим как община-дан.

²⁸ «Господин Фань» – Фань Чжунъянь (989–1052), сунский конфуцианец, политический деятель, литератор.

²⁹ Дословно – сердца-сознания *синь* (心).

³⁰ Данное высказывание здесь встречается в «Лунь юе» во второй раз. В первый см. 1.11.

радоваться их долголетию, а также бояться, что они начнут стареть, искренне и честно служить родителям в оставшееся им время жизни, если сами они уже не могут позаботиться о себе.

4.22. Учитель сказал: «Древние словами не бросались, стыдясь, что может не хватить возможности [их реализовать]».

[Комментарий Чжу Си]. О древности говорят тогда, когда видят, что современное суть неверное и неестественное. А *дай* (逮) [здесь] означает «быть вровень с...». [Если] действия не вровень со словами, [то это] очень позорно и стыдно. Древние именно потому и не бросали слов на ветер, что [помнили] об этом факте.

Господин Фань говорил: «Благородный человек проявляется в словах, он не может остановиться после того, как обронил слово, [ведь] не сказать трудно, а трудно действовать. Только человек, который не способен на действие, говорит легко. Сказанное [должно] соответствовать тому, что сделано, сделанное [должно] соответствовать тому, что сказано, то есть все, что человек произносит, не должно быть легковесным».

4.23. Учитель сказал: «То, что человек попадает в беду из-за своей сдержанности, бывает редко».

[Комментарий Чжу Си]. Господин Се сказал: «Тот, кто не разнуждан, по-настоящему способен сам контролировать себя, [может быть] назван сдержанным». Господин Инь сказал: «[Если] в любых делах поступаешь сдержанно, то будешь редко ошибаться, а не просто заслужишь имя скромного и сдержанного».

4.24. Учитель сказал: «Благородный человек стремится быть [чуть] неловким в словах, а ум проявлять в поступках»³¹.

[Комментарий Чжу Си]. Господин Се сказал: «[Тот, кто] говорит без стеснения и легко, [должен] намеренно желать быть медлительным в речи; [тот, кому] действовать [энергично] трудно, [должен] намеренно работать над энергичностью». Господин Ху сказал: «Все, начиная от [пятнадцатого *чжана*, где говорится] “Мой Дао-Путь пронизан одним!” и вплоть до этого, [то есть] в десяти *чжанах*, по предположению было записано учениками Цзэн-цзы».

4.25. Учитель сказал: «Добро не бывает одиноким. У него обязательно найдутся соседи».

³¹ Вообще, Конфуция явно привлекают люди, которые мало говорят и стараются говорить своими поступками. Да и сам он вряд ли принадлежал к гениям риторики, стоит вспомнить хотя бы проигранный Конфуцием во время его пребывания в царстве Ци диспут с протолегистом Янь Ином.

[Комментарий Чжу Си]. [Здесь] слово «соседи» означает «близкие». Добро не находится в одиночестве, оно непременно получает отклик со стороны ему подобных. Поэтому у человека, обладающего силой добра, обязательно появятся и идущие за ним последователи, подобно тому, как у живущего в каком-либо месте появляются соседи.

4.26. Цзы Ю сказал: «Служить государю из расчета – это позорно. Дружить из расчета – это достойно презрения».

[Комментарий Чжу Си]. Чэн-цзы сказал: «[Здесь] *шу* (數) означает «весьма в тягость³²». Господин Ху сказал: «Если, служа государю, укрить [его] не способен, то должен уйти; а если, ведя за собою друзей, [близких по духу], добротой одарить их не [можешь], то должен прекратить [эти отношения]. Если же доходит до беспокойства и оскорблений, то [говорят]: “Когда говорящий легковесен, слушателям надоедает [его болтовня]”, поэтому [такой человек] “стремится к уважению, а получает, наоборот, позор, стремится к близости, а получает, наоборот, презрение”». Господин Фань сказал: «Государь и подданные, друзья – все объединены *должным-и* (義), поэтому их деяния совместны».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кобзев А.И. «Великое учение» – конфуцианский канон и неоконфуцианский первоисточник // *Философия китайского неоконфуцианства*. М.: Вост. лит., 2002. С. 483–488.
2. Конончук Д.В. «Лунь юй»: к вопросу о происхождении названия // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2015. № 1. С. 28–33.
3. Кун-цзы байкэ цыдянь (Конфуций. Энциклопедический словарь). Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ, 2010.
4. Чжу Си. Сы шу чжан цзюй цзи чжу (Сводные комментарии к чжанам и [отдельным] фразам Четырех книг). Чанша: Юэлу, 2007.
5. Югай В.Б. Взаимодействие текста и комментария в китайской традиции на примере «Чжун-юн»: дисс. ... канд. филол. н. М., 2004.

³² По-видимому, в биноме 煩數 семантическое удаление комментатор делал именно на «тягостности» 煩.

6. Югай В.Б. Ритмика текста «Чжун юн чжан-цзюй» // *Конфуцианский трактат «Чжун юн»: переводы и исследования*. М.: Вост. лит., 2003. С. 186–209.

7. Brooks, E.B. and Brooks, A.T., 1998. *The original Analects sayings of Confucius and his successors*. New York: Columbia University Press.

8. Yearley, L., 2002. An existentialist reading of book 4 of the Analects. In: Van Norden, B.W. ed., 2002. *Confucius and the Analects*. Oxford: Oxford University Press, pp. 237–275.

REFERENCES

1. Kobzev, A.I., 2002. «Velikoe uchenie» – konfutsianskiy kanon i neokonfutsianskiy pervoistochnik [«Great doctrine» – Confucian canon and neo-Confucian source]. In: Kobzev, A.I., 2002. *Filosofiya kitayskogo neokonfutsianstva*. Moskva: Vostochnaya literature, pp. 483–488. (in Russ.)
2. Kononchuk, D.V., 2015. «Lun' yui»: k voprosu o proiskhozhdenii nazvaniya [«The Analects»: on the issue of the title origin], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 1, pp. 28–33. (in Russ.)
3. 孔子百科辞典 [Confucius: an encyclopedic dictionary]. 上海: 上海辞书出版社, 2010. (in Chinese)
4. 朱熹, 2007. 四書章句集注 [Commentaries on the Four Books]. 长沙: 岳麓. (in Chinese)
5. Yugay, V.B., 2004. Vzaimodeystvie teksta i kommentariya v kitayskoy traditsii na primere «Zhong yong» [Interaction of text and commentary in the Chinese tradition on the example of «Zhong yong»], *dissertatsiya kandidata filologicheskikh nauk*. Moskva. (in Russ.)
6. Yugay, V.B., 2003. Ritmika teksta «Zhong yong» [The rhythm of the text «Zhong yong zhang-ju»]. In: *Konfutsianskiy traktat «Zhong yong zhang-ju»: perevody i issledovaniya*. Moskva: Vostochnaya literatura, pp. 186–209. (in Russ.)
7. Brooks, E.B. and Brooks, A.T., 1998. *The original Analects sayings of Confucius and his successors*. New York: Columbia University Press.
8. Yearley, L., 2002. An existentialist reading of book 4 of the Analects. In: Van Norden, B.W. ed., 2002. *Confucius and the Analects*. Oxford: Oxford University Press, pp. 237–275.

О.Д. Сандомирская*

ОСВЕЩЕНИЕ «ПРОИСШЕСТВИЯ В САКАИ» 1868 г. В ПРЕССЕ ФРАНЦИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

В статье рассматриваются особенности освещения в западной прессе конфликтных ситуаций, возникавших между японцами и иностранцами в первое десятилетие после подписания Ансэйских договоров (1854–1858 гг.). В качестве примера взято вооруженное столкновение между японскими самураями и экипажем французского корабля «Дюплекс» 8 марта 1868 г., известное как «Происшествие в Сакай». Автором проведен анализ этого материала из наиболее репрезентативных по тиражу и целевой аудитории газет Франции («Газета политических и литературных дебатов», «Ля Пресс», «Иллюстрированный мир», «Фигаро»), Великобритании («Таймс», «Гардиан») и США («Нью-Йорк Таймс», «Нью-Йорк Трибьюн»), использовавшихся как один из инструментов колониальной политики стран Запада. Отмечено их единодушие в оценке событий и признании неправоты японской стороны. Выявлены различия в подаче этой новости, касающиеся ее детальности, объективности, места размещения в газетном номере, что позволило показать комплексный характер освещения этого события.

Ключевые слова: колониализм, пресса, Япония, Происшествие в Сакай, Великобритания, Франция, США

The Sakai incident of 1868 and its representation in the French, British and American press. OLGA D. SANDOMIRSKAYA (Lomonosov Moscow State University)

The article dwells upon how Western European and American newspapers covered conflicts between the Japanese and foreigners in the first decade after the signing of the Ansei treaties, 1854–1858. The focus of this research paper is the so-called Sakai incident, which took place March 8, 1868. It was a fight between the samurai of the Tosa province and the French sailors from the corvette «Dupleix». The analysis of the way the most influential and circulated newspapers from France (La Presse, Le Monde illustré, Journal des Débats Politiques et Littéraires, Le Figaro), Great Britain (The Times, The Guardian) and the US (The New York Times, New-York Tribune) reported on this incident demonstrated that they were used as a tool for spreading colonial thinking amongst their readers. They placed the guilt upon the Japanese party and pleaded French sailors' innocence. However, despite unanimously defending the latter, the newspapers differed in accuracy and detail in covering the Sakai incident.

Keywords: colonialism, newspapers, Sakai incident, Great Britain, France, the USA

* САНДОМИРСКАЯ Ольга Дмитриевна, аспирант кафедры регионоведения факультета иностранных языков и регионоведения Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

E-mail: sandomirskaya.olga@gmail.com

© Сандомирская О.Д., 2018

В XIX в. западная пресса, сообщая новости из Японии, основывала свои материалы на скудных фактах, полученных еще, например, от Э. Кемпфера и св. Франциска Ксаверия. Это объясняется японской политикой самоизоляции страны – *сакоку*, проводившейся сегунами и их правительствами [1]. Эта политика действовала в период 1641–1854 гг. и официально запрещала любые контакты с внешним миром.

Визиты в Японию американского командора М. Перри (1794–1858), а затем русского адмирала Е.В. Путятина (1803–1883) и британца Дж. Стирлинга (1791–1865) вынудили Японию прервать самоизоляцию. Последовал ряд договоров о мире и торговле между Японией и США (1854 г.), Россией (1855 г.) и Великобританией (1855 г.). Затем в 1858 г. были подписаны кабальные для Японии Ансэйские договоры, к которым помимо вышеуказанных стран присоединились Франция и Голландия, а в 1861 г. – Пруссия.

Несмотря на тот факт, что Россия, Великобритания, США, Франция и Голландия практически одновременно предприняли действия в направлении освоения нового для себя региона, довольно быстро ведущую роль заняли три страны – США, Великобритания и Франция. Официальные представители этих держав вели наиболее активную политику в Японии, не только непосредственно вмешиваясь во внутриполитические конфликты, но и осознанно провоцируя их, по-разному используя разногласия японских феодалов, например, для получения наиболее выгодных условий пребывания своих резидентов в стране, а также уменьшения таможенных пошлин на ввозимые товары. Столь энергичная и решительная политика стран не могла не принести своих плодов, поэтому вскоре привлекала внимание национальной прессы, в вопросах внешней политики традиционно предпочитавшей сообщать об успехах своих дипломатов. Таким образом, в статье будут рассмотрены материалы прессы Великобритании, США и Франции, как наиболее заинтересованных в «открытии» Японии западных стран.

Исследование материалов периодической печати, посвященных этим событиям, представляется интересным, в связи с тем, что они предназначались не только для просвещения читателей [12, р. 66–67], но и для формирования у них положительного отношения к колониальной экспансии за счет противопоставления «развитой» западной цивилизации восточному «варварству». Примером подобной истории,

которая была использована западной прессой именно для этих целей, является «Происшествие в городе Сакаи», случившееся 8 марта 1868 г. (по григорианскому календарю).

Город-порт Сакаи расположен на юго-западе острова Хонсю на побережье Осацкого залива. В XIX в. он играл важную роль в торговле с Китаем и Индией, однако из-за политики самоизоляции страны, инициированной сегуном Токугавой Иэмицу (1604–1651), оставался закрытым для европейцев и американцев даже после подписания Ансэйских договоров в период 1854–1858 гг. Инцидент произошел в период гражданской войны Босин (1868–1869) между сторонниками сегуна Токугавы Есинобы (1837–1913), терявшими власть, и сторонниками императора Мейдзи (1852–1912), увеличившими свое влияние. При этом европейцы, изначально заключившие договоры с сегуном, после его поражения начали активнее поддерживать императора.

Долгое время иностранцы успешно лавировали между представителями сегуна и императора, ориентируясь в своем выборе на то, кто имел большее влияние в том или ином княжестве, или кто предлагал более выгодное сотрудничество. С 1868 г. иностранцы, в связи с ростом влияния императора и его фактической победой в гражданской войне, все больше склонялись к его поддержке. В то же время и сам японский император сменил курс с «изгнания варваров» на сотрудничество с ними. Тем не менее, в японском обществе все еще остро ощущалось напряжение, сопровождавшееся подъемом национального духа. Значительное влияние имело политическое движение Сонно Дзеи («Да здравствует император! Долой варваров!»), поддерживавшее императора, выступавшее за изгнание иностранцев и, соответственно, настроенное против сегуна [12].

Шлюп с французского корвета «Дюплекс» направлялся 8 марта 1868 г. в порт Сакаи, чтобы взять на борт капитана Руа и вице-консула Вийо, а по другой версии – ради разведки. Долгое время Сакаи находился под влиянием сегуна, но в данный момент уже был занят силами императора. Самураи княжества Тоса, уверенные в том, что порт закрыт для иностранцев, атаковали шлюп, в результате чего погибли 11 французских моряков [13].

Представительства западных стран – Великобритании, США, Голландии и др. – проявили общую солидарность и приспустили флаги в знак траура. Они поддержали требования фран-

цузского посла Л. Роша (1809–1901) выплатить компенсацию (150 тыс. долларов) и казнить виновных. Японская сторона поручила вести переговоры чиновнику японского министерства иностранных дел, Годая Томоатсу (1836–1885), известному своими прозападными взглядами [3]. Впоследствии, вспоминая об этих событиях, Томоатсу отмечал, что поведение французов, мародерствовавших, проявлявших неуважение по отношению к японским женщинам и детям, палящих из пистолета, вызывало ужас у местных жителей и закономерно настраивало самураев против них [3, р. 70–71]. Однако, понимая угрозу военного конфликта, японское правительство и Томоатсу согласились на все предъявленные Западом требования, прося лишь о замене декапитации обрядом сэппуку (харакири, ритуальное самоубийство методом вспарывания живота), чтобы восстановить честь рода виновных самураев [3, р. 72].

На церемонии казни 16 марта в храме Мекокудзи в Сакаи присутствовали европейцы и американцы, в том числе закаленный во время осады Севастополя 1854–1855 гг. капитан «Дюплекса» А.-Н. Б. Дюпети-Туар (1832–1890). После ритуальной трапезы и положенных обрядов лидер приговоренных самураев Тоса, Миноура Мотоаки, объявил, что он умирает за честь своей страны, обозвал французов «трусами» и, вспоров себе живот, попытался бросить в их сторону свои внутренности [3, р. 73]. Вслед за ним казнь приняли еще десять человек, что соответствовало числу погибших французов. Затем Дюпети-Туар попросил помиловать остальных девяти приговоренных. При этом задачей Томоатсу было объяснить иностранцам, что выбранный способ казни считался почетным, а японцам – что французская сторона удовлетворена и не желает смерти оставшихся осужденных. Это ему удалось, и остальные девять самураев были помилованы [3, р. 73–74].

Исследователи данного происшествия отмечают его роль в смене характера отношений стран Запада с Японией. У.Д. Хувер подчеркивал неоднозначный характер этих событий, поскольку в японских договорах с иностранцами от 1858 г. порт Сакаи не упоминался, но его местонахождение в окрестностях Осаки, которая была открыта для иностранцев, давало им повод считать его таковым [3, р. 67]. Э. Робинсон-Ямагучи сопоставила этот случай с другими происшествиями, включавшими убийство или оскорбление иностранцев в Японии, такими как инциденты в Намамуги 14 сентября

1862 г., в Кобе 4 февраля 1868 г. и в Навате 23 марта 1868 г. По ее мнению, возникновение этих конфликтных ситуаций на фоне борьбы за власть между сегуном и императором были использованы последним для утверждения своей власти с помощью Запада. А публичное наказание виновных самураев было одновременно и акцией устрашения его подданных, и уступкой странам Запада, демонстрировавшей его отказ от военной конфронтации с ними [12, р. 72–76]. Таким образом, трагическое происшествие в Сакаи, которое в равной степени потрясло всех его участников и свидетелей, в конечном счете оказалось выгодно западным странам, так как благоприятным образом отразилось на положении их представителей в Японии, значительно упрочив его.

В связи с этим, западные газеты не могли оставить без внимания эти события, особую пикантность которым придавал восточный колорит. Для анализа в данной статье были выбраны материалы ежедневных газет: британских «Таймс» и «Гардиан», американских «Нью-Йорк Таймс» и «Нью-Йорк Трибюн», французских «Ля Пресс», «Фигаро». Были также проанализированы публикации в «Журналь де деба политик э литерэр» (далее – «Газета политических и литературных дебатов») и «Ле монд иллюстре» (далее – «Иллюстрированный мир»), которые выходили два и четыре раза в месяц соответственно. Выбор данных изданий обусловлен, прежде всего, их массовостью. Кроме того, в ходе исследования была сделана попытка охватить газеты, придерживающиеся различных политических взглядов.

Подготовка газетных публикаций велась, в основном, на основании свидетельств очевидцев описываемых событий. К середине XIX в. появились первые информационные агентства: в 1835 г. «Гавас» во Франции; в 1846 г. «Ассошиэтед Пресс» в США; в 1848 г. «Вольф» в Берлине; в 1851 г. «Рейтерс» в Лондоне, что облегчало передачу информации из Азии в Европу и США. В то же время почтовое сообщение продолжало широко использоваться наряду с телеграфом. Сбор информации для газет вели далеко не всегда профессиональные журналисты, которых в рассматриваемый период вообще было немного, но люди самого разного рода занятий, находившиеся в Азии, такие как члены команд судов, служащие дипломатического корпуса, военные, купцы, предприниматели и миссионеры. Написанные ими заметки и материалы зачастую либо вообще не содер-

жали имени автора, либо только его инициалы. Из всех рассмотренных нами изданий в этом отношении выделялась только «Газета политических и литературных дебатов», где большинство публикаций о Японии были подписаны именем автора.

В первую очередь, интересна реакция французской прессы. «Газета политических и литературных дебатов» сообщала о репарациях и наказании, которое понесли виновные, при этом способ казни не уточнялся [4, р. 1]. «Фигаро» рассказывала о зачислении одного из членов команды «Дюплекса», старшего механика Э.Ж. Дюреля (1842–1895) в Орден почетного легиона за проявленное мужество, за чем последовало его повышение до старшины второй статьи [7, р. 2]. «Ля Пресс», ссылаясь на франкоязычную флорентийскую газету «Корреспонденсе итаьен», назвала случившееся резней и, не приводя никаких деталей произошедшего, проинформировала своих читателей только о том, что велись переговоры о компенсации, которую должна была выплатить Япония [5, р. 2]. После ее получения, в конце июля 1869 г. в региональной газете «Л'электер дю Финистер» было опубликовано подробное письмо адмира-

ла Ш. Риго де Женувийи, определявшее размер выплат семьям погибших и пострадавших, по большей части живших в Бресте. На эти нужды были определены 500 тыс. франков, то есть более половины от общей суммы компенсации, составлявшей 818 тыс. франков [9, р. 2]. «Ля Пресс» не преминула сообщить и об этом, но без деталей [6, р. 2].

Из всех французских изданий наиболее подробное описание происшествия в Сакаи опубликовала газета «Иллюстрированный мир» 13 июня 1868 г. [8, р. 374–375]. Автором репортажа и иллюстрации к нему был командир батареи Ж. Брюне (рис. 1). На гравюре французские моряки изображены практически безоружными: из шестнадцати пистолетов есть в руках только у одного, который героически пытается противостоять нескольким десяткам вооруженных ружьями и мечами японцев. Остальные моряки изображены закрывающимися руками, спасающимися бегством, поддерживающими раненых товарищей. О количестве атакующих японцев можно судить по числу оружейных штыков, выглядывающих из клубов порохового дыма. Кроме того, видны безмятежно прогуливающиеся местные жители, никак не реагирующие на происходящее.

Рис. 1. Ж. Брюне «Убийство французских моряков японцами». Источник: Le Monde illustré, 13 июня 1868 г.

В Великобритании сакайские события также вызвали резонанс. Парламент счел их серьезным происшествием и потребовал отчет о них у министра иностранных дел Э.Г. Стэнли [11]. В либеральной «Таймс» трагедия, случившаяся с французскими моряками, не была расценена как заслуживающая первой полосы, но в то же время была охарактеризована как «резня». Подчеркивая благородство Дюпети-Туара, шанхайский корреспондент «Таймс» заявлял, что атака носила спланированный характер, но не приводил никаких подробностей этого происшествия [18, р. 9].

Кроме того, данная новость не осталась без внимания и региональной британской прессы, хотя также не была размещена на первой полосе. Популярная на севере Англии «Гардиан» охарактеризовала события в Сакай как акт непонятной и ничем не обоснованной японской агрессии [15, р. 4, 7]. Смакуя подробности гибели французских моряков, «Гардиан», тем не менее, опустила описание казни японцев, кроме упоминания о просьбе Дюпети-Туара остановить ее [14, р. 5].

Американская пресса предложила своим читателям детализированное описание происшествия в Сакай. Точно указывая местоположение происшествия, «Нью-Йорк Таймс» полагала, что оно не было спонтанным актом агрессии, а являлось логичным продолжением подобного случая, произошедшего ранее в Кобе. Она воодушевленно рассказывала, как Дюпети-Туар призвал Бога в свидетели случившегося и просил его о справедливом наказании для виновных на церемонии похорон погибших [17, р. 8]. «Нью-Йорк Трибьюн» сообщала дополнительные подробности, называя читателям имя японского командующего, Таки Дзэндзабуро, отдавшего приказ стрелять по французским матросам, и приводила его последние слова, несомненно, выдуманные. Согласно «Трибьюн», он признавал суд над собой справедливым и советовал японцам впредь относиться к иностранцам с большим почтением [10, р. 5]. Отметим, что обе эти газеты также разъясняли своим читателям значение обряда харакири.

Характерно, что и французские, и американские газеты в данный период уже упоминали имена некоторых японских правителей и дипломатов, точно указывали географические реалии Японии, свободно, без объяснения, лишь иногда выделяя их курсивом, использовали термины даймэ и самурай, тогда как британские издания заменяли их на «князь» и «солдаты»,

употребляя из японских слов только «микадо» и «сегун». Название «Сакай» появилось только в поздних материалах об этом происшествии [16, р. 5].

Таким образом, освещение происшествия в Сакай имело следующие характерные черты. Для всех вышеперечисленных изданий, за исключением французской «Газеты политических и литературных дебатов», это событие не являлось новостью, достойной первой полосы или хотя бы первой страницы. Это объясняется тем, что новости из Японии не рассматривались как приоритетные, за исключением тех случаев, когда требовалось рапортовать об успехах (например, о подписании новых выгодных для Запада договоров). Кроме того, поскольку с 1867 г. и французские, и британские военные официально были допущены обучать японцев западному военному искусству, происшествия наподобие сакайского могли вызвать негативную реакцию у общественности этих стран Запада. Поэтому, предлагая своим читателям описание произошедшего, рассмотренные газеты Франции и Великобритании успокаивали их обещаниями японской стороны возместить убытки, выплатить компенсации, наказать виновных. В то же время американские издания в большей степени были готовы развлечь свою аудиторию красочным описанием быта и нравов японцев, включая сенсационные события, такие как казни. Несмотря на некоторую симпатию к осужденным японцам и романтизацию акта казни, проскальзывающую в статье «Нью-Йорк Таймс», можно говорить об общей солидарности западных газет в отношении справедливости требований французов, а значит и о представлении Японии как нецивилизованной страны, не соблюдавшей международные соглашения, что оправдывало применение против нее военной силы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гамалей М.С. Влияние социально-политических факторов на становление системы ценностей самурайского сословия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2012. № 3. С. 6–23.
2. Лихарев Д.В. Британское адмиралтейство и инструменты влияния на общественное мнение в 1880–1890-х гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 1. С. 66–71.
3. Hoover, W.D., 1975. Crisis resolution in early Meiji diplomatic relations: the role of Godai

Tomoatsu. *Journal of Asian History*, Vol. 9, no. 1, pp. 57–81.

4. *Journal des débats politiques et littéraires*, 1868, 20 mai, p. 1.

5. *La Presse*, 1868, 4 décembre, p. 2.

6. *La Presse*, 1869, 13 août, p. 2.

7. *Le Figaro*, 1868, 11 mai, p. 2.

8. *Le Monde illustré*, 1868, 13 juin, pp. 374–375.

9. *L'Électeur du Finistère: journal des intérêts départementaux et locaux*, 1869, 4 août, p. 2.

10. *New-York Tribune*, 1868, May 19, p. 5.

11. *Outrages in Japan // House of Commons sitting of 26 May 1868* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1868/may/26/question-1>

12. Robinson-Yamaguchi, E., 2015. Expelling the barbarian and the last stand: examining the newly established Meiji government's reaction to foreign pressure and national strife in 1868. *The Journal of the Faculty of Foreign Studies, Aichi Prefectural University*, no. 47, pp. 47–81.

13. Terasako, M., 2007. *Lecture franco-japonaise de trois écrits sur l'Incident de Sakai, banlieue sud d'Osaka, en 1868 (point de vue japonais)*. In: Mayaux, C. ed., 2007. *France-Japon: Regards croisés, échanges littéraires et mutations culturelles*. Bern: Peter Lang, pp. 17–34.

14. *The Guardian*, 1868, May 19, p. 5.

15. *The Guardian*, 1868, May 5, pp. 4, 7.

16. *The New York Times*, 1868, June 4, p. 5.

17. *The New York Times*, 1868, May 18, p. 8.

18. *The Times*, 1868, April 24, p. 9.

REFERENCES

1. Gamaley, M.S., 2012. Vliyanie sotsial'no-politicheskikh faktorov na stanovlenie sistemy tsennosti samuraiskogo sosloviya [The influence of socio-political factors on the formation of Samurai values], *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Vseobshchaya istoriya*, no. 3, pp. 6–23. (in Russ.)

2. Likharev, D.V., 2013. Britanskoe admiralteistvo i instrumenty vliyaniya na

obshchestvennoe mnenie v 1880–1890-kh gg. [British Admiralty and the tools of influence on public opinion in 1880–1890], *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, no. 1, pp. 66–71. (in Russ.)

3. Hoover, W.D., 1975. Crisis resolution in early Meiji diplomatic relations: the role of Godai Tomoatsu. *Journal of Asian History*, Vol. 9, no. 1, pp. 57–81.

4. *Journal des débats politiques et littéraires*, 1868, 20 mai, p. 1. (in French)

5. *La Presse*, 1868, 4 décembre, p. 2. (in French)

6. *La Presse*, 1869, 13 août, p. 2. (in French)

7. *Le Figaro*, 1868, 11 mai, p. 2. (in French)

8. *Le Monde illustré*, 1868, 13 juin, pp. 374–375. (in French)

9. *L'Électeur du Finistère: journal des intérêts départementaux et locaux*, 1869, 4 août, p. 2. (in French)

10. *New-York Tribune*, 1868, May 19, p. 5.

11. *Outrages in Japan. House of Commons sitting of 26 May 1868*. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1868/may/26/question-1>

12. Robinson-Yamaguchi, E., 2015. Expelling the barbarian and the last stand: examining the newly established Meiji government's reaction to foreign pressure and national strife in 1868. *The Journal of the Faculty of Foreign Studies, Aichi Prefectural University*, no. 47, pp. 47–81.

13. Terasako, M., 2007. *Lecture franco-japonaise de trois écrits sur l'Incident de Sakai, banlieue sud d'Osaka, en 1868 (point de vue japonais) [Franco-Japanese reading of three writings on the Incident of Sakai, southern suburbs of Osaka, in 1868 (Japanese point of view)]*. In: Mayaux, C. ed., 2007. *France-Japon: Regards croisés, échanges littéraires et mutations culturelles*. Bern: Peter Lang, pp. 17–34. (in French)

14. *The Guardian*, 1868, May 19, p. 5.

15. *The Guardian*, 1868, May 5, pp. 4, 7.

16. *The New York Times*, 1868, June 4, p. 5.

17. *The New York Times*, 1868, May 18, p. 8.

18. *The Times*, 1868, April 24, p. 9.

С. Ч. Лим, С. А. Шестопап*

ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ
В ДОКОЛОНИАЛЬНОЙ КОРЕЕ (1883–1910 гг.)

В статье рассматривается процесс модернизации образования в Корее в короткий период независимости (1883–1910 гг.). В условиях надвигающегося захвата страны империалистической Японией, социальных потрясений и яростного сопротивления консервативных сил правительство Коджона и «новая» интеллигенция с помощью иностранных миссионеров пытались создать систему народного образования, которая подготовила бы людей, готовых к проведению прогрессивных преобразований в стране. Авторы приходят к выводу, что влияние частных лиц, реформаторов-энтузиастов и иностранных христианских миссий на развитие корейской системы образования в указанный период было более значительным, нежели влияние государства.

Ключевые слова: Корея, история образования, система народного образования, реформы, протестантизм, миссионеры, вестернизация

Modernization of Korean educational system in pre-colonial years, 1883–1910. SOFYA Ch. LIM, SOFYA A. SHESTOPAL (Far Eastern Federal University)

The article examines the process of modernization of Korean educational system during a short period of the country's independence (1883–1910). The government of Gojong and the «new» intelligentsia hoped that the creation of public education system, especially compulsory primary education, with the help of foreign Christian missions would create necessary conditions for carrying out progressive reforms in the country. The authors conclude that the impact of the government on the development of Korean educational system was lower than that of the individuals, enthusiast reformers, and foreign Christian missions.

Keywords: Korea, history of education, public education system, reforms, Protestantism, missionaries, westernization

Государство Чосон, сотрясаемое в 1869–1872 гг. рядом антиправительственных выступлений низов, во второй половине XIX в. упрямо вело политику изоляционизма. Правящие круги не принимали японский путь «радикальной европеизации и индустриализации»,

считая, что «варваризованный сосед» не может представлять для них какую-либо угрозу. Но очень скоро, в 1876 г., режим Коджона уступил давлению Японии и, согласившись на подписание кабального Канхваского договора, открыл страну для проникновения японского, а затем и

* ЛИМ Софья Чуноновна, доктор исторических наук, профессор Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: lim.sch@dvfu.ru

ШЕСТОПАЛ Софья Андреевна, аспирант Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: shestopal_sa@students.dvfu.ru

© Лим С.Ч., Шестопап С.А., 2018

западного капитала. В 1877 г. в Пусане появилась начальная школа для детей японцев – как продолжение политики создания Великой Японии, включающей Корею [14, р. 224]. «Обстановка хронического социально-политического кризиса, болезненное понимание того, насколько отстала Корея – в терминах современной государственности, экономики, военного дела – от Запада и Японии, приводили представителей “новой” интеллигенции к мысли о необходимости догнать развитые страны через “пересадку” на корейскую почву общественных институтов западных стран, типичного для них националистического мировоззрения... прежде всего, через распространение образования...» [1, с. 485].

Традиционное просвещение на Корейском полуострове стало вводиться с 1392 г., когда династия Чосон приняла и адаптировала китайское конфуцианство как официальную религию, а вместе с ней китайскую литературу и письменность, что привело к расцвету науки и культуры. В 1443 г., в правление короля Седжона (1418–1450 гг.), был создан корейский алфавит *хангыль*, доступный простым людям, но еще нескольких столетий в официальных бумагах использовалось китайское письмо (*ханмун*, *ханча*) [5, р. 9]. В тот период в частных школах (*содан*) обучали арифметике, чтению и письму, а также этике на основе китайской классики. Власти Чосон указывали, что школы должны открываться как в больших городах, так и в деревнях, при этом всю инициативу в создании и материальной поддержке школ брали на себя общины или грамотные состоятельные люди, что поощрялось и конфуцианством [3, р. 267; 5, р. 65–66]. В XV–XIX вв. статус нобилитета определялся степенью учености, получаемой в *совонах* – конфуцианских академиях для представителей правящего сословия (*янбан*). Квалификации представителей высшего класса, гражданских и военных чиновников определялись экзаменационными испытаниями во дворце короля [6, р. 1099].

В контексте быстрых изменений, происшедших в экономической, социальной и политической жизни Кореи в конце XVII–XVIII вв., в обществе набирает силу течение *сирхак* («реальные науки»), акцентирующее внимание на практическом содержании образования. Его идеологи и последователи считали изучение агротехники, естественных наук, географии необходимым для развития ремесел и торговли, производства новых предметов «заморского» типа. Они пытались переосмыслить историю страны в свете новых сведений о мире, призыва-

ли отказаться от изучения только «абстрактной» конфуцианской классики и настаивали на введении в школьную программу уроков арифметики, географии, родной истории [1, с. 358–363].

Короткий период самостоятельных реформ Кореи в области создания современной системы образования (1883–1910 гг.) можно условно разделить на три этапа, которые определялись главным образом внешнеполитической ситуацией вокруг Корейского полуострова. Первый этап (1883–1895 гг.) характеризуется попытками корейской «новой» интеллигенции вместе с западными миссионерами провести радикальные преобразования в стране, создать систему современного образования. Второй этап (1895–1905 гг.) начинается после поражения Китая в японо-китайской войне 1894–1895 гг., положившего конец вассальной зависимости Кореи от Цинской империи. Корейское государство в этот период пытается провести модернизацию образования с помощью Запада. Третий этап (1905–1910 гг.) определяется установлением протектората Японии после ее победы в Русско-японской войне 1904–1905 гг. и характеризуется постепенным подчинением корейского образования японскому влиянию. Данный этап завершается аннексией Кореи Японией в 1910 г.

Южнокорейские ученые выделяют два этапа модернизации образования в Корею: 1894–1905 гг. – попытки создать современную систему образования, их связь с реформой Кабо (1894 г.), и 1905–1910 гг. – деятельность реформаторов и иностранных миссионеров в условиях японского протектората [12, р. 39]. Есть еще один вариант – определять начало новой образовательной политики в Корею 1876 г. [9].

Мы отмечаем трех основных участников процесса создания современных корейских образовательных учреждений в 1883–1910 гг. (в порядке значимости и активности практических действий): 1. Корейские частные патриотические инициативы; 2. Иностранные миссии (причем корейские патриоты часто объединялись с христианскими миссиями при создании частных школ); 3. Государство. Следует подчеркнуть, что в данной статье мы рассматриваем деятельность корейских и миссионерских частных школ в период с 1883 г. (открытие школы в Вонсан) и до 1910 г. (аннексия Кореи Японией). История государственной политики создания современной системы народного образования более коротка – 1895–1906 гг. (действия корейского государства контролировались Цинским Китаем до 1895 г. и ограничивались со стороны Японии начиная с 1906 г.)

Частные корейские школы в 1883–1910 гг.

В 1883–1895 гг. в Корее проводились первые меры по созданию новых школ, подтвержденные реформой Кабо 1894 г., которая была направлена на развитие социально-экономической и политической системы по капиталистическому пути и на установление системы народного образования, включающей начальную, среднюю и высшую ступени. Это был период образовательного ажиотажа у населения, появления частных учебных заведений [12, р. 47].

Частные усилия корейцев воплощались представителями «новой» интеллигенции, считавших, что необходимо проводить «патриотическое просвещение» народа и что «образование спасет нацию». Среди самых активных участников просветительского движения в Сеуле были члены общества Daehan Jaganghoe¹ («Корейское общество саморазвития»), которое призывало создать национальную систему образования. Другое общество, Shinminhoe («Ассоциация новых граждан»), старалось создать сеть школ в различных провинциях с целью пробуждения нации. Эти школы были относительно небольшими, а школьные программы представляли собой сочетание старых и современных элементов [3, р. 268; 5, р. 10–11].

Посредством открытия частных школ западники стремились реализовать идею необходимости изменений в Корее: во-первых, разрушить сословную иерархию и сформировать современное государство; во-вторых, познакомить корейскую общественность с научными и культурными достижениями Запада; в-третьих, создать общеобразовательные учреждения.

Реформаторы считали, что для скорейшего просвещения народа необходимо использовать корейскую письменность хангыль, в то время как защитники традиций полагали, что гарантированным условием доступа к знаниям является ханмун – китайское письмо. Противники китайского письма подчеркивали, что оно трудно для освоения представителями низших сословий, считали его иностранным элементом, не соответствовавшим грамматике и синтаксису корейского языка. Они выступали против того, чтобы официальные документы писались исключительно на ханмун. В условиях образовательного ажиотажа среди корейцев на рубеже

XIX–XX вв. и их стремления к возрождению национальной идентичности китайское письмо, господствовавшее несколько столетий, вышло из употребления довольно скоро, в течение жизни одного поколения. Если в начале 1890-х гг. попытки упразднения ханмуна и введения хангыля встречали насмешки, то уже к первому десятилетию XX в. фонетическое письмо стало господствовать в современном просвещении и литературе корейской нации, и в годы японского колониального правления корейский язык стал основным языком публикаций [7, р. 20–23, 42–43].

В 1883 г. была учреждена частная академия в Вонсане – портовом городе восточного побережья, ставшем японским селтльментом по торговому договору 1880 г. Местная элита понимала, что для успешной конкуренции с японскими купцами необходимы люди с современными знаниями, и профинансировала открытие училища западного образца с начальной и средней ступенями обучения для их подготовки. В первый год было принято около 250 человек [9, р. 33–34]. В программе обучения китайская классика комбинировалась с такими новыми предметами, как математика, физика, механика, агрокультура, шелководство, горное дело, право и география. Это была попытка реализовать идею встраивания модернистских идей в традиционную основу [3, р. 268].

Усилиями преобразователей, в том числе из окружения короля Коджона, открывались школы среднего и высшего уровней. В 1895 г. высокопоставленный чиновник Мин Юнхван учредил частную школу Heunghwa, где преподавали английский и японский языки, а также землемерное дело. В 1905 г. при участии казначея двора Ли Йонг’ик был организован колледж Посон, который возглавлял Син Хэюн, будущий участник борьбы за независимость Кореи [3, р. 268].

Новые школы чаще всего были вечерними, а по содержанию учебных дисциплин – общеобразовательными с углубленным изучением агрономии. Учителя старались воспитывать в учащихся чувство национальной гордости, поэтому в период японского протектората частные школы находились под пристальным наблюдением колониальных властей.

С установлением японского протектората в Корее просветительское движение, нашедшее выражение в публикационной и академической активности, еще острее осознало необходимость просвещения народных масс. Ан Чанхо,

¹ Здесь и далее, во избежание разночтений, мы вынуждены оставить в тексте написание латиницей тех корейских названий, которые в российской литературе еще не использовались.

который еще в 1899 г. впервые учредил школу совместного обучения в провинции Пхенан, в 1907 г., вернувшись из США после учебы, выдвинул идею о том, что только всеобщее образование народа сможет подготовить условия возвращения корейского суверенитета. С этой целью он открыл школу Daeseong в Пхеньяне. Его идею поддержали представители интеллигенции и христиан, которые не желали вооруженного сопротивления японцам, в итоге было организовано около 5 000 частных школ. Патриоты также организовывали в Маньчжурии и Владивостоке школы для тех, кто был вынужден бежать за пределы страны [9, р. 44–45].

Япония постаралась ограничить открытие новых частных школ, издав указ «О частных школах» в 1908 г., который, кроме всего прочего, регулировал стандарт учебников, допустимых к использованию в частных школах. Из них должна была быть исключена идея самостоятельности Кореи. Кроме того, японские власти старались трансформировать эти школы в государственные, взяв их под свою финансовую опеку и тем самым установив над ними контроль [6, р. 1106–1107]. К этому времени число школ составляло уже 5 000, включая 100 школ в Сеуле, с числом обучающихся около 200 000 чел.

Тот факт, что в 1907–1908 гг. число школ в Корее резко увеличилось, говорит о том, что частный образовательный сектор отреагировал на стремление народа к независимости. В период протектората власти Японии разрешили деятельность только 2250 школам, включая 823 религиозные, 1402 различного типа, 16 общих, 2 высшие и 7 профессиональных. Стараясь контролировать образование корейцев, они посылали японских учителей не только в публичные, но и в частные школы [9, р. 46].

Несмотря на масштабность предпринятых мер по открытию новых школ, частные инициативы корейцев, конечно, не могли создать систему народного образования. Эту задачу, как показывал и опыт Японии, могло решить только государство. Тем не менее, частная просветительская деятельность сумела сформировать определенный слой современной интеллигенции – будущих корейских патриотов.

Миссионерские учебные заведения в 1884–1910 гг.

Значительный вклад в развитие частного корейского образования западного типа внесли иностранцы, в первую очередь – миссионеры протестантских организаций США, Канады, Англии.

В сравнении с протестантами католики были меньше вовлечены в образовательную деятельность в Корее. Известно только о работе католической школы в Сеуле с 1855 г. [3, р. 269]. Протестантизм американцев подходил практически корейским реформаторам больше.

На фоне закабаления европейцами Китая христиане воспринимались как враги, особенно с позиции правящей верхушки династии Чосон, не желавшей кардинальных изменений в стране. Однако позднее, в условиях борьбы великих держав за преобладание на Дальнем Востоке, правительство Кореи пошло на сближение с Западом [2, р. 1, 34]. В 1886 г. король Коджон подписал франко-корейский договор, уступив требованиям Франции о религиозной свободе [3, р. 268]. При этом корейское правительство сопротивлялось привнесению в страну параллельно с современными технологиями западных социальных и политических идей. Иностранцам было категорически отказано в праве крещения корейцев и позволено заниматься только образовательной и медицинской деятельностью [4, р. 75–78].

Первые протестантские миссионеры появились на Корейском полуострове в 1883 г. Стараясь обрести независимость от консервативного Китая, Сеул принял «неполитическую» помощь США и Европы в модернизации образования, здравоохранения и т. д. [1, с. 420]. Ранее, в 1881 г., правительство послало молодых корейцев учиться за границей, а весной 1885 г. король Коджон обратился к США с просьбой прислать специалистов для организации школы [2, р. 64].

Если католики при христианизации Кореи ориентировались на высшие слои корейского общества без учета традиций страны, то протестанты считали необходимым трансформировать традиционную иерархическую структуру корейского общества посредством просвещения и выделения новых лидеров из наиболее бесправных слоев: бедных, сирот и женщин. Существенную роль они отводили использованию корейского языка на занятиях и при изучении Библии. Кроме того, протестанты учитывали, что корейская молодежь видела в миссионерских школах возможность получить «западное» образование без удовлетворения религиозных амбиций христианских организаций. Исходя из этого, протестантским миссиям пришлось развивать центры образования западного типа [4, р. 75–78, 97].

В 1885 г. миссионер Г. Аппенцеллер в Сеуле открыл первый американский колледж, в

который поступили шестеро студентов, ставших впоследствии специалистами телеграфных станций. В 1887 г. король Коджон дал училищу название Пэджэ хактан («училище, воспитывающее таланты»), в 1895 г. там же была открыта высшая школа Пэджэ с 275 студентами. С 1902 г. обучение в Пэджэ хактан стало семилетним, преподавание велось в основном на корейском языке, а специальные курсы – на английском. В 1904 г. в училище поступило 23 человека, а в 1926 г. там было уже 800 студентов и 27 преподавателей [2, р. 66, 113–114; 8, р. 63–64].

С западной медициной Корея познакомилась в 1885 г., когда американский миссионер Х. Аллен основал больницу в Сеуле. На ее базе была открыта трехлетняя медицинская школа (с 1912 г. – Severance Union Medical College) для выпускников средней школы в возрасте 20–30 лет. В 1908 г. были выпущены первые семеро врачей [8, р. 61].

Почти во всех училищах был небольшой и в основном взрослый контингент учащихся. В 1902 г. методистская миссия получила разрешение на открытие 11 дневных начальных школ для мальчиков и 15 для девочек. В учи-

лище Soongsil в Пхеньяне было организовано и техническое отделение для бедных студентов, которые в будущем могли устроиться на неплохую работу. К 1905 г. там обучалось 102 студента [2, р. 65–67, 115].

Миссии работали большей частью в столице и кроме этого распределили зоны влияния по провинциям, стараясь не вступать в конкурентную борьбу [3, р. 268]. С конца XIX в. они основали школы на севере, в Пхеньяне, названном «Иерусалимом Востока» из-за высокой концентрации различных христианских миссий. Первыми миссионерами США в Корее были юноши и девушки, получившие в американских высших учебных заведениях хорошую подготовку не только по теологии, но и по медицине. Многие из них происходили из семей среднего класса и были воспитаны в условиях современного капиталистического прагматизма и культурных ценностей протестантизма. Во второй половине 1880-х гг. самой многочисленной была Американская пресвитерианская миссия. С 1884 по 1910 гг. в Корею прибыло 575 зарубежных протестантов, из них 417 человек – из США, в том числе 165 пресвитериан [4, р. 10–11, 55, 67, 75–97].

Таблица 1

Учебные дисциплины в миссионерских училищах

Год основания	Школа	Учебные дисциплины
1885	Пэджэ хактан	Английский язык, география, светская и церковная история Европы
1886	Кенсин (для мальчиков-сирот)	Библия, история христианства, английский и корейский языки, иероглифика, история, физическая и политическая география, философия, арифметика, гимнастика, музыка
1887	Chungshin (женская)	Библия, английский и корейский языки, иероглифика, история, география, арифметика, наука, гимнастика, искусство, музыка, вязание, шитье, кулинария, гигиена
1906	Sinseong	Библия, церковная служба, корейский язык, иероглифика, история, география, арифметика, философия, гигиена, ботаника, музыка, искусство, гимнастика

Источники: [4, р. 79–80, 98], [8, р. 63].

До 1900 г. самой большой проблемой для школ миссии в Сеуле и Пхеньяне был недостаток учебников на корейском языке, приходилось использовать книги на китайском, японском и английском языках. Миссионеры старались работать с корейцами, переводя американские школьные учебники по географии, истории, арифметике и адаптируя их к корейской действительности. Появились и новые учебники, из них наиболее популярными стали книги о Корее, способствовавшие развитию корейского национального самосознания [4, р. 140]. С 1881 по 1896 г. 20 миссионеров перевели на корейский язык 56 религиозных и светских книг. Примечательно, что к концу XIX в. с помощью христианских миссий было издано большинство книг на хангыль, что способствовало возрождению и широкому распространению национальной письменности [8, р. 68–70].

Следует отметить, что своим успехом христианское просветительство в Корее частично обязано и корейским западникам, считавшим его полезным для воспитания национальных лидеров, формирования современной корейской нации. Это были, во-первых, корейские реформаторы Ким Оккюн, Пак Енхе, Юн Чхихо, Со Джэпхиль, которые помогали в организации миссионерских школ, используя личные связи в окружении короля. Среди них наиболее влиятельным был радикал Юн Чхихо, который, критикуя косные неоконфуцианские традиции в Корее, пытался найти путь к прогрессу нации через впитывание протестантских ценностей. Он учился в Японии и Китае, в 1888 г. изучал теологию, английскую литературу, историю и экономику в США. Как и другие западники, он был убежден, что именно протестантизм обусловил процветание англосаксонской цивилизации. Во-вторых, это были корейцы-христиане, которые переводили и писали учебники вместе с миссионерами. Их было немного, но они сумели повлиять на формирование национальной идентичности и самосознания у корейских учащихся. Как патриоты-новаторы, они стремились к созданию современного государства в условиях угрозы колониального закабаления Кореи империалистическими державами. В-третьих, это корейцы, получившие образование в миссионерских школах. Они стали новой элитой, впитавшей западные ценности и национально-патриотические идеи и создавшей «культуру сопротивления» в корейском обществе [4, р. 11, 115–119].

Реформаторы, побывавшие в Японии, были вдохновлены не только ее достижениями, но и

ролью протестантских миссионеров в формировании японской системы образования. Э. Гильман из Американского библейского общества отмечает, однако, прагматизм корейских просветителей, таких, например, как Ким Оккюн. Он писал, что Ким познакомился с протестантизмом как элементом западной модернизации в Корее и признавал христианство не как религию для духовного спасения, но как инструмент для просвещения корейцев [4, р. 73].

Миссионеры смогли, хотя и с некоторыми ограничениями, вести образовательную деятельность в Корее и в период колониального господства Японии, так как японское правительство старалось избегать конфликтов с западными державами. Церкви были почти единственным местом, где корейцы имели некоторую свободу, хотя японцы вели там тайные наблюдения за теми, кто выступал против их власти [8, р. 97]. Миссионерские школы, в отличие от других частных, были более привлекательными для корейцев, так как здесь можно было приобщаться к научным и техническим знаниям Запада. К тому же и сами корейские просветители старались объединять усилия с миссионерами в частных школах. Южнокорейские ученые признают, что иностранные миссии своей цивилизаторской деятельностью внесли значительный вклад в формирование современного облика Кореи [5, р. 10–11; 4, р. 79–80, 98].

В конце XIX в. японские просветители тоже учреждали частные школы в Корее, куда они прибывали по своей инициативе, а позднее и при поддержке Японской паназиатской ассоциации. Они стремились распространять современный дух японской цивилизации. Наиболее известным примером является основанная в 1896 г. японскими христианами Сеульская школа (Gyeongseong hakdang), где преподавались история, арифметика, география, гимнастика и японский язык [3, р. 269]. Японцы утверждали, что обучение корейцев западным наукам с использованием японского языка является наиболее успешным путем приобщения к современной цивилизации и объясняли это традиционным владением корейцами, как и японцами, китайским языком и письменностью. По мнению японцев, английский язык, хоть и открывает путь к современным знаниям и технологиям, для корейцев гораздо труднее, чем японский. В 1899 г. Япония расширила образовательную деятельность в Корее, создав Общество по делам просвещения за рубежом. Его представители уверяли, что японский язык нужен корейцам

Таблица 2

Хронология открытия женских школ в Корее, 1886–1908 гг.

Год открытия	Учебное заведение	Место
1886	Ewha Hakdang	Сеул
1887	Chungshin (для сирот)	Сеул
1894	Jeongui Women's School	Чонджу
1895	Jeongsin Women's School	Сеул
1898	Школа-интернат	Хайва
1898	Baehwa Women's School	Сеул
1903	Sungui Women's School	Пхеньян
1903	Soongui Girl's School	Сеул
1903	Lucy Women's School	Вонсан
1903	Jeongmyung Women's School	Мокпхо
1904	Hosoodon Women's School	Кэсон
1906	Sookmyung	Сеул
1907	Spear Women's School	Кванджу
1907	Kijeon Women's School	Чонджу
1908	Youngsang Women's School	Хамхын

Источник: [9, p. 45–46]

для успешной конкуренции в коммерческой и предпринимательской деятельности [11, p. 198]. Многие американские миссионеры тоже считали, что присутствие или доминирование Японии станет двигателем успешной модернизации Кореи, страдающей от засилья коррупции и устаревших феодальных порядков [4, p. 136].

По инициативе протестантских миссионеров, которые последовательно продвигали идею христианизации корейского общества, в том числе и посредством воспитания «новых женщин», в Корее появились первые регулярные школы для девочек. Отметим, что подчиненное положение корейских женщин в социальной иерархии закреплялось отсутствием учебных заведений, где они могли бы учиться. Для них предусматривалось только домашнее образование или небольшие частные школы. В 1886 г. миссионерка Мэри Ф. Скрэнтон учредила первую женскую школу в Корее, позднее ставшую высшей средней школой, а сегодня являющуюся одним из крупнейших женских университетов в мире. Сама королева покровительствовала этой школе, дав ей в 1887 г. название Ихва хакдан, или Pearl Blossom Institute. Первой ученицей была наложница высокопоставленного чиновника, который хотел, чтобы она стала переводчицей английского языка для королевы Мин, второй – бездомная девочка, найденная на улице рядом с умершей от тифа матерью. Постепенно доверие к школе росло, и скоро в ней насчитывалось уже семь учениц [2, p. 65–66, 114].

Для американцев, работавших в первом госпитале Х. Аллена, большой проблемой стало то, что корейские традиции запрещали мужчинам осматривать больных женщин. Поэтому в Корею посылались и женщины-христианки. В 1886 г. Анни Эллерс стала главой женского отделения госпиталя, где медсестрами работали дворцовые девушки-танцовщицы, присланные королем и королевой [8, p. 59]. Кстати, в последующем именно женщины стали первыми корейскими врачами, получившими современное медицинское образование. В 1887 г. А. Эллерс открыла школу для девочек-сирот Chungshin, надеясь, что все корейские женщины смогут добиться равных с мужчинами прав через христианское просвещение. Первые миссионеры считали, как и А. Эллерс, что девочки, крещенные в протестантизме, смогут сыграть ключевую роль в христианизации в семьях, поэтому открывали школы-интернаты для бедных и сирот в Хайва (1898), Вонсан (1903), Сонгдо (1904) [4, p. 99; 2, p. 67, 113].

Труднее всего было преодолеть предубеждение местного населения против женского образования. Для корейцев профессиональное образование женщин казалось невероятной идеей, и набор учениц доставлял миссионерам немало хлопот. Патриархальная конфуцианская система и доминирование мужчин в обществе делали невозможным стабильное обучение девочек. Тем более что они выходили замуж очень рано, в 12–13 лет, были полностью заняты домашней работой и не имели времени для учебы. Несмотря на эти трудности, миссионеры пытались преодолеть патриархальные предрассудки и поднять образовательный уровень женщин. В 1903 г. была основана женская школа продвинутого уровня *Soongeu Girl's School*, обучавшая христианок, число которых росло, и подготавливавшая их к получению высшего образования. По отчету миссионеров 1907 г., в школе *Soongeu* училось немало вдов-корейнок, пожелавших посвятить жизнь миссионерству. Школа стремилась помочь женщинам улучшить условия жизни, повысить самооценку и укрепить роль в семье и обществе путем не только обучения рукоделию и чтению Библии, но и передачи академических знаний. Их не пытались отрывать от патриархального окружения (западные ценности, такие как гендерная свобода и равенство, могли повергнуть в шок корейнок и их семьи), но поощряли активность женщин в христианской церкви, постепенно готовя их к значимой роли в корейском обществе. В 1903 г. 43 девушки получили среднее образование [4, р. 92–95].

Наконец, в 1895 г. Ордонансом об образовании правительство Кореи установило совместное обучение детей в начальных школах, а в мае 1899 г. даже запланировало создать женскую среднюю школу за казенный счет. Но все эти планы не осуществились из-за противодействия консервативных сил страны. В период японского протектората 1905–1910 гг. на волне усиления патриотического движения появились 142 небольшие частные женские школы [13, р. 109]. Так, например, в 1906 г. на территории королевского дворца была организована школа *Sookmyung*, где училось семь девушек. Позднее, в 1908 г., уже японское правительство обнародовало постановление о женском высшем образовании и учредило женскую высшую школу *Hansung* [9, р. 46].

Медицинская и образовательная деятельность протестантских миссий оказала существенное влияние на христианизацию корейцев:

к 1890 г. насчитывалось 267 корейцев-протестантов, в 1897 г. – около 5 000, к 1910 г. – уже 200 000 приверженцев протестантизма в стране с населением в 13 млн. чел. Но христианские общины распространялись на Корейском полуострове неравномерно, большинство из них сконцентрировалось в Пхеньяне и северо-западных провинциях. Это объясняется тем, что в этих провинциях в ходе развития торговли с китайцами, японцами и русскими сформировалась в некотором роде буржуазная среда, в которой ощущалось подавляющее влияние Китая и Японии. Поэтому корейцы воспринимали протестантизм не как христианскую веру, а как практическую возможность взаимодействия с Западом, точнее – с США [8, р. 91–92].

Государственная политика модернизации корейского образования (1894–1908 гг.)

В 1880-е гг. государственное участие в развитии частных корейских и миссионерских школ выражалось больше в политике поощрения, чем в правовом или финансовом обеспечении. Наконец, в 1894 г. правительство короля Коджона приступило к созданию системы народного образования, воспринимавшейся как условие успешного проведения прогрессивных реформ (Кабо) в финансовой, военной и правовой сферах страны. Военный мятеж 1882 г. с участием молодых янбанов, выступавших против политики модернизации, убедил власти, что необходимо создать в стране условия для формирования среднего класса безотносительно кастовой принадлежности – через государственную систему образования [9, р. 29–33]. После поражения Китая в войне с Японией в 1894–1895 гг. все большее влияние на Сеул стали оказывать японцы, которые для этого пользовались не только силовым давлением, но и содействием прояпонски настроенных чиновников-реформаторов, впечатленных успехами японской политики вестернизации. В первую очередь изменилось отношение к традиционному образованию: были отменены конфуцианские государственные экзамены вместе с привилегиями янбанов на высшее образование и чиновничьи должности [3, р. 270]. «Новая» интеллигенция видела, что как западная, так и японская цивилизации достигли успехов благодаря созданию государственной системы народного просвещения и прежде всего – всеобщей начальной школы [4, р. 114].

В 1894 г. был учрежден Департамент просвещения. Король Коджон в Ордонансе об образо-

вании 1895 г. декларировал, что создание системы народного образования сыграет главную роль в формировании современной корейской нации [12, р. 39]. В 1897 г. была провозглашена Империя Кореи, стремящаяся стать современной монархией, а 25 июня 1898 г. объявлено о формировании бюрократического аппарата из людей с прогрессивным образованием [9, р. 41]. Чрезвычайно актуальными стали проблемы содержания образования, отказа от схоластического изучения конфуцианских догматов и перехода к усвоению современных знаний. С этой целью правительство Коджон унифицировало учебники для начальных школ, которые должны были помочь создать новое общество «на основе западной модели, чувства собственного достоинства и гармонии нации». Новые учебники решали и задачу легитимизации Корейской империи, оправдывая необходимость проведения правительством радикальных реформ, которым противилась аристократическая верхушка. Среди школьных учебников 1895–1896 гг. особое место занимала «История Чосон» (1895), в которую вошли мифы, истории героических личностей, подтверждающие способность Кореи защититься от внешних врагов [10, р. 86, 92].

Ордонанс об образовании 1895 г. обнаружил ряд положений о создании системы народного образования, включающей начальные, средние школы и предназначенный для их выпускников педагогический институт и университет в Сеуле. Этим же документом регламентировались вопросы подготовки педагогов, а также деятельности иностранных (миссионерских) школ [6, р. 1099; 9, р. 39].

По Дополнению к Ордонансу об образовании, изданному в июле 1895 г., задумывалось создание современных начальных школ разных типов: во-первых, национальных, во-вторых, публичных (местных, провинциальных властей), в-третьих, частных. Предполагалась двухуровневая система обучения: первая ступень (трехлетний период) и вторая, или продвинутая, ступень (два-три года) для учащихся в возрасте от 8 до 15 лет обоего пола. Основными учебными предметами должны были стать мораль, чтение, письмо, чистописание, арифметика, гимнастика. Кроме того, предполагались факультативные занятия по географии и истории Кореи, по рисованию, иностранному (японскому) языку. Для девочек вводились уроки шитья. Обучение должно было вестись на родном языке [12, р. 39]. В Дополнении к Ордонансу об образовании специально подчеркивалась роль

корейского языка, так как за столетия вассальной зависимости от Китая и господства китайского языка это приобрело особое значение для развития национально-патриотических чувств в новой Корее.

Однако программа создания государственных школ не реализовалась в полной мере: к 1896 г. работало 38 публичных начальных школ, к 1905 г. – 60 (10 школ в Сеуле и 50 в провинциях). Все они были только для мальчиков, кроме того, две ступени обучения применялись только в одной начальной школе Gyodong Godeung (1894 г.) [6, р. 1099].

Задолго до 1895 г., сразу после вынужденного подписания Канхваского договора в 1876 г. и открытия Японией корейских портов Пусан, Вонсан и Инчхон – в первую очередь для японского капитала, а позднее для США (1882 г.), Англии (1883 г.) и других европейских стран, корейская дипломатическая и таможенная службы стали остро нуждаться в переводчиках. В 1883 г. появились специализированные школы (как, например, государственный колледж Dongmunhak – Common Script Learning, 1862–1886 гг.) с целью подготовки переводчиков для морской таможенной службы. Корея еще оставалась вассалом Китая, поэтому Пекин старался проконтролировать процесс, послав в качестве советника немца П. Мюллендорфа. В колледже Dongmunhak двое китайцев, получивших образование в США, и англичанин Томас Э. Галифакс преподавали английский и японский языки, арифметику. В первый год было принято 40 человек, большей частью из незнатных семей, они состояли на полном государственном содержании. В 1886 г. заведение было переименовано в Королевский колледж английского языка. Ежегодный прием учащихся составлял 112 человек из числа представителей всех слоев населения [3, р. 269–270].

После антиправительственного выступления радикальных прояпонских реформистов 1884 г. король Коджон уже не вполне им доверял, кроме того, он стремился ослабить китайское влияние на национальное образование. В 1886 г. король отправил в США посольство, задачей которого было привлечь американских учителей. Благодаря посредничеству американского консула в Сеуле и комиссара по вопросам образования США Дж. Итона в Корею были направлены Дж.В. Гилмор, Д.А. Банкер и Х.И. Гальбэрт, основавшие в 1886 г. училище Yuguyoung Gongwonwas (Королевский колледж). Эти преподаватели получили образование в колледжах

Принстона, Оберлина и Дартмута, прошли религиозную подготовку в теологической семинарии (Union Theological Seminary) в Нью-Йорке, были активными миссионерами. В училище они преподавали английский язык, естественные науки, экономику и географию. Король Коджон ясно изложил иностранцам цель: готовить не только переводчиков, но и будущих лидеров-реформаторов страны, лояльных к королевской власти. Поэтому в Королевском колледже программа была более обширная, чем в других языковых школах. В течение трех лет учебы студенты (10 правительственных чиновников и 20 молодых представителей семей правящей верхушки) изучали кроме английского языка математику, политику, экономику, историю, географию, биологию, технические науки и каллиграфию. Американские учителя адаптировали учебники и учебные курсы на английском языке для своих учащихся. Однако студенты не могли посещать занятия на постоянной основе и не были заинтересованы в учебе, так как в качестве правительственных чиновников вели уже достаточно обеспеченную жизнь. Такое индифферентное отношение и финансовые трудности привели к тому, что в 1894 г. Королевский колледж закрылся, несмотря на надежды и энтузиазм короля [3, р. 270–271; 4, р. 130–131; 9, р. 34].

В мае 1895 г. было объявлено о создании системы школ иностранных языков. К этому времени уже существовали колледжи японского (1891 г.) и английского (1894 г.) языков, теперь один за другим стали открываться школы французского (1895 г.), русского (1896 г.), китайского (1897 г.) и немецкого (1898 г.) языков. Эти заведения готовили грамотных специалистов, необходимых для расширения международных связей, что позволило бы приступить к модернизации страны. Выпускники таких школ имели больше шансов получить работу, поэтому эти учебные заведения пользовались популярностью у выходцев из простых семей [9, р. 40].

Правительство понимало, что для успешной индустриализации страны необходима подготовка квалифицированных технических кадров в системе профессионального образования и что в последующем это позволит воспитывать управленцев независимо от социального статуса соискателей [9, р. 29]. Власти Кореи практиковали отправку студентов на учебу также и в Японию за счет государства. Кроме того, правительство заключило соглашение с миссионерской школой Пэджэ хактан об обучении опре-

деленного числа учащихся с государственной поддержкой. В 1888 г. была открыта сельскохозяйственная школа [6, р. 1099; 10, р. 85–86], в 1897 г. – два училища для подготовки кадров почтовой службы, в 1899–1900 гг. – школы бизнеса, горного дела и др. Школа бизнеса (один год подготовительный курс и три года основной) с 1904 г. готовила специалистов по аграрным и коммерческим делам. Обучение в горной школе длилось три года и находилось под пристальным вниманием государства, так как Корея нуждалась в специалистах по современным методам разработки золотых и серебряных рудников [9, р. 42].

В апреле 1895 г., вскоре после того как был взят курс на формирование государственной системы начального образования и появилась острая необходимость в учителях, открылся педагогический колледж Hansung. Учителей готовили по двум программам: ускоренной шестимесячной и регулярной двухлетней. Было набрано 50 студентов (18–25 лет), находившихся на полном государственном обеспечении (жилье и питание) [9, р. 39].

Корейскому правительству нужно было решать задачу создания современной армии и полиции. В 1888–1895 гг., после пятилетней подготовки, были открыты военная школа Yonmu Kongwon, Морская академия Ganghwa, Корейская военная академия Mukwan hakgyo, юридическая школа в Сеуле для подготовки экспертов-правоведов, медицинская и полицейская школы. Все они действовали до роспуска корейской армии в 1907 г. [3, р. 273; 10, р. 85–86].

Государственные профессиональные училища в большинстве своем комбинировали начальное, среднее и высшее образование, в них обучались люди в возрасте от 9 до 30 лет, чаще всего после обучения в содан. Училища находились в ведении министерства просвещения и номинально управлялись корейцами. В действительности весь учебный процесс осуществляли иностранные учителя с помощью корейских наставников, выпускников этих же школ. Иностранцы обычно преподавали в старших классах, корейцы – в младших. Кроме знания иностранного языка учащиеся приобретали современное базовое образование, но и в этих заведениях существовала проблема посещаемости занятий. Лишь немногие студенты планировали окончить полный курс [3, р. 272].

Главная задача государства – создание национальной всеобщей школы – решена не была, контингент поступающих в средние или про-

фессиональные учебные заведения был ограниченным. В апреле 1899 г., по официальным данным, практиковалось семилетнее техническое обучение: четырехлетнее низшего уровня и трехлетнее высшего. В 1900 г. учеников средней школы было чуть меньше 60 чел. [9, р. 44].

Переход образования под контроль японцев начался в 1905 г. с момента установления их протектората в Корее. С 1906 г. Япония стала проводить политику активного вмешательства в дела образования корейцев. Было создано правительственное учреждение, подраздел министерства образования Японии, в котором особое место отводилось отделу просвещения Кореи под руководством Сидехара Тайра и в котором около 30% чиновников должны были быть японцами. Они должны были провести «прогрессивные преобразования», что подразумевало стремление к японизации корейцев. В 1906 г. начальная школа стала обычной (четырёхлетней), где учились дети 8–12 лет обоего пола. Школьники занимались по следующим предметам: мораль, родной и японский языки, китайское письмо, арифметика, географическая история, наука, рисование и гимнастика, для девочек – рукоделие. Позднее добавились уроки пения, ручного труда, агрономические и коммерческие предметы. Японский язык в школьной программе постепенно перешел из разряда дополнительных предметов в разряд обязательных [12, р. 40]. Предусматривалось три типа обычных школ в зависимости от источника финансирования: министерские, публичные и частные начальные учебные заведения. Сидехара Т. утверждал, что японский язык, который близок к корейскому, нужен для освоения достижений западной цивилизации, а также для будущей карьеры [11, р. 199]. Предпринимались попытки заменить корейских учителей японскими или взять их под контроль. В 1908 г. учителями в школах среднего и высшего уровня были 32 японца и 61 кореец, к 1909 г. соответственно 42 и 74, в 1910 г. – 48 и 71, т. е. одна треть учителей была представлена японцами. К 1906 г. работало 9 правительственных и 13 публичных школ, к 1907 г. – 28 публичных школ, к 1910 г. – 59 публичных школ с 12 732 учащимися и 101 частная школа с 4 214 учащимися. Кроме того, в 2 100 частных школах с ограниченной программой обучения (содан) училось 80 000 человек. К 1911 г. уже было 16 540 содан, где учились 141 604 чел. Корейцы старались не отдавать своих детей в обычные школы [14, р. 225].

В период японского протектората 1905–1910 гг. велась острая дискуссия об использовании корейского и японского языков. Мнения по этому вопросу разделились даже в среде деятелей корейского образования, ищущих ответ на вопрос, какой из языков обучения ускорит процесс модернизации страны. Одни считали, что японский язык открывает корейцам широкие возможности приобщения к современной цивилизации, другие – что он является инструментом покорения Кореи [11, р. 203].

Итак, если в Японии главной действующей силой переустройства страны посредством создания в первую очередь современной системы народного образования было государство при участии патриотической общественности, то в Корее действия государства оказали в этой сфере меньшее влияние, чем усилия частных лиц, энтузиастов-реформаторов и иностранных христианских миссий. При этом корейские патриоты-просветители часто сотрудничали с миссионерскими организациями Запада, особенно в период японского господства в Корее, и заложили тем самым основы движения корейского народа за независимость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи. Т. 1. М.: Наталис, 2011.
2. Clark, A.D., 1961. History of the Korean church. Seoul: Christian Literature Society of Korea.
3. Dittrich, K., 2014. The beginnings of modern education in Korea, 1883–1910. *Paedagogica Historica*, Vol. 50, no. 3, pp. 265–284.
4. Han Kang-Hee, 2013. Empires, mission, and education: mission schools and resistance movements in modern Korea, 1885–1919. PhD dissertation. University of Edinburgh.
5. Hong Ji Yeon and Paik, Ch., 2017. Colonization and education: exploring the legacy of local elites in Korea. *The Economic History Review*, Vol. 71, no. 3, pp. 938–964.
6. Lee Sang-Gu, Noh Jihwa and Song Sung-Yell, 2009. Educational policy and curriculums of Korean school mathematics in the late 19th and early 20th century. *Communications of Mathematical Education*, Vol. 23, no. 4, pp. 1093–1130.
7. Pieper, D., 2011. Han’gul for the nation, the nation for han’gul: the Korean language movement, 1894–1945. MA dissertation. Washington University in St. Louis.
8. Stucke, W.J., 2011. The direct and indirect contribution of Western missionaries to Korean

nationalism during the late Choson and early Japanese annexation periods, 1884–1920. MA dissertation. East Tennessee State University.

9. Suh Younghee, 2015. The formation of the nation-state and education policy in modern Korea (1876–1910). *Asian Women*, Vol. 31, no. 1, pp. 29–51.

10. Yuh Leighanne, 2013. In defense of the state: the Kabo reforms, education, and legitimacy. *International Journal of Korean History*, Vol. 18, no. 2, pp. 81–98.

11. Ли Джингсу. Канкоку хэйго дзэнго но Нихон кеикукан – Чосон оеби Нихон но кеику. Иппан дзасси но косацу о ситэ (Взгляд на обучение японскому языку до и после присоединения Кореи – с учетом общих и образовательных журналов, выпущенных в Корее и Японии) // Хиросима дайгаку дай-гакуин кеикугаку кэнкюка кие. 2001. Т. 2. № 9. С. 197–205.

12. Ли Сук-дя. Никкан хэйго дзэнго но Чосон-го кеику (Обучение на родном языке в Корее до и после аннексии страны Японией) // *Studies in the history of education*. Japan Society for the Historical Studies of Education. 1977. Т. 20. С. 38–66.

13. Ота Такако. Секуминтика Чосон ни окэру Рюоку котодзегакко (Женская средняя школа Рюоку во время японской колонизации Кореи) // Дзэнда кэнкю: Отя но мидзу дзесидайгаку дзэнда кэнкю сэнта хэн. 2000. Т. 20. № 3. С. 105–130.

14. Сано Митио. Секуминти Чосон ни окэру Нихон но кеику сэйсаку (Образовательная политика Японии в колониальной Корее) // Токио дайгаку кеикугакубу кие. 1982. Т. 21. С. 223–233.

REFERENCES

1. Tikhonov, V.M. and Kan Mangil', 2011. *Istoriya Korei [History of Korea]*. Т. 1. Moskva: Natalis. (in Russ.)

2. Clark, A.D., 1961. *History of the Korean church*. Seoul: Christian Literature Society of Korea.

3. Dittrich, K., 2014. The beginnings of modern education in Korea, 1883–1910. *Paedagogica Historica*, Vol. 50, no. 3, pp. 265–284.

4. Han Kang-Hee, 2013. *Empires, mission, and education: mission schools and resistance movements in modern Korea, 1885–1919*. PhD dissertation. University of Edinburgh.

5. Hong Ji Yeon and Paik, Ch., 2017. Colonization and education: exploring the legacy of local elites in Korea. *The Economic History Review*, Vol. 71, no. 3, pp. 938–964.

6. Lee Sang-Gu, Noh Jihwa and Song Sung-Yell, 2009. Educational policy and curriculums of Korean school mathematics in the late 19th and early 20th century. *Communications of Mathematical Education*, Vol. 23, no. 4, pp. 1093–1130.

7. Pieper, D., 2011. *Han'gul for the nation, the nation for han'gul: the Korean language movement, 1894–1945*. MA dissertation. Washington University in St. Louis.

8. Stucke, W.J., 2011. The direct and indirect contribution of Western missionaries to Korean nationalism during the late Choson and early Japanese annexation periods, 1884–1920. MA dissertation. East Tennessee State University.

9. Suh Younghee, 2015. The formation of the nation-state and education policy in modern Korea (1876–1910). *Asian Women*, Vol. 31, no. 1, pp. 29–51.

10. Yuh Leighanne, 2013. In defense of the state: the Kabo reforms, education, and legitimacy. *International Journal of Korean History*, Vol. 18, no. 2, pp. 81–98.

11. 李政樹, 2001. 韓国併合前後の日本語教育観 一朝鮮及び日本の教育 一般雑誌の考察を通して [View of Japanese language education before and after annexation of Korea – through considerations of general and educational journals issued in Korea and Japan]. *広島大学大学院教育学研究科紀要*, Vol. 2, no. 9, pp. 197–205. (in Japanese)

12. 李淑子, 1977. 日韓併合前後の朝鮮語教育 [Mother tongue education in Korea before and after Japan-Korea annexation], *Studies in the history of education*. Japan Society for the Historical Studies of Education, Vol. 20, pp. 38–66. (in Japanese)

13. 太田孝子, 2000. 植民地下朝鮮における龍谷高等女学校 [The Ryukoku Girl's High School during the Japanese colonization of Korea], *ジェンダー研究: お茶の水女子大学ジェンダー研究センター編*, Vol. 20, no. 3, pp. 105–130. (in Japanese)

14. 佐野通夫, 1982. 植民地朝鮮における日本の教育政策 [The educational policy of Japan in colonial Korea], *東京大学教育学部紀要*, Vol. 21, pp. 223–233. (in Japanese)

АРХЕОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОЛОГИЯ В CIRCUM-PACIFIC

УДК 391.4

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-3/73-83

Л.Н. Хаховская*

ПРАЗДНИК КИТА В РИТУАЛАХ АБОРИГЕНОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

На основе литературных и архивных источников в статье проанализирован ритуал китового праздника коренного населения Северо-Востока России (береговые группы северо-восточных палеоазиатов, эскимосы), рассмотрены формат, структура, комплекс действий и материальные атрибуты праздника. Автором установлены структурные соответствия между китовым ритуалом и похоронным обрядом северо-восточных палеоазиатов, раскрыты истоки и смысл кукольного спектакля в празднике кита науканских эскимосов, сделан вывод об аккумулирующем и обобщающем характере китового праздника.

Ключевые слова: праздник кита, Северо-Восток России, коренные жители, морской зверобойный промысел, похоронная обрядность, кукольный спектакль

Whale festival in the context of indigenous rituals of Northeast Russia.
LYUDMILA N. KHAKHOVSKAYA (N.A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences)

Based on the analysis of literary and archival sources the article focuses on the ritual of the whale festival among the indigenous peoples of Northeast Russia, such as Eskimos, Maritime Koryaks and Chukchi. The author studies the format, structure, actions and material attributes of the whale festival, showing structural correspondences between it and the funeral rites of the Northeastern Paleo-Asiatics. The author states that the whale festival has an accumulating and generalizing nature.

Keywords: whale festival, Northeast Russia, indigenous population, fishing cult, funeral ritual, puppet show

Основным занятием коренных жителей прибрежных районов Северо-Востока России (эскимосов, береговых чукчей и коряков) на протяжении длительного времени являлся мор-

ской зверобойный промысел, что наложило отпечаток на их ритуальное поведение. Обрядами сопровождалась некоторые действия во время подготовки к охоте, в ходе самого промысла, но

* ХАХОВСКАЯ Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института им. Н.А. Шило Дальневосточного отделения РАН.

E-mail: hahovskaya@gmail.com

© Хаховская Л.Н., 2018

наиболее масштабные и зрелищные мероприятия разворачивались после удачной добычи¹. Историографически о сакральном поведении, связанном с морским зверобойным промыслом, известно со времени ранних контактов русских с аборигенами. В середине XVIII в. о корякских и чукотских китовых церемониях писали С.П. Крашенинников [11], Г.В. Стеллер [21], Г.Ф. Миллер [19]. Архивные источники второй половины XVIII в. располагают материалами Н. Дауркина о китовом промысле чукчей на Берингоморском побережье (Российский государственный архив древних актов, далее – РГАДА. Ф. 199. № 539. Оп. 2. Д. 6. Л. 101–102)² и Т. Шмалева о промысле коряков в Охотском море (РГАДА. Ф. 199. № 539. Оп. 2. Д. 6. Л. 102; № 528. Оп. 2. Д. 7. Л. 14об.).

В последующей историографии праздник кита получил освещение лишь в довольно поздних работах. Можно выделить три временных среза наблюдений. Во-первых, в начале XX в. достаточно подробные материалы отложились в трудах участников Джезуповской экспедиции В.Г. Богораза [2] и В.И. Иохельсона [29], а также дневниковых записях супруги последнего, Д.Л. Иохельсон-Бродской (Архив Института Восточных рукописей, далее – (АИВР). Ф. 23. Оп. 2. Д. 128). Небольшая по объему дневниковая запись Иохельсон-Бродской о событиях осени 1900 г. в корякском селении Куэль в общих чертах соответствует тексту Иохельсона [29, р. 69–77], но написана в иной, более экспрессивной манере.

Следующий хронологический срез – это наблюдения 1920-х – первой половины 1930-х гг., когда на Крайнем Севере работали сотрудники советских учреждений – П.П. Иванов [10], Г.А. Меновщиков [16], И.К. Воблов [3], Н.Н. Беретти [1], С.Н. Стебницкий [20], К.И. Бауэрман (Государственный архив Российской Федерации, далее – ГАРФ). Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 448), И.А. Варрен (Архив Музея антропологии

и этнографии, далее – АМАЭ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 24). Рукопись Варрена содержит подробное и пространное описание ритуала, увиденного автором в чукотском селении Лорино поздней осенью 1931 г. Это описание в варианте свободного изложения частично обнародовано И.Е. Гехтманом [6, с. 34–39], но многие важные детали и обстоятельства праздника в этой публикации отсутствуют.

В следующие десятилетия, в связи с советской модернизацией, промысловые праздники быстро уходили из жизни приморских аборигенов, поэтому во второй половине XX в. этнографы могли основываться преимущественно на расспросных данных. У коряков сведения такого характера в 1956–1957 гг. собирал И.С. Гурвич [7]. О китовом празднике науканских эскимосов на основании рассказа очевидца, зафиксированного в 1971 г., писал Г.А. Меновщиков [18]; об этом же празднике повествует Т.С. Теин, использовавший, вероятно, впечатления своего детства и юности [23]. Теин, кроме того, имел опыт участия в качестве эксперта в возрождаемых в позднесоветский период эскимосских традиционных праздниках [24; 25].

Таким образом, массив источников по данному вопросу представляет собой результаты непосредственных наблюдений, расспросов, а также специальных (музейных и публичных) реконструкций и репрезентаций. Однако историография данной темы ограничена описаниями и не содержит аналитических и сравнительных исследований. Цель нашей статьи состоит в анализе обстоятельств ритуала китового праздника, включая его формат, структуру, обряды и материальные атрибуты, а также корреляции с другим ритуальным поведением аборигенов.

Исследователи по-разному подходят к осмыслению роли и значения ритуалов в традиционных обществах. Одни из них, относя ритуалы к явлениям религиозного порядка, считают последние эпифеноменами, маскирующими более глубинные социальные, ментальные и психологические процессы [9; 13; 27]. Другие полагают, что религия в целом и ритуал как ее проявление обладают самостоятельным онтологическим статусом и подчеркивают, что ритуализированное поведение является не периферийной и обособленной частью жизни, а практикой, пронизывающей все сферы повседневности [5; 15; 26]. При этом позиции представителей разных подходов могут быть сближены во взгляде на ритуал как на динамичную сферу, всякий раз заново связывающую коллективные представ-

¹ В данной работе под ритуалом мы подразумеваем совокупность обрядов, тогда как под обрядом – действие более ограниченное, частное. И ритуал, и обряд характеризуются символичностью, отсутствием непосредственного утилитарного значения, однако ритуалу, помимо масштабности, присуща также демонстративность, то есть наличие хотя бы небольшого круга зрителей. Ритуал предполагает наличие коллектива участников, а также гостей, которые в той или иной степени участвуют в нем, а обряд может быть совершен и одним человеком, скрытно от посторонних.

² Материалами из РГАДА поделился И.Е. Воробей, за что автор приносит ему глубокую благодарность.

ления и текущую деятельность определенной группы. Именно эта природа ритуала придает ему онтологическое и гносеологическое значение источника и движущей силы инноваций.

Так, концепция Тернера состояла в том, чтобы видеть в ритуале не статичное положение, а развивающийся процесс; не застывшие, а постоянно обновляющиеся структуры (антиструктуры), которые являются стимулом культурного развития [26, с. 31, 32]. Такая точка зрения в определенной степени совпадает с мнением Дюркгейма, который считал, что невидимая принуждающая социальная сила, действующая в традиционном обществе, рождается в ходе совместных практик религиозного характера [9].

В данной статье мы придерживаемся сходного взгляда на ритуал как на творческий, резонансный процесс, аккумулирующий достижения смежных человеческих практик и, в свою очередь, порождающий социальные, культурные и даже технические подвижки в обществе. Китовый праздник как никакой другой позволяет увидеть обусловленную этой перманентной креативностью акциональную и символическую «многослойность» в пределах достаточно устойчивых форм. Многообразие обрядового поведения также дает основание говорить о постоянно происходившей ритуализации актуальных социальных событий, то есть о включении их в китовый церемониал и дальнейшем растворении в сакральном контексте.

Как известно, традиционное общество, при всей его эгалитарности, являлось социально неоднородным. Общественные иерархии строились на различных основаниях, например, времени поселения в данном месте, принадлежности к тому или иному семейному клану, а также, без сомнения, удачливости в промысле. Судя по всему, праздники морских зверобоев – и китовый здесь не является исключением – носили социально-распределенный характер, связанный с личными качествами конкретных охотников и промысловым мастерством семейств в поселковом сообществе. Так, Меновщиков, отметив отсутствие у эскимосов «общего национального праздника», квалифицировал те церемонии, которые он наблюдал в Сирениках, как «домашние производственные» по той причине, что «у каждой семьи или группы родственных семей существует свой производственный праздник, на который приглашают и соседей». Меновщиков связывал социокультурную подоплеку эскимосских праздников с тотемическими представлениями, отмечая индивидуальный характер тотемов

для каждой семьи: «Бог-тотем у каждой родственной группы или семьи разный: у одних это морж, кит, у других – олень, песец или какой-либо иной тотем-покровитель» [17, с. 76, 77].

Синхронные данные И.К. Воблова говорят в пользу этого положения: отдельным семьям «приносит счастье» какой-либо определенный морской зверь – морж, тюлень, лахтак, кит, косятка. Другими словами, охотники могли претендовать на присвоение тотема в том случае, если они добивались определенных результатов в его добыче. Получив статус, охотник закреплял его в вещественных символах (фетишах) и личном празднике, которые он передавал по наследству. Образ тотемного зверя воспроизводился в раскрашивании лиц во время торжеств [3, с. 321] (рис. 1, 2).

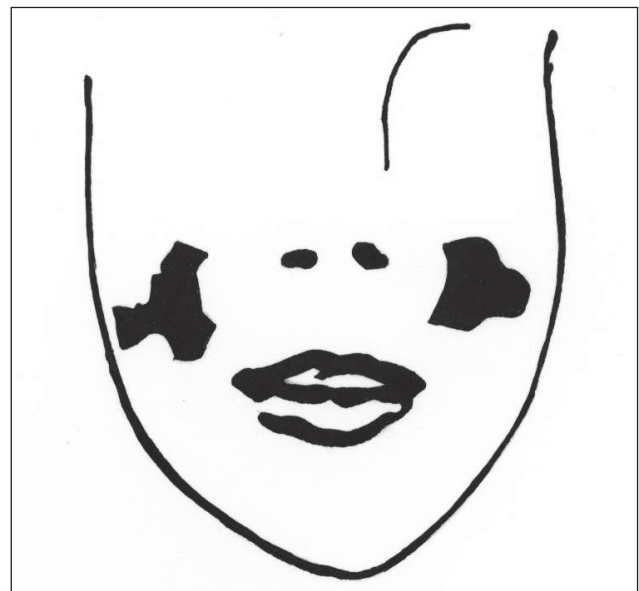

Рис. 1, 2. Раскрашенные лица на празднике кита.
Копия с рисунков И.С. Вдовина.
Источник: АМАЭ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 24. Л. 6/н.
Художник К.В. Штерн.

Значение акции раскрашивания лиц не может быть прочитано однозначно. Предлагаемый нами вариант интерпретации указывает на маскирующий характер рисунков – они утаивают от кита, который непременно присутствует на празднике, истинные лица тех, кто его добыл и «утилизировал». С помощью этой меры все участники становятся как бы единым «китовым народом», солидаризуются со своим тотемом и отрицают ответственность за его убийство, разделывание и поедание. Более того, чтобы «отвести» киту глаза и убедить его в собственной непричастности, празднующие должны продемонстрировать киту сцену его добычи какими-то посторонними людьми. Способы такой демонстрации дают выход творческой фантазии и разрастаются до сложно устроенного «кукольного спектакля», о котором речь пойдет ниже.

Однако сакрально-религиозная приуроченность, дающая определенному семейству право обладать культом того или иного зверя, отнюдь не препятствовала тому, чтобы этот культ практиковали и любые другие домохозяйства. Ярким примером тому является чукотско-эскимосский праздник моржовых голов – любой охотник, добывший зверя, не только мог, но и, согласно традиции, обязан был провести с его головой предписанные обряды, завершившиеся выносом накопленных за сезон голов на жертвенное место. Несмотря на такое унифицирующее предписание, праздник моржовых голов все же считался «личным», передающимся в семье от отца к сыну [12, с. 52]. Каждая семья, видимо, вносила в ритуал моржовых голов какие-то индивидуальные элементы. Кроме того, праздник не мог не различаться по масштабу, поскольку удачливые охотники накапливали много голов (и, соответственно, угощения) и могли развернуть более широкое торжество, а скромная добыча сопровождалась малозаметными действиями [2, с. 89]. Сказанное справедливо по отношению к промыслу не только моржей, но и других морских животных³. Можно предположить, что серия индивидуальных праздников выливалась в своеобразный смотр, привносящий в жизнь дух соревновательности и конкуренции, во время которого подтверждались или пересматривались репутации глав семейств. Люди, добывавшиеся общественного признания, должны были устраивать праздник

для всего селения. Именно так поступал, например, зажиточный эскимос Матлю, в 1920-х гг. обладавший самым большим авторитетом в эскимосском селении Уназик (Старое Чаплино) и, по словам советских сотрудников, державший «в своих руках все население сел [южной части Чукотского] района» [28, с. 178, 181].

В результате сезонных промысловых церемоний вблизи береговых сел образовывались «мемориалы» из голов и костей добытых животных, которые становились сакральными объектами и жертвенниками, что особенно характерно для Чукотки (рис. 3). На Охотском побережье такого рода мемориалы не столь часты, однако они отмечены другой спецификой: вместе с натуральными объектами (останки животных) применялись искусственные, специально изготовленные для маркировки охотничьего успеха.

Рис. 3. Жертвенное место в Уэлене.
Фото Г.Г. Рудых, 1920 г.
Источник: [14, с. 9].

³ По поводу праздника нерпы у олиторских коряков И.С. Гурвич пишет, что те семьи, у которых не хватало продуктов для организации самостоятельного праздника, объединялись с родственниками [7, с. 239].

Иохельсон зафиксировал вблизи некоторых корякских селений массивные деревянные столбы, которые водружались после удачной китовой охоты хозяином байдары, добывшей животное

[29, р. 38]. Каждый из таких столбов (*камак*) символизировал собой кита, «обязанность» которого состояла в наблюдении за морем и привлечении «новых китов»⁴. Такое ритуализированное поведение, смыкавшееся с фетишизацией артефактов и магическими ожиданиями, распространилось и на более узкий, домашний формат: в какой-то период времени, возможно, связанный с оскудением китовой охоты, широкий общественный церемониал водружения столба у коряков был заменен приватными действиями в семейном кругу, а массивные *камаки* трансформировались в небольшие «китовые» фигурки, взявшие на себя функции наблюдателей, о чем подробнее мы скажем ниже.

Китовые церемонии устраивали зажиточные семейства, которые, помимо прочего, обладали достаточно вместительным жилищем для размещения большого количества людей. Однако, поскольку китовый праздник длился от нескольких дней до месяца, численность и состав участников постоянно менялись. Судя по всему, начало праздника было самым массовым. Так, в Лорино (1931 г.) в этот день возле яранги устроителя, зажиточного чукчи Тмууэ «собралось почти все население поселка ... взрослые и дети» [6, с. 35]. В дальнейших действиях непосредственно в жилище Тмууе, которые шли 14 дней, участвовали далеко не все сельчане – получив долю китового мяса после вскрытия ямы, многие семейства разошлись по своим домам и продолжали торжество там. По этому поводу Богораз сообщал, что у чукчей состав участников праздника формировался по принципу предпочтительных связей: каждая семья приглашала «свой круг родственников и знакомых» [2, с. 85]. Иохельсон, напротив, подчеркнул общественный характер праздника у жителей небольшого селения Куэль: «Казалось, что все жители переселились в жилище Хай-Вилоха» [29, р. 71]. Действительно, многие куэльцы весь период «утилизации» животного, который длился 5 дней, проживали в полуземлянке Хай-Вилоха – собственника сети, в которую попал кит.

По срокам проведения китовая церемония, как правило, не совпадала со временем непосредственной добычи животных, а переносилась на позднюю осень, когда морская охота,

напротив, замирала. В Лорино китовый праздник начался 11 ноября 1931 г., примерно через месяц после удачного промысла, а в дальнейшем возобновился в феврале 1932 г., после повторного вскрытия ямы (АМАЭ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 24. Л. 5об.). Таким образом, можно говорить о хронологически-разнесенном событийном контексте китового ритуала в том случае, если добычей становился крупный зверь (гренландский кит), мяса которого хватало надолго. Но если размер кита не предполагал длительного хранения мяса, то праздник мог наступить тотчас после охоты, как это произошло в селении Куэль 11 октября 1900 г.

Структура китового праздника, как и других промысловых культов, предстает перед наблюдателями трехчастной, поскольку в ней вычленяются три узловых события: встреча животного, его «увеселение» (основная часть) и проводы. Однако по ряду причин данная структура размывалась, становилась нечеткой. Во-первых, акт встречи отрывался от основной части из-за отсроченности праздничных действий от момента добычи. Во-вторых, большая длительность китового праздника при добыче крупного животного приводит к тому, что он становится как бы обобщающим, вбирающим в себя те или иные действия других ритуальных или праздничных событий.

Поэтому наиболее структурированным выглядит китовый праздник в Куэле, ведь здесь все три части следовали одна за другой: после встречи на берегу люди пять дней праздновали в жилище, а утром шестого дня они «отправили» кита в море⁵. В обряде встречи прослеживается отношение к киту как к желанному гостю: животное встречают шествием, танцами, заклинательными выкриками, символически поят и кормят. Ритуал встречи, судя по литературе, был достаточно сложным и разработанным у береговых жителей Чукотки [2, с. 100; 24, с. 6, 7] и более простым у коряков Охотского побережья [29]; (АИВР. Ф. 23. Оп. 2. Д. 128. Л. 50об, 51).

В ходе разделки необходимо было позаботиться о заместительном сохранении целост-

⁴ *Камаки*, кроме того, считались охранителями селения, их происхождение связывали с первопоселенцем-основателем, потомки которого могли претендовать на особые права в отношении данной территории [29, р. 37, 38; 14, с. 10].

⁵ Возможно, что в прошлом и чукчи придерживались именно такого временного интервала основной части: Богораз, например, сообщает о пятидневном пребывании кита в жилище как о некоем каноне [2, с. 100]; Иванов, наблюдавший чукотские китовые праздники в середине 1920-х гг., также отмечает пятидневный срок первоначального (подготовительного) торжества [10, с. 397].

ности животного, то есть о создании его символического двойника, который воплощал кита во время церемоний в жилище. Это достигалось путем создания своего рода «натурального макета»⁶ или же искусственного изображения (модели) различной степени условности. Для «натурального макета» кита от разных частей его туши отрезали небольшие кусочки, которые помещали на шкуру разобщенными [2, с. 100] или же связанными между собой ремнем [3, с. 326]. «Натуральным макетом», по-видимому, можно признать и отдельные части кита (кусочки кожи, пласты китового мяса и жира), которые в качестве целого кита «участвовали» в таких церемониях праздника, как проводы в море, шаманское камлание. Однако натуралистичная заместительность не была единственным вариантом, часто она трансформировалась в имитацию тела животного моделями в виде деревянных отрезков и скульптур. Форма и размеры отрезков варьировали – от массивных столбов-камаков (о которых сказано выше) до веретенообразных палочек длиной до полуметра [29, р. 39, fig. 5e] или же, в случае имитации мелких ластоногих, совсем коротких кусочков веток [7, с. 239].

Также кита изображали в виде более или менее реалистичной скульптуры разного размера. Стеллер, например, отмечает, что олюторские коряки в ходе торжеств использовали огромную («длиною в 2 сажени», то есть более 4 м)⁷ деревянную модель животного, которую хранили на лабазе, а ее сбрасывание в море имитировали [21, с. 73]. На китовом празднике в Куэле размер подобной скульптуры составлял 21 см. Подготовить такую фигурку было гораздо проще, поэтому в море ее действительно выкинули, о чем сообщает Йохельсон-Бродская: «Завтра коряки отправляют белуху, т[о] е[сть] деревянное подобие дельфина бросают в море» (АИВР. Ф. 23. Оп. 2. Д. 128. Л. 58). Береговые коряки и эскимосы, как будет показано ниже, моделировали не только фигуру кита, но и других персонажей, значимых для китового праздника.

⁶ Здесь мы условно, в целях создания наглядного образа, применяем термин, введенный А. Д. Столяром для характеристики одного из этапов развития первобытного искусства [22].

⁷ Правда, этому противоречат синхронные данные Крашенинникова, который говорит не о сажнях, а о футах [11], то есть длина модели кита составляла примерно 60 см; а также более поздние сведения Миллера о размере модели длиною «в аршин», то есть немногим более 70 см [19, с. 472].

Обязательность действий, направленных на обеспечение эффекта присутствия на празднике того самого добытого кита (в виде «натурального макета» или различных моделей) не может не навести на аналогию с похоронным обрядом северо-восточных палеоазиатов (чукчей и коряков), когда тело усопшего в течение нескольких дней обязательно находится в жилище. Действительно, структура и содержательное наполнение этих ритуальных событий совпадает и по целям, и по способу их достижения (табл. 1).

Развлекающие действия на китовом празднике несут сильные положительно заряженные эмоции. Это и неудивительно – добыча животного сама по себе радостное событие, связанное с удовлетворением насущных потребностей. Однако имеется и иная, более глубинная подоплека происходящего – это намеренно разыгрываемая радость, трансцендентный посыл, адресатами которого являются обитатели не столько реального, сколько невидимого мира. Другими словами, это особый спектакль-пантомима, у которого есть два рода зрителей: первый воображаемый, но условно материально воплощенный – это сам добытый кит. Второй – это зрители полностью воображаемые, сородичи кита. Цель этой акции состоит в установлении прочных связей с виртуальным «китовым» миром, в который посылается сигнал – здесь, на земле, весело и радостно, сюда стоит вернуться. Позитивный эмоциональный настрой поэтому намеренно педалируется⁸, действительное положение земных дел приукрашивается. Киту (и его невидимым сородичам) демонстрируют достаток, предлагают обильное угощение, готовят щедрые гостинцы на «обратный путь».

Таким образом, кит в праздниках берегового населения выступает как почетный гость, который своим присутствием мотивирует людей к общему веселью. Участники пляшут, играют на бубнах, участвуют в различных состязаниях [10, с. 397–399; 24, с. 11]. Имеет место пиршество и даже объедание среди присутствующих [6, с. 34, 35], а также принудительный взаимный обмен вещами [23, с. 91; 18, с. 207]. Добытый зверь в этой ритуальной обстановке предстает как существо не умерщвленное и «присвоенное» людьми, а все еще самостоятельное, обладающее собственной волей, лишь на короткий срок находящееся в обществе людей.

⁸ Иногда это не соответствовало действительному настроению участников: как пишет Иванов, во время продолжительных китовых торжеств чукчи ходят «злые и невыспавшиеся» [10, с. 399].

**Примерная структура и содержание ритуального поведения
северо-восточных палеоазиатов**

Ритуальное событие	Развлекающие действия		Обеспечивающие действия	Трансцендентные практики
Китовый праздник	Танцы, пение, игра в бубен	Разговоры с «китом»	Приготовление сопроводительного инвентаря. Совместные трапезы	Гадание на голове ⁹
Похоронный обряд	Игры (в карты, в мяч)	Рассказывание смешных историй		

Такую витальность киту в глазах аборигенов придает его невидимая, но актуальная соединенность с сородичами – ведь он только гость, и его нужно настроить дружелюбно. Мирозренческую основу данных действий составляет идея гостевания, постоянного перемещения между мирами, круговорота животных. Надлежащая встреча и проводы гостя устанавливают обратную связь с потусторонним миром, что служит залогом успешного промысла в будущем. Таким образом, добыча имеет не только объективную, но и воображаемую ипостась, и люди, пребывающие с добычей в это время, также меняются ментально и акционально. Они выказывают сущностное и поведенческое слияние с этим воображаемым, «идеальным» зверем, то есть именно то религиозное состояние, которое квалифицируется как тотемизм.

Тотемически ориентированная гостевая структурная модель китового праздника, переживаемое эмоциональное единение со зверем не могли не оказать влияние на смежные стороны жизни общества. Именно поэтому, на наш взгляд, между промысловым культом и похоронной церемонией возникли поведенческие транспонировки, имеющие общее ментальное происхождение. Другими словами, мы полагаем, что поразительные соответствия между промысловым праздником кита и похоронной церемонией северо-восточных палеоазиатов являются обратным эффектом воображаемой ассоциации с животным. Если люди, пусть и ситу-

ативно, преобразуются в «китовый народ», то добыча животного и смерть человека становятся событиями одного порядка. Европейских наблюдателей всегда удивляло, с какой сдержанностью и даже весельем протекают похороны у чукчей и коряков. Установка на то, что человек «должен уйти весело» противоречит западному мирозрению. Но такое шокирующее поведение можно объяснить влиянием охотничьего опыта – во время похорон специально создается эмотивная ситуация, аналогичная промысловому празднику. Указанные ментальные и акциональные транспонировки могли привести и к такому концептуальному сдвигу внутри сообщества, в результате которого появился институт добровольной смерти.

В самом деле, собранные исследователями сведения дают основание полагать, что охота в глазах коренных жителей Севера являлась не простым умерщвлением животного, а установлением с ним доверительных отношений, вследствие которых добыча добровольно сдавалась охотнику. Удачную добычу аборигены воспринимали как согласие животного на добровольную смерть [4, с. 157–159]. Беретти указывал, что исход китовой охоты зависел от желания самого животного, и, если по всем признакам выходило, что кит не желает быть добытым, то промысел прекращали [1, с. 36, 37, 77]. И коль скоро люди объединяются с китами в единый народ, система договорных отношений, охватывающая вопросы жизни и смерти, распространяется и на мир самих людей. Человек, принявший добровольную смерть, заслуживает таких же почестей, как и намеренно сдавшийся на выстрел зверь. Неслучайно в погребальном ритуале отчетливо прослеживается структура

⁹ Гадание на голове северо-восточные палеоазиаты проводят как по отношению к покойнику, так и по отношению к морскому зверю [8, с. 83], только в случае кита, голова которого слишком велика, используют головы более мелких морских животных.

китового (и иного промыслового, например, медвежьего) праздника с его обязательным развлечением добычи во время «лежания» в жилище и последующим отправлением к сородичам. Данная ритуальная структура в итоге приобрела универсальный характер, захватив не только животный, но и человеческий мир.

Таким образом, в китовом празднике прослеживается стремление людей солидаризоваться с морскими животными для того, чтобы выполнить ту основную функцию (привлечение зверей в селение), ради которой создаются конкретные объекты (камаки, «натуральные макеты», модели) и вырабатывается соответствующая им онтология (множественность и взаимопроницаемость миров, взаимные транспонировки и трансформации живых и неживых существ).

Тотемические установки промыслового культа влекут за собой практики своего рода телесного оборотничества, желая людей скрыть свой истинный облик, что проявляется в уже упомянутой разрисовке лиц, а также во взаимном надевании масок на людей и на добытых животных¹⁰. Под таким углом зрения китовый праздник предстает как лицедейство, представление охотниками (и всеми присутствующими) себя не теми, кем они являются на самом деле. Это не вполне доверительные отношения людей со зверем, а несколько асимметричные, которые достигают апогея в так называемом кукольном спектакле. Суть его заключается в том, что во время китового праздника воспроизводится критичный для кита эпизод – обстоятельства его добычи. Чукчи Уэлена, по Иванову, представляли этот эпизод как сочетание движений управляемых людьми предметов (модели байдар, весел, гарпунов, уток и кита, подвешенные на веревках через блоки) и пантомиму (распорядитель праздника разыгрывает момент добычи животного) [10, с. 399].

Науканские эскимосы, согласно свидетельствам очевидцев, разыгрывали этот эпизод как постановку, в которой действовали исключительно модели. Они также не находились в статичном состоянии, а двигались, выказывая при этом характерные признаки и действия. В реконструированной в 1970-х гг. версии наукан-

ского ритуала, известной по работам Теина [23; 24], применялась сложная система подвесных веревок и лесок, а также технические приспособления, что и обеспечивало динамику. Вначале по центру жилища проплывала фигура кита, выпуская (с помощью велосипедного насоса) фонтанчик воды, смешанной с известью; за ним двигалась модель байдары с деревянными фигурками людей; оттуда вылетала стрела с магнитом (модель гарпуна), поражая кита, на котором также размещался магнит. С потолка падал мешок с угощениями, вслед за этим из углов жилища к его центру устремлялись фигурки четырех уток, за ними вылетали две скульптурки пуночек. Наконец, о потолок ударяли подвешенными моделями двух весел [24, с. 12–18].

Меновщиков описывает у науканцев не такую грандиозную, но все же технически достаточно сложную постановку кукольного спектакля, где была задействована система ремней и блоков (роликов), с помощью которых с потолка спускали наполненный жирник, а к нему с четырех углов двигались модели байдар с человечками и веслами. Как пишет Меновщиков, «это изображение охоты на морского зверя. <...> Жирник – это кит в море. К нему подходят байдары с охотниками» [18, с. 206].

Таким образом, науканский китовый праздник демонстрирует довольно изощренную работу по миниатюризации и моделированию персонажей китовой охоты и постановке кукольных сцен и в этом аспекте может быть интерпретирован как завершающее звено ритуальной «цепочки», составными частями входящей в другие праздники берегового населения. Сопоставимые предметы (подвешенные к сетям птичьих фигурки и весла) использовались в описанном Богоразом [2, с. 89, 90] благодарственном празднике Кереткуна, но здесь они занимали неподвижное, статичное положение. Дальнейшее развитие «материальной части» и появление динамизма, а вместе с тем зрелищности усматривается в эскимосском празднике «хождения кругом», на котором уже имелось механическое приспособление в виде колеса, вращающего шест, на котором укреплена рама с подвешенными к ней фигурками кита и байдар с охотниками [2, с. 97]. При повороте колеса шест вращался, рама двигалась и создавала игрушечную имитацию обстановки охоты – байдары преследуют кита.

Материалы о китовых праздниках в Лорино и Куэле не содержат сведений о кукольных представлениях, но не приходится сомневаться,

¹⁰ На китовом празднике в Куэле голова белого кита и обоих тюленей были укутаны в капюшон из травы и помещены на крыше амбара, две женщины также надевали на себя травяные маски [29, р. 71, 74]; науканские эскимосы на празднике надевали деревянные маски [18, с. 205].

что подобные действия существовали у береговых коряков. Дело в том, что Иохельсон во время Джезуповской экспедиции приобрел у коряков селений Таловка и Каменское вырезанные из дерева фигурки, которые во время китового праздника располагались именно у горящего жирника и «наблюдали» за плавающей в нем китовой кожей. Жирник в данном случае символизировал море, кусочки китовой кожи – самого кита [29, р. 39], а наблюдателей, по аналогии с вышеописанными ритуалами, можно считать охотниками. Не случайно они имели, в основном, антропоморфный облик. Охотники, по нашему мнению, скрываются и за палочками, символизирующими нерп у олиторцев, поскольку они были субъектами такого «наблюдения» у горящего жирника [7, с. 239]. Все эти фигурки – от палочек до человечков – это охотники, прячущие свой истинный облик. Именно такой подход, как нам кажется, проливает свет на причины появления в «сценографии» китового ритуала столь необычного кукольного спектакля.

Итак, китовый церемониал представляет собой комплекс действий, связанных с различными взглядами на роль кита, на обязанности людей по отношению к киту и с вытекающими отсюда разнообразными моделями ритуального поведения. Множественность ролей самого добытого животного обуславливает многослойность праздника, его открытый и аккумулирующий характер. Кит предстает как сородич, пусть и временно усопший, но способный к возрождению, и эти тотемические представления транслируются на погребальную обрядность. Далее, кит – это гость, добровольно пришедший к людям, и эта его ипостась влечет за собой целый ряд гостевых событий: постоянные совместные трапезы, игры и пляски, обмен подарками. Наконец, кит все же являлся промышленной добычей, и это «неудобное» обстоятельство требовало своего объяснения, для чего сцена добычи воспроизводилась в выгодном для охотников свете.

В итоге китовый церемониал инкорпорировал в себя действия, относившиеся к другим сакральным и несакральным событиям, при этом обряды и другие акции различным образом сочетались между собой, переплетались и трансформировались. Китовый праздник демонстрировал ярко выраженную тенденцию становиться обобщающим и в социальном плане – по продолжительности проведения, числу участников, по общей вовлеченности населения

всего поселка. При этом он не утрачивал личного характера, тесно связанного с персоной устроителя, в роли которого выступали наиболее зажиточные и удачливые в промысле члены сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беретти Н.Н. На Крайнем Северо-Востоке // Записки Владивостокского отдела Государственного Русского географического общества. Владивосток, 1929. С. 5–102.
2. Богораз В.Г. Чукчи. Ч. 2. Л.: Изд-во Главсевморпути, 1939.
3. Воблов И.К. Эскимосские праздники // Сибирский этнографический сборник. Вып. 1. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 320–334.
4. Виллерслев Р., Витебски П., Алексеев А.А. Жертвоприношение как идеальная охота: объяснение истоков доместикации северного оленя с точки зрения космологии // Этнографическое обозрение. 2016. № 4. С. 154–175.
5. Геннеп А. Обряды перехода. М.: Восточная литература, 1999.
6. Гехтман И.Е. Золотая Колыма. Очерки о прошлом. Магадан: Кн. изд-во, 1958.
7. Гурвич И.С. Корякские промысловые праздники // Сибирский этнографический сборник. Т. 4. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 238–257.
8. Гурвич И.С. Таинственный чучуна. М.: Мысль, 1975.
9. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. М.: Канон+, 1998. С. 174–231.
10. Иванов П.П. «Лишь действительно практическая работа даст возможность... двинуть этот богатейший край по пути действительно революционного строительства» (Информационный материал о Чукотке, 1926 г.) // Вопросы истории Камчатки. Вып. 1. Петропавловск-Камчатский: Новая книга, 2008. С. 369–407.
11. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.–Л.: Изд-во Главсевморпути, 1949.
12. Крупник И.И., Богословская Л.С. Комментарии к фотографиям раздела I // Тропой Богораза. Научные и литературные материалы. М.: Институт Наследия – ГЕОС, 2008. С. 51–52.
13. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.
14. Леонтьев В.В. Об этнографическом обследовании Северо-Восточной части Чукотского района (сентябрь–октябрь 1964 г.). Отчет по

теме НИР. Магадан, 1965 // Архив СВКНИИ ДВО РАН, инв. № 511.

15. Лич Э. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии. М.: Восточная литература, 2001.

16. Меновщиков Г.А. Эскимосы. Магадан, 1959.

17. Меновщиков Г.А. На Чукотской земле: Из записок учителя. Магадан: Кн. изд-во, 1977.

18. Меновщиков Г.А. Китовый праздник полъа у науканских эскимосов // Страны и народы Востока. Вып. 20. М.: Наука, 1979. С. 202–207.

19. Миллер Г.Ф. О китовой ловле около Камчатки // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1757. Май. С. 470–479.

20. Стебницкий С.Н. Очерки этнографии коряков. СПб.: Наука, 2000.

21. Стеллер Г.В. Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский: Книжное изд-во, 1999.

22. Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М.: Искусство, 1985.

23. Теин Т.С. Эскимосский праздник кита «полъа» (на примере поселка Наукан) // Краеведческие записки. Вып. 10. Магадан: Кн. изд-во, 1975. С. 88–94.

24. Теин Т. С. Праздники эскимосов. Магадан: Кн. изд-во, 1984. 32 с.

25. Теин Т.С. И было так. Очерки традиционной культуры азиатских эскимосов. Магадан: Обл. центр нар. творчества и досуга, 1992.

26. Тернер В. Символ и ритуал. М.: Наука, 1983.

27. Фрейд З. Тотем и табу. Психология первобытной культуры и религии. СПб.: Азбука-классика, 2005.

28. Хаховская Л.Н. Морские зверобои Чукотки в период первоначальных советских реформ // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 168–182.

29. Jochelson, W., 1905. The Koryak. Religion and myths. Publications of the Jesup North Pacific Expedition. Vol. VI. Part I. Leiden; New York.

REFERENCES

1. Beretti, N.N., 1929. Na Krainem Severo-Vostoke [In the Far Northeast]. In: Zapiski Vladivostokskogo otdela Gosudarstvennogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Vladivostok, pp. 5–102. (in Russ.)

2. Bogoraz, V.G., 1939. Chukchi [Chukchi]. Leningrad: Izdatel'stvo Glavsevmorputi. (in Russ.)

3. Voblov, I.K., 1952. Eskimosskie prazdniki [Eskimo holidays]. In: Sibirskii etnograficheskii

sbornik. Vyp. 1. Moskva–Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 320–334. (in Russ.)

4. Willerslev, R., Vitebski, P. and Alekseev, A.A., 2016. Zhertvoprinoshenie kak ideal'naya okhota ob'yasnenie istokov domestikatsii severnogo olenya s tochki zreniya kosmologii [Sacrifice as the ideal hunt: a cosmological explanation for the origin of reindeer domestication], Etnograficheskoe obozrenie, no. 4, pp. 154–175. (in Russ.)

5. Gennep, A., 1999. Obryady perekhoda [The rites of passage]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)

6. Gekhtman, I.E., 1958. Zolotaya Kolyma. Ocherki o proshlom [The Golden Kolyma. Essays on the past]. Magadan: Knizhnoe izdatel'stvo. (in Russ.)

7. Gurvich, I.S., 1962. Koryakskie promyslovye prazdniki [Koryak fishing holidays]. In: Sibirskii etnograficheskii sbornik. T. 4. Moskva: Izdatel'stvo AN SSSR, pp. 238–257. (in Russ.)

8. Gurvich, I.S., 1975. Tainstvennyi chuchuna [The mysterious chuchuna]. Moskva: Mysl'. (in Russ.)

9. Durkheim, E., 1998. Elementarnye formy religioznoi zhizni [The elementary forms of religious life]. In: Mistika. Religiya. Nauka. Klassiki mirovogo religiovedeniya. Antologiya. Moskva: Kanon+, pp. 174–231. (in Russ.)

10. Ivanov, P.P., 2008. «Lish' deistvitel'no prakticheskaya rabota dast vozmozhnost'... dvinut' etot bogateishii kraj po puti deistvitel'no revoliutsionnogo stroitel'stva» (Informatsionnyi material o Chukotke, 1926 g.) [«Only real practical work will make it possible ... to move this richest land along the path of truly revolutionary construction» (Information material on Chukotka, 1926)]. In: Voprosy istorii Kamchatki. Vyp. 1. Petropavlovsk-Kamchatskii: Novaya kniga, pp. 369–407. (in Russ.)

11. Krashennnikov, S.P., 1949. Opisanie zemli Kamchatki [Description of the land of Kamchatka]. Moskva–Leningrad: Izdatel'stvo Glavsevmorputi. (in Russ.)

12. Krupnik, I.I. and Bogoslovskaya, L.S., 2008. Kommentarii k fotografiyam razdela I [Comments on the photos in section I]. In: Tropoyu Bogoraza. Nauchnye i literaturnye materialy. Moskva: Institut Naslediya – GEOSS, pp. 51–52. (in Russ.)

13. Levi-Strauss, C., 2001. Strukturnaya antropologiya [Structural anthropology]. Moskva: Izdatel'stvo EKSMO-Press. (in Russ.)

14. Leont'ev, V.V., 1965. Ob etnograficheskom obsledovanii Severo-Vostochnoi chasti Chukotskogo rayona (sentyabr'-oktyabr' 1964 g.) [On the

ethnographic survey of the Northeastern part of the Chukotka region (September-October 1964)]. Otchet po teme NIR. Archives of SVKNII DVO RAN, № 511. (in Russ.)

15. Leach, E., 2001. Kul'tura i kommunikatsiya: logika vzaimosvyazi simvolov. K ispol'zovaniyu strukturnogo analiza v sotsial'noi antropologii [Culture and communication: the logic by which symbols are connected]. Moskva: Vostochnaya literatura. (in Russ.)

16. Menovshchikov, G.A., 1959. Eskimosy [Eskimos]. Magadan: Knizhnoe izdatel'stvo. (in Russ.)

17. Menovshchikov, G.A., 1977. Na Chukotskoi zemle: Iz zapisok uchitelya [On the Chukchi land: From the teacher's notes]. Magadan: Knizhnoe izdatel'stvo. (in Russ.)

18. Menovshchikov, G.A., 1979. Kitovyi prazdnik pol'a u naukanskikh eskimosov [Whale festival pol'a in the Naukan Eskimos]. In: Strany i narody Vostoka. Vyp. 20. Moskva: Nauka, pp. 202–207. (in Russ.)

19. Miller, G.F., 1757. O kitovoi lovle okolo Kamchatki [About whale fishing near Kamchatka], Ezhemesyachnye sochineniya, k pol'ze i uveseleniyu sluzhashchie, May, pp. 470–479. (in Russ.)

20. Stebnitskii, S.N., 2000. Ocherki etnografii koryakov [Essays on the ethnography of the Koryaks]. Sankt-Peterburg: Nauka. (in Russ.)

21. Steller, G.V., 1999. Opisanie zemli Kamchatki [Description of the land of Kamchatka]. Petropavlovsk-Kamchatskii: Knizhnoe izdatel'stvo. (in Russ.)

22. Stoliar, A.D., 1985. Proiskhozhdenie izobrazitel'nogo iskusstva [The origin of fine art]. Moskva: Iskusstvo. (in Russ.)

23. Tein, T.S., 1975. Eskimoskii prazdnik kita «pol'a» (na primere poselka Naukan) [Eskimos festival of the whale «pol'a» (on the example of Naukan village)]. In: Kraevedcheskie zapiski. Vyp. 10. Magadan: Knizhnoe izdatel'stvo, pp. 88–94. (in Russ.)

24. Tein, T.S., 1984. Prazdniki eskimosov [Eskimo holidays]. Magadan: Knizhnoe izdatel'stvo. (in Russ.)

25. Tein, T.S., 1992. I bylo tak. Ocherki traditsionnoi kul'tury aziatskikh eskimosov [And so it was. Essays on the traditional culture of Asian Eskimos]. Magadan: Oblastnoi tsentr narodnogo tvorchestva i dosuga. (in Russ.)

26. Turner, V., 1983. Simvol i ritual [Symbol and ritual]. Moskva: Nauka. (in Russ.)

27. Freid, Z., 2005. Totem i tabu. Psikhologiya pervobytnoi kul'tury i religii [Totem and taboo. Psychology of primitive culture and religion]. Sankt-Peterburg: Azbuka-klassika. (in Russ.)

28. Khakhovskaya, L.N., 2012. Morskie zverboi Chukotki v period pervonachal'nykh sovetskikh reform [Sea hunters of Chukotka during the time of initial Soviet reforms], Etnograficheskoe obozrenie, no. 6, pp. 168–182. (in Russ.)

29. Jochelson, W., 1905. The Koryak. Religion and myths. Publications of the Jesup North Pacific Expedition. Vol. VI. Part I. Leiden; New York.

И.А. Головнев*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СООБЩЕСТВА В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ КИНО: «ТУМГУ» А.А. ЛИТВИНОВА

Данная статья, основанная на архивных материалах, нацелена на введение в научный оборот информации об этнографическом фильме «Тумгу» (1931) режиссера А.А. Литвинова как многослойном визуально-антропологическом документе. Автор рассматривает особенности киноповествования об эволюции этнического сообщества коряков Камчатки в период культурных и экономических преобразований в СССР на рубеже 1920-х – 1930-х гг., созданного в упомянутом фильме, в контексте специфики советского кинопроизводства и в связи с параллельными процессами в государственной национально-культурной политике.

Ключевые слова: этнографическое кино, визуальная антропология, «Тумгу», А.А. Литвинов, Камчатка, коряки

Ethno-cultural communities in ethnographic films: Alexander Litvinov's «Tumgu». IVAN A. GOLOVNEV (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography)

Based on archival materials the article focuses on the story of ethnographic film «Tumgu» (1931) directed by A.A. Litvinov as a multilayered document of visual anthropology. The author examines the features of the film narrative about the evolution of the Koryak ethnic community of Kamchatka during the period of cultural and economic transformations in the USSR at the turn of the 1920s and 1930s in the context of the specifics of Soviet film production and in connection with parallel processes in the Soviet national-cultural policy.

Keywords: ethnographic films, visual anthropology, «Tumgu», A.A. Litvinov, Kamchatka, Koryaks

История создания фильма

Рубеж 1920-х – 1930-х гг. явился периодом активного развития этнографического кино в СССР. Производство так называемых «культурфильмов» (включая этнографические) демонстрировало количественный рост, выделились студии, активно производившие культурфильмы – «Совкино», «Востоккино», «Культурфильм» и др. На это же время приходится и стадия качественных изменений в этнокино-

процессе, что выразилось в появлении полноформатных авторских фильмов о народах, когда в направлении этнокино работали ведущие кинодокументалисты страны – Дзига Вертов, В.А. Ерофеев, А.А. Литвинов и др.

Александр Аркадьевич Литвинов (1898–1977) по праву считается основателем отечественного этнографического кино. Он был первым профессиональным кинорежиссером, целенаправленно посвятившим себя созданию

* ГОЛОВНЕВ Иван Андреевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук.

E-mail: golovnev.ivan@gmail.com

© Головнев И.А., 2018

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-59-23007.

этнографических фильмов. Особенностью его творческой методологии было обеспечение профессионального паритета кинематографии и этнографии в процессе производства этнокино: в своей работе он тесно сотрудничал с известным исследователем Дальнего Востока и писателем В.К. Арсеньевым. Результатами их со-творчества стала серия этнографических фильмов о дальневосточных народностях – удэгейцах, коряках, эвенгах [1]. Причем роль В.К. Арсеньева не сводилась к позиции формального консультирования киноработ: он принимал деятельное участие в разработке маршрутов кинопоходов, в создании сценариев для съемок, в организации и снаряжении экспедиций. В частности, по архивным свидетельствам, именно В.К. Арсеньев стал инициатором организации киноэкспедиции «Совкино» на Камчатку. Сохранившаяся в арсеньевском архиве «Объяснительная записка», адресованная руководству студии «Совкино», где работала группа А.А. Литвинова, гласит:

«1/ Местом работы Совкино-экспедиции в 1929 году предполагается наименее исследованный уголок Охотского моря /залив Шелихова, Пенжинская губа и вообще весь Гижигинский район/.

2/ Этот район весьма богат наземными и морскими животными и птицами. В слоях торфа залегают кости ископаемых толстокожих /мамонтов/. Там можно наблюдать исключительные по грандиозности приливы, достигающие высоты в 12 метров, а во время отливов берег оголяется на 25 километров.

3/ Население Гижигинского района составляют: ламуты /классические скитальцы по тайге и тундре/ и сидячие коряки, живущие в подземных жилищах. Последние славятся как хорошие китобои, причем на убой морского зверя они выезжают на кожаных байдарках и уходят иногда далеко в открытое море. Оленные коряки обитают в глубине страны. У них имеются табуны в 10–12 тысяч голов. Поразительное зрелище представляют выброшенные на берег животные, которых поедают миллионы птиц, множество песцов, лисиц, волков и других хищников.

4/ Пенжинский район не только никогда не снимался, но о нем нет даже сведений в литературе и поэтому каждый кадр является открытием, имеющим большое научное значение.

5/ Вышеперечисленный материал является фоном, на котором нужно создать изумительную кинокартину. Сейчас написать либретто по

многим причинам невозможно, потому что составление его и сценария является делом лиц, которые будут создавать этот фильм на местах. Сейчас можно дать только общие указания /редактирование и непосредственную консультацию/, как в гор. Владивостоке, так и у туземцев на местах. При этих условиях экспедиция достигнет наибольших результатов с наименьшей затратой денежных средств, времени и сил» (Архив Общества изучения Амурского края, далее – АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 56. Л. 21).

Национализация кинематографа способствовала концентрации управления всеми ключевыми процессами (тематическое планирование, производство, прокат) в руках единого продюсера – советского государства. И поскольку национальный вопрос был одним из ключевых в большевистской программе, то именно этнографическое кино было призвано стать средством массовой информации и агитации в направлении советизации национальных территорий нового многоэтничного Союза. Согласно директивам партии, в этот период все крупные киностудии получали в свой тематический план задания по созданию этнографических фильмов [2]. Поэтому начальство «Совкино» с интересом откликнулось на инициативу В.К. Арсеньева, и в конце 1928 г. был запущен масштабный дальневосточный проект кинофабрики – Камчатская киноэкспедиция во главе с режиссером А.А. Литвиновым, стартовавший из Москвы через Владивосток в Петропавловск-Камчатский. По воспоминаниям А.А. Литвинова, в краевом центре киногруппа вынужденно задержалась – для «консультаций» с местными партийными организациями, которые давали свои рекомендации относительно содержания будущих фильмов и прежде всего – по поводу показа роли партии в прогрессивных изменениях в жизни советской Камчатки [3]. После чего киногруппа направилась в полуторагодичную экспедицию вглубь *terra incognita*. В начале сентября 1929 г. на шхуне «Чукотка» киногруппа А.А. Литвинова покинула последний оплот цивилизации на Камчатке – Усть-Тигиль и выехала на север в Приполярную область для съемок двух фильмов: о коряках («Тумгу») и о ламутах¹ («Оленный всадник»).

Раннее наступление по-зимнему суровых температур застало киногруппу в пути. Изменившиеся погодные условия требовали климатической адаптации и новой экипировки, лучшим вариантом которой была одежда и обувь

¹ Устаревшее название современных эвенгов.

коренных жителей Камчатки. Реализуя арсеньевский экспедиционный принцип максимального погружения в туземную культуру, киноработники с интересом пробовали местную пищу и переодевались в одежду местных жителей: «За два дня пребывания в Каменской фактории мы подготовились к работе в зимних условиях. Из шкур молодых оленей (пыжиков) местные мастерицы-корячки сшили нам кукули – спальные мешки. В фактории мы приобрели кухлянки, торбаса, малахай, меховые штаны и меховые чулки. Одним словом, экипировались» [3, с. 104].

В октябре 1929 г. киногруппа приступила к съемкам фильма о коряках. К тому времени киногруппа уже закалилась опытом съемок в местных условиях, работала слаженно и с полным пониманием своих обязанностей каждым из участников. Пока администратор И.И. Дорогов договаривался с коряками об очередных съемках, оператор П.М. Мершин и его помощник А. Приезжев упаковывали кассеты с пленкой в оцинкованные ящики, чтобы не промочить в пути, а режиссер А.А. Литвинов перечитывал и сверял с реальностью сценарий. В своем полевом дневнике А.А. Литвинов записал: «13 октября 1929 г. Пишу в палатке на берегу Пенжинской губы. Выше, на крутой сопке расположено корякское селение Орночек. Пуржит, холодно. Сидим у моря, ждем съемочной погоды, чтобы выехать на съемку охоты на нерпу (морские животные из породы ластоногих) ... 10 октября мой ассистент-администратор Дорогов договорился с коряками о поездке на аппапель (святой остров) снимать охоту на нерпу» (Государственный архив Свердловской области, далее – ГАСО. Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 25. Л. 1).

Во время съемок группе А.А. Литвинова часто приходилось сталкиваться с культурными табу местного населения. Так было, к примеру, во время съемок вышеупомянутой сцены охоты на нерпу на святом для коряков острове. Коряки не учитывали особенности работы киногруппы, проведя охоту молниеносно, и литвиновцы попросту не успели ничего заснять.

В особых случаях А.А. Литвинов вынужден был прибегать к постановочным методам съемки. По воспоминаниям режиссера, только заранее согласовав с коряками специфические правила игры, киногруппа сумела снять непростой эпизод: «Сегодня командовал охотой я. Коряки не возражали. «Не стрелять», – тихо сказал я. Укрывшись за большим торосом, мы начали снимать животных. Наконец, я разрешил при-

ступить к охоте. Оператор неотступно следовал за охотниками... Охота оказалась удачной не только для коряков, убивших около 20 нерп, но и для нас. Аппараты засняли весь процесс охоты» [3, с. 113].

Постановочная охота по-своему понравилась и корякам, добывшим много нерп, в то время как странные русские лишь целились, но не стреляли. Совместное проживание и преодоление трудностей в пути, проведение промыслов и отправление культов постепенно сближали местных охотников и приезжих кинематографистов, упрощая процесс киносъемки.

Вновь столкнуться с блокирующими суевериями киногруппе А.А. Литвинова пришлось во время работы над сценой корякских похорон. Режиссер вспоминал: «Работа у коряк чрезвычайно затруднительна. То и дело натыкаешься на фразу «этого делать нельзя, это святое, а это грех», и так во многих случаях нашей съемочной работы. Повторить, инсценировать похороны возможно (у кинематографистов нет ничего невозможного), но очень трудно. Нужна большая и продолжительная дипломатическая работа, а посему напрягаем все имеющиеся в запасе силы (которые еще остались у нас после десятимесячного путешествия) – бежим... Погребальная процессия остановилась подле замерзшей речки, на высоком берегу. Прибежали вовремя. Несмотря на холод, сбрасываем кухлянки (оленьи дохи), готовимся к съемке... В тундре, подле замерзшей речки сожгут покойника – «первобытная кремация» (ГАСО. Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 25. Л. 4).

В дневниках А.А. Литвинова сохранился отдельный очерк под названием «Крематорий в тундре», посвященный описанию традиционных корякских похорон, выдержки из которого представляют как кинематографический, так и этнографический интерес: «Пришедшие коряки легко поднимают большие бревна на плечи и сносят к месту сожжения. Тут же стоит нарта (санки) с покойником, одетым в белую кухлянку и белые торбаса (меховые сапоги). Белый цвет – цвет печали и траура. У изголовья сидит женщина, родственница, только она одна по обычаю может присутствовать при сожжении. Жена остается дома. С крыши юрты смотрит, ждет, когда на горизонте закрубится дым от костра – муж тронется тогда «в дальний путь»... Снимаем покойника, костер со всех сторон, со всех планов – материал не повторить... Но вот готов костер. Высота его почти в полтора человеческих роста. Нарту поднимают на верх

костра, снимают покойника с нарты, кладут на бревна. Нарту быстро убирают. Поджигают стружки, подкладывают под плавник. Пламя быстро схватило сухой плавник. Запылал костер. Молча сидят в стороне коряки, задумчиво глядят на горящий плавник. Только сын стоит у костра, устремив неподвижный взор на языки разгорающегося пламени, украдкой вытирает рукавом набежавшую слезу. Он не должен плакать – отец уехал в новую жизнь. Крутим, все крутим. Принесенный кустарник разбрасывают вокруг костра. Разбросанный кустарник избражает непроходимую тайгу, в которой умерший должен будет заблудиться, в случае если пожелает возвратиться в юрту. Не ждут пока догорит костер. Гуськом направляются к селению. Обратную дорогу путают, делая круги в одном месте, чтобы покойник, все же выбравшись из кустарника, не смог бы по следу прийти в селение. Крутим, все крутим с лихорадочной торопливостью, ибо коряки не ждут – «грех» (ГАСО. Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 25. Л. 7).

Во время похорон кинематографистам приходилось соблюдать все необходимые правила и выполнять обрядовые действия наряду с другими участниками церемониала: путать следы, перепрыгивать через преграды, параллельно снимая происходящее на пленку, – работать методом участвующей камеры.

Иногда для того, чтобы снять ценный материал, приходилось вынужденно «редактировать» местные традиции для киносъемок. Так было, к примеру, во время работ киногруппы в селении Парень в конце октября 1929 г., когда необходимо было снять корякский праздник наступления зимы, сопровождавшийся ночным жертвоприношением лучших ездовых собак. Литвиновцы пошли на переговоры с местным лидером советской власти, чтобы тот попросил шамана провести обряд в светлое время суток. Конечно, для успешного достижения цели подобная необходимость требовала адекватного для корякской культуры обоснования. Корякский деятель Советов Хачелевин после разговора с шаманом Тутавой докладывал А.А. Литвинову: «Я так сказал Тутаве: “Зачем бьешь собак ночью? Так нехорошо. Бог ночью сидит наверху, смотрит вниз, ничего не видит. Темно. Не видит, какую собаку убил Тутава – плохую или хорошую”. Крепко думал Тутава и потом ответил: “Ты говоришь правду, Хачелевин. Об этом я не подумал. Всю жизнь бью собак ночью...” Потом я еще говорил ему: “Тутава, русские хотят смотреть, как ты хорошо бьешь для бога собак. Я

думаю, это можно, не грех. Пускай посмотрят, какой Тутава умный” [3, с. 142].

Получив положительный ответ, А.А. Литвинов и П.М. Мершин немедленно приступили к подготовительной работе. При консультативной помощи рекомендованного В.К. Арсеньевым этнографа К.Э. Баурмэна (АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 56. Л. 15), работавшего в это же время в Парени, они составили монтажные листы, чтобы подробно проработать накануне киносъемки весь ритуал жертвоприношения. Такая раскадровка до съемки документального материала нужна была группе А.А. Литвинова для того, чтобы структурировать исходное событие, определить, какие моменты действия наиболее важны и как именно их лучше снимать, чтобы в процессе съемок не было излишней суеты и не пропал ни один ценный кадр. Это действительно дисциплинировало группу на съемках, особенно в моменты языческих жертвоприношений, первоначально непривычных для нетренированных нервов приезжих кинематографистов, но со временем становившихся привычными деталями экспедиционной реальности (ГАСО. Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 29. Л. 98). К середине осени съемки фильма были завершены, и 20 ноября 1929 г. киногруппа А.А. Литвинова покинула корякское селение Парень. В телеграмме А.А. Литвинов сообщал В.К. Арсеньеву об успешном завершении съемок среди коряков, а также о соблюдении намеченного графика и плана работ киноэкспедиции (АОИАК. Ф. 14. Оп. 2. Д. 56. Л. 20).

Полуторагодичная Камчатская экспедиция «Совкино» 1929–1930 гг. по части маршрутов явилась одной из самых длительных и сложных в истории советского кинематографа. Ее результатами стали четыре фильма: два обзорных экономико-географических очерка («Неведомая земля» и «Оживающий полуостров»), и два этнографических фильма – «Оленный всадник» (о ламутах) и «Тумгу» (о коряках) (рис. 1, 2).

«Камчатская сюита» – на лучших экранах страны

После окончания экспедиционных съемочных работ производство фильмов Камчатской киноэкспедиции было завершено в Москве в 1931 г. на кинофабрике, переименованной к тому времени в «Союзкино». Они были приняты Комитетом по кинематографии и сданы в госкиноархив. Тогда же состоялась всесоюзная кинопреьера так называемой (в прессе) «Камчатской сюиты» [4, с. 3]. Афиши призыв-

Рис. 1, 2. Кадры из фильма «Тумгу». Из фондов Государственного архива Свердловской области

но гласили: «На лучших киноэкранах страны!» (ГАСО. Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 93. Л. 42). Помимо прочих материалов, в архиве А.А. Литвинова сохранился и «Отзыв редакции журнала «Советский Север» на фильм “Тумгу”» следующего содержания:

«В картине даны сцены охоты на пушного зверя (белку, лисицу, песца), на морского зверя (нерпу) и сцены ловли рыбы всевозможными способами. В картине даны, между прочим, моменты внутреннего быта, характеризующие религиозные верования коряков (сцена с умершим, похороны его путем совершения первобытной кремации на костре и т. д.), показаны народные танцы, а также показан внешний и внутренний быт жилищ коряков. Во время зимы в эти жилища нужно спускаться через отверстие, служащее одновременно и дымовой трубой, и примитивной лестницей. Устройство над жилищем воронкообразных приспособлений вместо крыши вызывается необходимостью защиты их от заносов, метелей, пурги, и бурана. В картине даны сцены из жизни ярмарки, с показом рукопашной борьбы на морозе голых туземцев. Кстати сказать, эта сцена борьбы занимает настолько значительное место, что затушевывает отдельные стороны работы ярмарки... В картине даны небольшие моменты, характеризующие работу по советизации.

К сожалению картина совершенно не отображает классовую борьбу, не показывает классового расслоения и форм классовой эксплуатации. Очень слабо показаны и освещены успехи советского строительства. Будучи насыщенной бытовым, этнографическим и промышленно-производственным материалом, картина в то же время не имеет не только сюжета, но и центральной стержневой установки, вокруг которой можно было бы с успехом расположить этот богатый материал.

Тем не менее материал картины представляет большой интерес и ценность, дает широкую возможность для конкретного изучения хозяйственно-бытовых, производственно-промышленных условий и процессов из жизни коряков. Благодаря такому богатому материалу, изобилующему не только интереснейшими сценами из области охотничьего, рыболовного и морского зверобойного промыслов, он и видами и ландшафтами дальневосточной окраины, а также и показом внутренне-бытовой жизни коряков (их обряды, танцы, родственные отношения), кинофильм представляет и экспортную ценность, так как по своей насыщенной экзотике он пре-

восходит многие кино-картины капиталистических стран. От редакции журнала «Советский Север» – П. Устюгов» (ГАСО. Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 93. Л. 41).

Как видно, ведомственная цензура ждала и итоговый фильм, ведь госзаказчику были нужны идеологически выверенные кинопроизведения – для дальнейшего применения в образовательных процессах и с целью пропаганды советскости среди широких зрительских масс. В связи с вышеупомянутой ролью партии в создании этнокино исследовательский интерес представляет и методразработка для фильма «Тумгу» о коряках, сохранившаяся в архиве А.А. Литвинова, где помимо общих рекомендаций по применению данного этнофильма в образовательных мероприятиях и базовых сведений по этнографии коряков была подробно прописана идеологическая часть, включая ссылки на сталинские высказывания по национальному вопросу и «цитаты» основных линий советской национальной политики на национальных окраинах СССР. Ниже в статье, для трансляции максимально полного информационного эффекта, приводится полный текст данного уникального документа, за авторством режиссера:

«Методразработка для фильма “Тумгу”. Редакция Методбюро сектора продвижения фильмов Союзкино. Москва. Политпросветфильма в 6 частях, 1700 метров, пр-во Союзкино. Разрешена ГРК для всякой аудитории сроком по 1/IV – 33 г. Выпуск 1931 г.

Тема. Советизация Дальне-Восточного края. Быт и занятия камчадалов, северной народности “Тумгу” (коряков).

Содержание. Дальне-Восточный край. Северо-Восточный угол Охотского моря. Пенжинский район Камчатского округа. Быт оленеводов-коряков – оседлых и кочевников. Жилище коряков, способы передвижения (собаки, олени, байдары). Охота на нерпу (морское животное). Болезнь и смерть оседлого коряка. Ритуал похорон и первобытная кремация.

Наступление весны, проснувшиеся звери, ход рыбы (кета) и приготовление людей к сезонной работе. Осень. Оленеводы, спустившиеся весной к устьям рек, снова угоняют скот в горы. Оседлые на больших лодках (байдарах), сделанных из кожи морского зверя (лахтака), приступают к охоте на нерпу.

Суровая приполярная зима сковала бассейн Пенжинской губы. Оседлые коряки встречают зиму жертвоприношением богу. Убивают ездо-

вых собак, а чтобы бог «заметил» жертву – вешают ее на кол над своей юртой.

Приступают к обычной зимней работе: кузнечному делу (коряки – группа Пойтоллоу).

Финал фильма – ярмарка приполярных людей. Сюда съезжается на оленях, на собаках, сходитесь пешком население Пенжинского района. На ярмарке устраивают олени бега, борьбу, всевозможные игры. На ярмарке работают медпункты, ветеринар. Впервые на ярмарке появляется радио, кинопередвижка.

Методические указания.

Фильму можно использовать для работы как со взрослой, так и со школьной аудиторией. И в том и в другом случае к политокружению фильма следует привлечь педагога-географа или обществоведа, который сопровождал бы фильму соответствующими пояснениями.

В фойе или в зрительном зале рекомендует организовать выставку. На выставке можно повесить карту Дальнего Востока, причем Камчатку выделить карандашом или флажками. Тут же поместить фотографии из фильма. Если имеется возможность достать из музея несколько экспонатов, например: меховую корякскую одежду, нарты (санки), байдару, юрты, жилище, изделия коряков и т. п. Макет санок, юрты, байдары могут сделать сами школьники под руководством педагога, по фотографиям фильма.

Перед демонстрацией фильма следует сделать небольшое вступительное слово на 15–10 минут.

Тезисы вступительного слова.

1. Географическое положение Пенжинского района – Северо-Восточный угол Охотского моря.

2. Оседлые коряки – приморские жители. Селения их расположены, главным образом, по устьям рек. Оседлые коряки живут на юге Камчатского округа и в северо-западной части Камчатского полуострова. Всего коряков по Камчатскому округу – 7 000 человек.

3. Основное занятие оседлых коряков – рыболовство и охота на морского зверя. Группа Пойтоллоу – оседлые коряки (селения Парень, Тылхой и Куял) занимается кузнечным ремеслом. Они славятся по всему Камчатскому округу, как самые искусные кузнецы.

4. Кочевники коряки-оленеводы. Вечно кочуют со своими стадами по району. «Оленевод, – как говорит известный путешественник и исследователь Дальне-Восточного края В.К. Арсеньев, – живет от оленей и для оленей». Оленевод одевается в олени шкуры, шьет нит-

ками из оленьих жил, жилище его состоит из шкур оленя, питается оленивод олениной, и, наконец, единственный способ передвижения коряка-кочевника – те же олени.

5. Об эксплуатации и спаивании туземцев русскими в царское время.

6. Наша партия, ликвидировав политику насильственной русификации, с первых же дней Октябрьской Революции встала на путь создания национальных культур, на основе рассуждения национального, классового самосознания и культурно-хозяйственного подъема трудящихся туземных масс.

Еще на 10-м Съезде партии т. Сталин отметил, что «суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить ту отсталость (хозяйственную, политическую и культурную) национальностей, которую они унаследовали от прошлого, чтобы дать возможность отсталым народам догнать Центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношении».

Основные задачи национальной политики в туземных районах крайнего севера заключаются в оказании политической, хозяйственной и культурной помощи. Задачи ленинской национальной политики обязывают для фактического установления равенства национальностей развить индустриализацию национальных окраин и социалистическую реконструкцию северного хозяйства.

Реконструкцию и рационализацию северного хозяйства, укрепление основной его базы – оленеводство, охоты и др. Промысловых отраслей – массового кооперирования колхозного и совхозного строительства, поднятие культурного уровня масс – все эти мероприятия разрабатывает 5-тилетний план северного народного хозяйства.

Основой 5-летнего плана является перевод всего хозяйства малых народов севера на социалистические рельсы, содействие росту национального самосознания туземных масс и развитие национальных культур: национальных по форме и пролетарских по содержанию.

7. В 1929 году в Пенжинском районе начали работать интегральная кооперация, государственные фактории. Появились стационарные и передвижные медицинские и ветеринарные пункты. В глухих местах стали работать кино-передвижки и радиоустановки.

Проработка фильмы

После демонстрации фильма мы рекомендуем устроить проработку фильма с помощью во-

просов и ответов. Эти же материалы могут быть использованы для организации викторины.

1. Что означает слово «Тумгу»? – Слово «Тумгу», в переводе на русский язык, означает – человек. Так называют себя коряки.

2. Откуда взялось слово «коряки»? – В древние времена казаки увидели в Пенжинском районе людей с оленями и спросили их, кто они. Люди не поняли вопроса и, думая, что их спрашивают о животных, ответили: «коянга», что означает «олень». Казаки, переделав по-своему «коянга» на «коряка» стали называть тумгу коряками.

3. Как делятся коряки? – Коряки делятся на оседлых (нымеллоу) береговых жителей и на кочевников-оленоводо- (чаучаваув).

4. На чем ездят оседлые? – Зимой на собаках, летом по рекам на байдарках.

5. Из чего сделаны байдары? – Деревянный остов байдары покрывается кожей морского зверя (лахтак), причем вся обшивка остова производится с помощью ремней, жил, без участия гвоздей.

6. В каких жилищах живут оседлые? – В юртах, собранных из бревен.

7. Для чего сделана над юртой воронка? – Воронка служит одновременно дымовым отверстием и входом в юрту. Ветром снег всегда выметается из воронки и поэтому вход в дымовое отверстие никогда не покрывается снегом.

8. Чем занимаются оседлые? – Рыболовством, охотой, главным образом, на морского зверя.

9. Как хоронят оседлые своих покойников? – У коряков сохранился обряд первобытной кремации.

10. Чем занимаются оседлые коряки из группы Пойтоллоу, кроме охоты и рыболовства? – Кузнечным делом.

11. Как живут оленеводы? – Оленеводы-кочевники живут в ярангах, сделанных из шестов, покрытых оленьими шкурами. Они пасут свой стада и шьют из оленьих шкур меховую одежду.

12. Кому продают оседлые оленеводы свои изделия? – Продают в кооперацию и госфактории, где приобретают необходимые им продукты питания и промтовары.

13. Есть ли у коряков коллективы? – Коллективы появляются в настоящее время.

14. Есть ли у коряков письменность? – Нет. Сохранилось первобытное образное письмо, письмо-рисунок.

15. Существуют ли у коряков жертвоприношения? – Существуют: убой собак.

16. Оказывается ли корякам медицинская помощь и каким образом? – Существуют разъездные врачи, которые объезжают селения. В настоящий момент врачебный пункт работает при корякской центральной базе.

17. Где учатся коряки и есть ли у них школы? – Коряки учатся при культбазе, где строится и коряцкая школа. Группа коряцкой молодежи учится в Пед. Техникуме и Краевом Дальневосточном центре – гор. Хабаровске

22. Есть ли среди коряков классовое расслоение? – Классовое расслоение имеется, особенно среди кочевых, оленных коряков.

Наряду с безоленными бедняками есть кулаки, имеющие до тысячи и больше оленей. Есть и князьки, присвоившие себе, на основании своего имущественного превосходства, и административную власть. Эксплуатация безоленных развита у коряков. Среди оседлых классовое расслоение слабое. Однако, скупщики пушнины, частники, существуют до сих пор.

23. Какова у коряков религия? – Оседлые, крещенные в царское время русскими священниками, считают себя христианами, однако, соблюдают языческую обрядность. Кочевники – язычники: поклоняются силам природы, животным, особенным почетом пользуется волк – «слуга злого духа». Служители культа – шаманы – всячески тормозят культурный рост коряков» (ГАСО. Ф. Р-2581. Оп. 1. Д. 93. Л. 43–44).

По следам Камчатской киноэкспедиции

В настоящее время в Российском государственном архиве кинофотодокументов (г. Красногорск) хранится лишь один из четырех фильмов Камчатской киноэкспедиции А.А. Литвинова – обзорный экономико-географический очерк «Неведомая земля»². В него включены и кадры о жизнедеятельности коряков, очевидно, снятые для фильма «Тумгу». В силу ненадлежащей организации сохранения кинодокументов в ранний советский период многие ценные с различных точек зрения киноработы оказались утеряны. Но в настоящее время, благодаря исследовательским усилиям киноведов и историков, некоторые из них удается разыскать и идентифицировать³. В этой связи,

² Производство фабрики «Союзкино», Москва, 1931; хронометраж: 50 минут; немой, черно-белый.

³ Например, обнаруженный в 2015 г. в архивах культурфильм «Афганистан» (1929) другого классика этнокино, В.А. Ерофеева, считавшийся утраченным.

особое научное и общегуманитарное значение имеют архивные документы, свидетельствующие о содержании фильма «Тумгу».

Автор данной статьи начинал исследовательские поиски в Государственном архиве Свердловской области (г. Екатеринбург), где хранится личный фонд кинорежиссера А.А. Литвинова. В нем, помимо вышеприведенных текстовых документов и нескольких фотографий из фильма «Тумгу», содержится переписка А.А. Литвинова и В.К. Арсеньева, в которой удалось обнаружить сведения о пересылке подборки фотографий от А.А. Литвинова В.К. Арсеньеву во Владивосток – в благодарность за содействие в организации Камчатской киноэкспедиции.

После ознакомления с фрагментированным временем архивом В.К. Арсеньева в Приморском отделении Русского географического общества (г. Владивосток) выяснилось, что папка с фотографиями и документами по Камчатской

киноэкспедиции, значившаяся в описи при передаче личного архива В.К. Арсеньева в архив Общества изучения Амурского края, в настоящее время считается утерянной.

В архиве Корякского краеведческого музея (пгт. Палана Камчатского края) автору данной статьи удалось обнаружить альбом, составленный из фотографий Камчатской киноэкспедиции А.А. Литвинова 1929–1930 гг. Он был передан музею в дар Корякским окружным комитетом КПСС в 1977 г. вместе с пятью фотоальбомами Пенжинской комплексной колонизационной экспедиции. В Паланском альбоме (рис. 3) – 87 фотографий (кадры стойбищ и жилищ, картины быта и культовых церемоний, природные пейзажи и портреты коряков), представляющих значительную исследовательскую ценность в связи с малым количеством визуальных материалов по данной киноэкспедиции (Корякский окружной краеведческий музей, далее – КОКМ. КП 721/87).

Рис. 3. Страница «Паланского альбома». Из фондов Корякского окружного краеведческого музея.

Судя по архивным документам и материалам советской периодической печати, несмотря на идеологическую цензуру, распространявшуюся и на кинематограф, и на этнографическую науку [6; 7], фильм «Тумгу», с одной стороны, представлял ценность с точки зрения этнографии, запечатлев особенности эволюции культуры дальневосточных коряков в начале XX в., с другой стороны – вызывал интерес у широкой зрительской аудитории, для которой подобные этнографические фильмы были единственной возможностью совершить кинопутешествие в отдаленные регионы и ознакомиться с экзотическими этнокультурами огромной страны Советов. Фильмов о культуре коряков, коренного малочисленного народа Дальнего Востока, до сих пор создано не много, тем актуальнее является продолжение исследований, разыскание и идентификация в архивах материалов, связанных с производством одного из первых кинодокументов по этнографии коряков – «Тумгу» А.А. Литвинова. Наконец, ценность киноопыта «Тумгу» заключается и в трансляции эффективной методологии соединения профессиональных ресурсов науки и искусства в процессе создания этнокино, которая, несмотря на повсеместное распространение так называемой «экранной культуры» [5], до сих пор не получила должного применения в современной исследовательской практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головнев И.А. «Лесные люди» А. Литвинова – феномен советского этнографического кино // Этнографическое обозрение. 2016. № 2. С. 81–96.
2. Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. М.: ОГИЗ, 1931.
3. Литвинов А.А. В краю огнедышащих гор. Свердловск: Свердловское книжное изд-во. 1963.
4. Сергеев М. Земля неведомая. Новые фильмы о Камчатке // Кино. 1931. 18 сентября. С. 3–4.

5. Разлогов К.Э. Искусство экрана: от сине-матографа до Интернета. М.: РОССПЭН, 2010.

6. Соловей Т.Д. От «буржуазной» этнологии к «советской» этнографии. История отечественной этнологии первой трети XX в. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1998.

7. Тишков В.А. Наука и жизнь: диалоги с учеными. СПб.: Алетейя, 2008.

REFERENCES

1. Golovnev, I.A., 2016. «Lesnye lyudi» – fenomen sovetskogo etnograficheskogo kino [«Forest people» – a phenomenon of the Soviet ethnographic cinema], Etnograficheskoe obozrenie, no. 2, pp. 83–98. (in Russ.)

2. Direktivi VKP(b) po voprosam prosveshcheniya [Directives of the All-Union Communist Party of Bolsheviks concerning education]. Moskva: OGIZ, 1931. (in Russ.)

3. Litvinov, A.A., 1963. V krayu ognedyshashchikh gor [In the region of fire-spitting mountains]. Sverdlovsk: Sverdlovskoye knizhnoye izdatelstvo. (in Russ.)

4. Sergeev, M., 1931. Zemlya nevedomaya. Novye filmy o Kamchatke [Unknown land. New films about Kamchatka], Kino, September 18, pp. 3–4. (in Russ.)

5. Razlogov, K.E., 2010. Iskusstvo ekrana: ot sinematografa do Interneta [The art of screen: from cinematography to Internet]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)

6. Solovey, T.D., 1998. Ot «burzhuaznoy» etnologii k «sovetskoy» etnografii. Istoriya otechestvennoy etnologii pervoy trety XX veka [From «bourgeois» ethnology to «Soviet» ethnography. History of Russian ethnology of early XXth century]. Moskva: Institut etnologii i antropologii RAN. (in Russ.)

7. Tishkov, V.A., 2008. Nauka i zhizn': dialogi s uchenymi [Science and life. Dialogues with scholars]. Sankt-Peterburg: Aleteiya. (in Russ.)

М.С. Михалев*

МАЛЫЕ НАРОДЫ В КОНТЕКСТЕ ПРИРОДООХРАННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЗАЩИЩАЮЩИЕ ИЛИ ЗАЩИЩАЮЩИЕСЯ?

Несмотря на то, что опыт взаимодействия коренных народов с природным окружением всегда являл собой образец истинной гармонии, их представители на сегодняшний день зачастую оказываются в стороне от фактической реализации природоохранной политики, главенствующая роль в которой до сих пор принадлежит чиновникам и экологам. В статье проводится сравнение двух примеров планирования и реализации природоохранных мероприятий (в китайской провинции Хэйлунцзян по инициативе и под контролем властей и экологов, а также в республике Алтай по инициативе и под контролем коренных жителей). Автор приходит к выводу, что вторая модель, при которой инициаторами и стейкхолдерами природоохранных мероприятий становятся коренные жители того или иного природного территориального комплекса, является более грамотной как с точки зрения соблюдения интересов малых народов, так и с точки зрения сохранения природы как таковой.

Ключевые слова: коренные народы, природоохранная деятельность, экологические знания, ороконы, Китай, природные парки, Алтай

Indigenous people in environmental activities: stakeholders or victims?
MAXIM S. MIKHALEV (Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences)

Despite the fact that the interaction between indigenous peoples and their natural environment has always been an example of true harmony, their representatives today are often pushed aside the process of decision-making in the field of environmental policy, the main role in which still belongs to officials and ecologists. This paper explores two scenarios of the involvement of the indigenous people in nature conservation efforts. One of them takes place in Heilongjiang province of China, where environmental activities are planned and supervised by the ecologists and officials, while the second story originates in Russian Federation's Altai Republic, where a nature conservation project has been designed and promoted by the representatives of the local community. The author comes to the conclusion that the success of the latter scenario considering both people and natures proves, that only involvement of the local communities can guarantee that nature conservation efforts can bring benefit to both people and the nature itself.

Keywords: indigenous people, environmental activities, ecological knowledge, Oroqen people, China, natural parks, Altai republic

* МИХАЛЕВ Максим Сергеевич, кандидат юридических наук, докторант Центра азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук.

E-mail: maxmikhalev@yahoo.com

© Михалев М.С., 2018

Природа и человек: в поисках диалектического единства

Масштабы глобального экологического кризиса хорошо известны и вызывают вполне понятную озабоченность не только у ученых, но и у политиков, простых граждан, религиозных деятелей¹. Загрязнение воздуха, водных ресурсов и почвы, вырубка лесов и опустынивание, истощение невозобновляемых природных ресурсов, изменение климата и сокращение биологического разнообразия на планете достигают в наши дни таких пропорций, что необходимость срочных действий, способных переломить негативные тенденции или хотя бы приостановить дальнейшую деградацию окружающей среды, не вызывает сомнений. Речь идет – и это не преувеличение – о судьбе человечества.

В то же время не стоит забывать и о том, что характер и масштаб этих действий требуют серьезного, взвешенного подхода, ибо хаотичные, нескоординированные и малопродуманные акции способны принести гораздо больше вреда, чем пользы. Требуется четкого понимания и то, кто именно и по каким причинам должен обладать мандатом на принятие решений в деле охраны окружающей среды. Связано это с тем, что любые ограничительные или разрешительные действия в сфере экологии не должны нарушать баланс интересов между странами, народами, группами граждан и отдельными индивидами. Другими словами, по мере усиления экологического кризиса вопрос охраны окружающей среды становится в широком смысле этого слова политическим, а стало быть, к его решению должны привлекаться не только биологи и экологи, но и представители других наук, в том числе антропологии. В силу того, что речь идет не просто о природе, но о взаимоотношениях человека и природы, представителям науки о человеке также должно быть дано слово. К сожалению, роль антропологов в настоящее время сводится, в основном, к изучению экологических концепций и практик (т. н. традиционных экологических знаний), выработанных народами планеты в ходе их исторического развития, и составлению на основе этих исследований рекомендаций экологам и политикам, за которыми всегда остается последнее слово в вопросе принятия решений².

¹ Экологическому кризису как главной угрозе человечества и самому серьезному вызову современности посвящена, к примеру, вторая энциклика Папы Римского Франциска [1].

² Чтобы лишний раз в этом убедиться, достаточно почитать тезисы советника американского агентства

При этом вызывает озабоченность, что люди как биологический вид вообще и малочисленные народы планеты в частности с точки зрения большинства «кабинетных» экологов являются в какой-то степени злом, своей деятельностью лишь наносящим природе ущерб. Эта убежденность находит, к примеру, свое яркое отражение в стратегии создания заповедников как неких экстерриториальных единиц, доступ в которые людям, в том числе и представителям коренных народов этих мест, по большому счету оказывается воспрещен. С точки зрения необходимости сохранения окружающей среды сама по себе идея полного изъятия из хозяйственного оборота заповедных земель серьезных вопросов не вызывает, но ровно до того момента, пока желание огородить огромные пространства первозданной природы и запретить к ним доступ человека не становится самодовлеющим, что ставит под угрозу выживание малых народов, для которых эти земли являются родным домом³. При этом в лишении аборигенного населения права доступа к своей земле присутствует, на самом деле, и заметный элемент горькой иронии, ведь именно эти люди на протяжении многих веков жили в гармонии с природным окружением. Ситуация ухудшилась лишь с появлением пришельцев из промышленно развитых регионов, которые сначала внесли разлад во взаимоотношения человека и природы, а затем, основательно подорвав основы их мирного сосуществования, стали вводить запреты в отношении самых пострадавших народов, лишая их доступа к местам их традиционных промыслов⁴.

Ситуация, при которой инициаторами запретов и ограничений выступают не представители коренного населения, а те самые люди, которые в свое время способствовали нарушению баланса во взаимоотношениях человека и его природного окружения, безусловно, достойна пристального внимания и обсуждения. При этом важная роль в такой дискуссии должна принадлежать антропологам, которые смогли бы взглянуть на проблему с точки зре-

по защите окружающей среды на предмет использования традиционных экологических знаний в процессе принятия решений (см.: [5]).

³ Сомнения в эффективности практики увеличения территорий заповедников, впрочем, высказывают уже и сами экологи, подчеркивая, что изоляция людей от их природного окружения ни в коей мере не способствует делу ее сохранения [4].

⁴ Именно так развивались события в лесных районах Северо-Востока КНР, где проживают орочны [12, p. 29].

ния интересов малых народов, страдающих от подобной природоохранной деятельности. Не лишним было бы рассмотреть этот вопрос и с точки зрения самой окружающей среды. Все дело в том, что любые природные территориальные комплексы (ПТК), лишившиеся, благодаря запретительным мерам экологов или стоящих на их стороне политиков, полноценного присутствия на своей территории коренных жителей, в результате также могут серьезно пострадать. С одной стороны, это связано с тем, что человек как биологический вид составляет важную и неотъемлемую часть любого такого комплекса. При этом его участие в природных процессах является столь же важным условием его функционирования, как и участие любого другого живого существа. Искусственное же исключение человека из его природного окружения способно привести в том числе и к нежелательным экологическим последствиям, когда оставшийся в результате без своих традиционных обитателей ПТК может лишиться очень важного составного элемента. С другой стороны, не стоит забывать и о том, что зачастую на смену коренному населению, привыкшему к жизни в тех или иных природных условиях и умеющему находить необходимый баланс между хозяйственной деятельностью и потребностями окружающей среды, приходит население пришлое, такими навыками не обладающее и не стремящееся ими овладеть. В таких условиях ситуация и вовсе может стать угрожающей.

Какие последствия может повлечь за собой отчуждение коренных жителей от своего природного окружения, каким должен быть баланс между потребностью снизить негативное воздействие человека на природную среду и необходимостью его присутствия здесь, а также какой в этом вопросе должна быть роль малых народов, проживающих на этой земле? В данной статье предпринимается попытка найти ответы на эти вопросы, проанализировав и сравнив подходы к природоохранной деятельности, которые были приняты на вооружение в двух не похожих друг на друга регионах, расположенных неподалеку от российско-китайской границы – Орочонской национальной волости Синьшэн в провинции Хэйлунцзян в Китае и Онгудайском районе Республики Алтай в России. В то время как и в том, и в другом случае потребность сохранить для потомков уникальный природный комплекс диктовала необходимость ограничительных и запретительных мер, на Алтае они были инициированы и осуществ-

влены на практике самими коренными обитателями этих мест, алтайцами, а в Хэйлунцзяне решение принималось экологами и властями провинции без согласования интересов и учета предложений малочисленных народов, их населяющих. Представляется, что сравнение результатов, полученных в том и другом случае, будет способствовать нахождению ответа на вопрос о том, каким именно образом эффективнее всего сочетать экологические потребности современного общества и интересы малых народов планеты.

Синьшэн: люди без леса, лес без людей

«Винтовка рождает власть», – утверждал лидер КНР Мао Цзэдун. Не удивительно, что власть в современном Китае относится к людям, обладающим винтовкой и способным с ней обращаться, с большим недоверием. Коренные орочоны, проживающие в районе, непосредственно примыкающем к российско-китайской границе, безусловно, к таким людям относятся⁵. Прирожденные охотники и следопыты, никогда по-настоящему не признававшие над собой внешнего контроля, они всегда оставались головной болью для любого правительства страны. Ситуацию усугубляло и то, что до середины XX в. орочоны оставались, по большей части, кочевым народом, а стало быть, не имели стационарных поселений, которые могли бы стать центром цивилизационного притяжения и одновременно центром осуществления надзора со стороны государства. Ситуация стала чуть более управляемой лишь с конца 1950-х гг. после того, как китайскому правительству удалось привести к оседлости подавляющую часть орочонов. Однако наличие у них на руках большого количества огнестрельного оружия, а также знание ими потаенных троп и укрытий в лесах Большого и Малого Хингана все равно делали их плохо управляемой и в целом неподконтрольной властям группой населения.

В КНР всегда стремились к тому, чтобы орочоны в конце концов превратились в пахарей и огородников или же и вовсе стали городскими жителями [10, р. 67]. До той поры, однако, пока у них сохранялась возможность охотиться, это удавалось с трудом. И вот в 1996 г. администрация Орочонского автономного хошуна город-

⁵ В соответствии с данными Всекитайской переписи населения 2000 г., в Китае проживает чуть более 8 тыс. орочонов, из которых около 3,5 тыс. чел. живут во Внутренней Монголии, а еще почти 4 тыс. чел. – в провинции Хэйлунцзян [15, р. 95].

ского округа Хулун-Буир автономного района Внутренняя Монголия пошла на радикальные меры и запретила любую охотничью деятельность на своей территории. Орочоном было приказано сложить оружие и перейти на другой образ жизни. Чтобы облегчить им такой переход, была даже запущена специальная программа, призванная стимулировать коренных жителей региона заниматься сельским хозяйством, малым бизнесом и сопутствующими производствами⁶. С этими целями орочоном были безвозмездно выделены земельные наделы, построены бесплатные всесезонные дома, а также назначены ежемесячные пособия потерявшим средства к существованию охотникам и членам их семей. В расположенной по соседству с Внутренней Монголией провинции Хэйлуцзян, частью которой является и Синьшэн, где также проживает значительное количество орочоном, власти выбрали менее радикальное решение проблемы наличия на своей территории охотников, владеющих огнестрельным оружием. Местным орочоном, которых правительство видело в будущем земледельцами или мелкими бизнесменами, также было велено сдать ружья, но при этом не на совсем, а лишь на временное хранение в близлежащем отделении полиции. На период охотничьего сезона, длящегося, как правило, один месяц в году, им было дозволено брать их под расписку для того, чтобы охотиться в окрестных лесах⁷.

Безусловно, в подобных условиях орочоном Синьшэна также не имели никакой возможности оставаться профессиональными охотниками, тем более что уже задолго до этого решения властей окрестные леса практически лишились диких животных в результате интенсивного промышленного освоения края. В конце концов, охота постепенно превратилась для них в приятное хобби. Максимум, на что теперь рас-

считывают коренные жители Синьшэна, собираясь в лес, – это добыть немного мяса диких животных, таких как кабан или косуля, для собственного потребления, или одну-две шкуры, которыми можно заинтересовать перекупщика. Следует отметить и то, что власти запретили орочоном приобретение нового оружия, а потому на вооружении у них до сих находятся, к примеру, трехлинейки Мосина. После смерти владельца и они становятся собственностью государства. В результате, в полицейском участке Синьшэна в настоящее время хранится лишь чуть более десятка ружей, да и те вскоре, похоже, лишатся своих владельцев [6].

Надо признать, что хорошо прикормленные государством и быстро утеревшие навыки самостоятельной жизни орочономы и сами в наши дни не стремятся в тайгу. Те, кто все еще владеет оружием, объявлены властями национальным достоянием и превратились в подобие фотомоделей с национальным колоритом, которые неплохо зарабатывают, позируя с винтовками в руках или верхом на лошади для глянцевого журналов и снимаясь в художественных фильмах. Остальные же и вовсе не интересуются своей традиционной культурой и даже не хотят жить в построенных специально для них домах в национальном стиле. Они предпочитают сдавать землю в аренду нуждающимся китайским крестьянам из других регионов, живут праздной жизнью рантье и при первой возможности переезжают в города. Там же учатся и их дети, и это несмотря на то, что в том же Синьшэне построена хорошая национальная школа, где существует возможность обучения орочономскому языку. В этом смысле можно утверждать, что политика приручения орочоном оказалась весьма эффективной, а сочетание запретительных мер с программой государственной поддержки в очередной раз подтвердило незыблемость принципа «кнут и пряник»⁸.

Власти настаивают, что столь радикальные методы по искоренению национальной культуры были необходимы для того, чтобы спасти стремительно исчезающие леса региона, которые действительно сильно пострадали от бесконтрольных, поставленных на промышленную основу вырубок и истребления животного мира с помощью современного оружия. Решение о

⁶ Цели этой программы были сформулированы так: “林牧为主、农猎结合、多种经营” 转向 “农林为主、工贸并举、多元多业、多种经营、全面发展” (Сменить принцип «Линьму Вэйчжу, Нунле Цзехэ, Дочжун Цзинин» [Таежное скотоводство как основа, гармоничное сочетание сельского хозяйства и охоты, многоотраслевое хозяйство] на «Нунлинь Вэйчжу, Гунмао Бинцзюй, Доюань Дое, Дочжун Цзинин, Цюаньмянь Фачжань» [Сельское и лесное хозяйство как основа, одновременное развитие торговли и промышленности, предпринимательский плюрализм, многоотраслевое хозяйство, всестороннее развитие]) [16].

⁷ Подробно о ситуации в Синьшэне пишут Чэнь Цзинхуэй и Чжу Жуюсюэ [14].

⁸ При этом всего несколько лет назад орочоном мечтали «снова взяться за оружие» [13], а в разговорах с исследователями неизменно подчеркивали, как тяжело дался им переход на оседлость и расставание с привычным образом жизни [12].

полном запрете охоты, безусловно, поддержали и экологические организации, при этом полностью проигнорировав тот факт, что до массированного нашествия городских жителей из других регионов страны и прибытия в эти края лесозаготовителей ороحوны в течение столетий сохраняли естественный природный баланс и ситуация никогда не становилась критической [7, р. 52]. В результате же инициированного центральным правительством промышленного освоения и всех тех перекосов, что ему неизбежно сопутствуют, именно ороحوны оказались главной пострадавшей стороной. Выиграв, в результате, в материальном плане, они лишились возможности вести традиционный образ жизни, а стало быть, лишились и огромного пласта своей культуры как основы национальной идентичности. Самое же страшное заключается в том, что они лишились также оружия и тайги, а значит, и шанса на восстановление когда-нибудь в будущем своей культурной самостоятельности. Единственная дорога, которая открывается теперь перед этим малочисленным народом, – это дорога к полной культурной ассимиляции и растворению в общей массе китайского народа.

История ороحوнов довольно печальна, но она характерна для большинства современных жителей китайского пограничья, а потому достаточно хорошо изучена [8]. Исследователи при этом неизбежно подчеркивают негативные последствия и для национальной культуры [9], и даже для физического здоровья ороحوнов [11], к которым привел полный или частичный запрет на охоту. Политический же аспект проблемы, который состоит в стремлении государства обезопасить свои приграничные и удаленные от центра территории от людей, имеющих оружие и способных жить за пределами контролируемых властями поселений, в публичном поле практически не обсуждается. В частных беседах, однако, об этом говорят довольно открыто, при этом ороحوны полностью осознают истинную подоплеку данного решения (Полевые материалы автора⁹, далее – ПМА).

В свете вопроса о роли малых народов в реализации природоохранных мероприятий, который ставится в данной статье, хотелось бы особо подчеркнуть, что фактическое разоружение и последующее приведение в покорность лишившихся своей идентичности ороحوнов было

проведено именно под прикрытием борьбы за сохранение природного разнообразия. Подобное обоснование позволило государству легко осуществить крайне непопулярные меры, заручившись широкой поддержкой общества и даже убедив самих ороحوнов в необходимости такого шага. Ирония при этом заключается в том, что пострадавшей стороной в предпринятой властями кампании по защите леса оказались не только коренные жители этих мест, которые потеряли, по-видимому, безвозвратно свою культуру. В числе пострадавших оказалась и сама природа, ведь на смену ороحوнам, любившим и понимавшим тайгу, а потому заботившимся о ее сохранности для следующих поколений, пришли богатые туристы и браконьеры из других районов страны, которые зачастую используют варварские, истребительные методы охоты. Когда-то ороحوны могли покарать браконьера, и те их побаивались. Лишившиеся же оружия защитники леса сами сделались беззащитными.

В результате, преградив доступ в лес для прирожденных охотников и следопытов, власти открыли его для браконьеров, а огорожив тайгу полицейскими кордонами от ее исконных хранителей, поддерживающих там порядок традиционными методами, превратили ее в угрюмую ничейную территорию, своеобразную серую зону, которая, как магнит, притягивает нечистоплотных людей, а зачастую и попросту криминальные элементы [6]. Лес, из которого выселили его законных хозяев, не превратился в результате в первобытный рай, а стал, скорее, похож на заключенный и покинутый жильцами дом, который всегда становится убежищем для сомнительных личностей и ареной для сомнительных действий. И в этом смысле никакие заборы и пропускные пункты не способны теперь решить проблемы отчужденных от своих хранителей природных угодий. Парадоксально, но в то же самое время сами бывшие хозяева лесов живут в статусе иждивенцев в таких же чужих, бесплатных цементных ночлежках в национальном стиле, которые им, по сути, не принадлежат и которые не вызывают у них никаких положительных эмоций [8, р. 92].

Уч-Энмек: народный заповедник

Коренной алтаец Данил Мамыев хорошо известен и у себя в республике, и за ее пределами как человек, посвятивший свою жизнь сохранению ее уникальной природы. Геолог по профессии и основатель школы экологии души «Тенгри» по призванию, он являлся создателем и до самого недавнего времени директором

⁹ Синьшен-орочонская национальная волость, Хэйлунцзян, КНР. Февраль-март 2018 г. Онгудайский район, Республика Алтай, Россия. 2012–2014 гг.

природного парка Уч-Энмек, расположенного в Онгудайском районе республики Алтай, в долине реки Каракол¹⁰. До недавнего времени эта местность была, в основном, известна уникальными наскальными рисунками, подробно описанными новосибирским археологом Кубаревым в 1980-х гг. С тех пор фантастические образы, созданные древними художниками, не перестают будоражить умы ученых неординарностью своих мотивов, в которых многие обнаруживают чуть ли не инопланетное влияние.

Сам же Мамыев относится к находкам археологов без пиетета, ибо считает, что по-настоящему достойны восхищения не петроглифы, а курганы, которые также в изобилии встречаются в этих местах. Он уверен, что эти самые курганы являются ничем иным, как магнитами, способными улавливать сигналы, поступающие из-за пределов нашей галактики. Именно с помощью подобных магнитов сакральное знание попадает из Космоса на Землю, утверждает Данил (ПМА). Сам он при этом не просто верит в то, что на территории созданного им по собственной инициативе парка находится важнейший информационный канал планетарного масштаба и «пуп Земли». Он до недавнего времени предпринимал практические шаги для того, чтобы этот канал функционировал бесперебойно. История жизни этого целеустремленного алтайского активиста представляет собой яркий пример того, что человек может думать по-настоящему глобально, при этом действуя воистину локально.

Мамыев всегда активно сотрудничал как с правительством республики, так и с местными властями в Онгудае. При этом, несмотря на то, что его офис находился в здании районной администрации, его цели были весьма далеки от тех, что преследуют алтайские чиновники. В то время как основатель парка видел своей задачей предотвращение эксплуатации его территории в коммерческих целях и надеялся, что ему удастся снизить нагрузку на курганы Уч-Энмека, вызванную притоком туристов, местная администрация требовала, чтобы парк приносил доход. В поисках компромисса Мамыев, который чувствовал обязанность защитить святыни родной земли, но в то же время понимал и необходимость экономического развития региона, предлагал принять на вооружение стратегию контролируемого туризма. Согласно его предложению, только те гости Алтая, что были

готовы и способны вести себя так, как это полагается делать в святых местах, допускались бы на территорию парка, причем обязательно в сопровождении местного гида. Эту задумку было не так-то просто реализовать на практике, ведь на более чем 60 тыс. квадратных километров площади парка приходится всего несколько постоянных служащих. Их возможности по недопущению на территорию «диких» туристов и тем более по их сопровождению, конечно же, серьезно ограничены.

Именно по этой причине своей наиважнейшей задачей директор природного парка всегда считал просвещение. Причем не только просвещение прибывающих на Алтай туристов из других регионов, с которыми Мамыев давно проводил разъяснительную работу по поводу того, каким должно быть поведение гостя на земле духов. Дело в том, что и с местными жителями ему также приходилось довольно много дискутировать, ведь они бесповоротно отрицают любой вид туризма, настаивая на том, что посещение Уч-Энмека должно быть полностью запрещено. Данилу приходилось убеждать своих земляков в том, что Алтай является достоянием всего человечества. «Алтай – это не собственность, Алтай – это ответственность; знание о Вселенной, которое здесь содержится, это и есть Бог, а Бог не принадлежит никому», – разъяснял им Мамыев. По этой причине, убеждал он жителей Каракольской долины, священной обязанностью жителей Алтая является не только забота о родной земле, но и забота о том, чтобы то особое знание, что именно здесь поступает на Землю, оказалось доступным всему человечеству. По инициативе директора Уч-Энмека в пяти школах долины, к примеру, проходил эксперимент по внедрению комплексного экологического образования, а для школьников республики Мамыевым в соавторстве с учеными и педагогами был написан учебник по экологии [2]. Он верил, что именно таким образом ему удастся приобрести настоящих соратников на родной земле, ведь без поддержки земляков никакие его проекты не могли быть по-настоящему успешными.

Принимая во внимание воистину глобальный подход Мамыева, не выглядит удивительным то, что он сотрудничал и с экологическими активистами из других стран и регионов России¹¹. Подобная активность дает Данилу выход

¹⁰ Территория парка составляет 60551 га, из них в «заповедной зоне» – 810 га, в «буферной зоне» – 4776 га, в «зоне развития» – около 54965 га [3, с. 7].

¹¹ Именно это и стало причиной того, что в 2016 г. Школа экологии души «Тенгри» была признана иностранным агентом, а ее создатель вскоре был вынужден сложить с себя полномочия депутата районного совета.

на более широкую аудиторию и служит эффективным инструментом, позволяющим реализовать главную миссию Алтая, заключающуюся, как было уже сказано, в том, чтобы предоставить доступ к полученному здесь знанию как можно большему количеству людей во всем мире. Есть и еще один, довольно прагматический вопрос, решению которого способствовала довольно успешная до недавнего времени международная деятельность директора природного парка Уч-Энмек. Дело в том, что он надеется на то, что когда-нибудь святым местам будет придан особый статус, который позволит взять их под защиту закона, а для этого проблема их сохранения должна стать частью широкого общественного дискурса. В то же самое время Мамыев старается по мере возможности дистанцироваться от международного экологического движения, ибо считает, что по своей природе оно эгоистично и движимо скорее инстинктом самосохранения, чем искренней заботой о природе (ПМА). Он же полагает, что любая природоохранная деятельность должна быть продиктована моральными, а не экономическими или политическими соображениями, и на смену вульгарному утилитаризму в экологическом движении должны прийти сострадание и эстетические ценности.

На Алтае вообще считают, что экология – это не только и не столько забота о сохранении и поддержании жизни на нашей планете, но и в не меньшей степени забота о сохранении и поддержании порядка во всей Вселенной. Подобное «космическое» измерение экологии может, на первый взгляд, показаться непривычным и в чем-то сложным для восприятия, но оно, безусловно, имеет право на существование.

Малые народы, природа и государство: в поисках взаимодействия

Если сравнивать цели и методы, использованные в ходе осуществления природоохранной деятельности в Синьшэне и в Уч-Энмеке, а также принять во внимание национальный состав основных действующих лиц данного процесса в том и другом случае, выбор антрополога в пользу последней модели будет очевидным. Защита родной земли от неподобающего поведения со стороны приезжих, в ходе которой основной акцент делается на просветительской работе, инициированная местными активистами на Алтае, разительно отличается от политики жестких запретов и отчуждения коренных малочисленных народов страны от традицион-

ной среды их обитания, которые характеризуют подход властей в Китае. В первом случае антропологу к тому же будут импонировать и отсутствие претензий со стороны коренных алтайцев на обладание сакральными землями, и их желание сохранить историко-природный ландшафт в неприкосновенности без полной его изоляции от людей, и философское понимание ими природы как сложного, многогранного механизма, важной составной частью которого является сам человек. Всего это представителям китайского государства и экологам КНР, выбравшим путь противопоставления человека и его природного окружения, безусловно, не достает.

Что интересно, лишенный предубеждений «практический» эколог также должен встать на сторону Данила Мамыева по той причине, что в данном случае природа берется под охрану теми, кто имеет к ней самое непосредственное отношение, чувствует ее и понимает лучше других. Немаловажно и то, что эти люди обладают сильной мотивацией защищать неприкосновенность окружающей их среды. Местные жители, как правило, движимы не ожиданием солидного вознаграждения и не иллюзорным желанием сделать «что-нибудь хорошее», что иногда отличает, соответственно, руководителей НКО и простых волонтеров, работающих в этих организациях. В случае, когда на защиту той или иной природной территории встают представители малых народов, непосредственно проживающих на данной территории, их мотивация состоит в том, чтобы сберечь родной дом от разрушения и поругания, а это, возможно, самая сильная из всех возможных мотиваций. Немаловажно и то, что, к примеру, в случае с Уч-Энмеком сама природа является для местных жителей объектом поклонения, а не манипуляций, а это гарантирует одушевленность подходов и невозможность проведения ими мероприятий «для галочки».

Единственной стороной, которая, по всей вероятности, предпочтет вариант, реализованный в Китае, будут представители государства и надзорных органов. Не только и не столько потому, что в этом случае им принадлежит монополия на принятие решений и эксклюзивное право контроля над их исполнением, но и потому, что они искренне уверены в неспособности малых народов самостоятельно защитить свой дом от разрушения и посягательств. Именно подобное, снисходительное отношение со стороны государства к коренным обитателям периферийных регионов как к «детям природы» препятству-

ет передаче инициативы в экологической деятельности напрямую в их руки. Возникающее в результате отчуждение человека от природы в этом случае мало заботит представителей властей и «городских» экологов, ведь сами они при этом не являются и не чувствуют себя такими же «детьми природы». Для них она не «родная мать», а лишь объект опеки или научного исследования, проявить заботу о котором требует их профессиональный или гражданский долг. Плохо это или хорошо, вопрос дискуссионный, однако необходимость полноценного вовлечения представителей коренного населения в дело охраны природы и чуткий учет их интересов специального доказательства, как представляется, не требует. Как показывает ситуация, сложившаяся после запрета охоты на территориях, населенных ороचनाми, это будет лучше и для представителей малых народов, и для их природного окружения, а в конечном итоге, и для самого государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Папа Римский Франциск. Энциклика о заботе об общем доме. Москва: Изд-во Францисканцев, 2015.
2. Экология и культура: учеб. пособие для 10–11 кл. / Под ред. И.А. Жерносенко. Горно-Алтайск, Барнаул, 2009.
3. Этно-природный парк Уч-Энмек: брошюра. Онгудай, 2011.
4. Kareiva, P., Lalasz, R. and Marvier, M., 2012. Conservation in the Anthropocene: beyond solitude and fragility. *Breakthrough Journal*, no. 2, pp. 29–37.
5. Moffa, A., 2016. Traditional ecological rulemaking. *Stanford Environmental Law Journal*, Vol. 35, no. 2, pp. 101–155.
6. Wu Haiyun, 2017. The last of the Oroqen hunters. URL: <http://www.sixthtone.com/news/1000595/the-last-of-the-orog-en-hunters>
7. Гао Цзяньган. Элунчуньцзу леминь жэнькоу юй цзинци фачжань таньтао (К вопросу о численности ороchonских охотников и экономическом развитии) // *Inner Mongolia Social Sciences*. 1986. № 5. С. 49–54.
8. Тан Гэ. Элунчунь хэ эвэнькэ: цун шоуле минь дао нуньминь дэ куньцин (Ороchonы и эвенки: тупиковость перехода от охоты к земледелию) // *Manchu Studies*. 2008. № 1. С. 89–94.
9. Тянь Юй. Шэхуэй чжэнцэ цуцзинь элунчунь миньцзу фачжань шицзи сяого пингу – Дуй Нэй мэньгу цзычжицуй Элунчу цзычжици Точжаминь сян элунчунь леминьцунь дэ дяоча баогао (Оценка результатов социальной политики по развитию ороchonов. Отчет об исследовании ороchonских охотничьих поселений волости Точжаминь Ороchonского автономного хошуна автономного района Внутренняя Монголия) // *Inner Mongolia Social Sciences*. 2011. Т. 32. № 5. С. 89–94.
10. У Яо. Хэйлунцзян элунчуньцзу жэнькоу фачжань чжуанкуан цзи дуйцэ яньцзю (Исследование демографического положения ороchonов Хэйлунцзяна и возможных корректирующих мер) // *Journal of Beifang University of Nationalities (Philosophy and Social Science)*. 2014. № 4. С. 63–67.
11. Фан Чжэн, Цуй Ланьбин. Шэнхо фанши дэ бяньцян дуй элунчунь леминь цзянкан дэ инсян (Влияние изменений в образе жизни на состояние здоровья ороchonов-охотников) // Минцзутий луньди. Пекин: Миньцзу Чубаньшэ, 2007. С. 350–360.
12. Чагань Шаньдэн. Лунь шоуле миньцзу дэ шэньфэнь фэньхуа – И элунчуньцзу вэйли (Обсуждение социального расслоения у охотников – на примере ороchonов) // *Journal of Hubei Institute for Nationalities (Philosophy and Social Sciences)*. 2012. № 6. С. 27–31.
13. Чжунго вэйи чунь шоуле миньцзу цзай шинянь унун цзиньле хоу юван чунсинь наци лечан (Спустя десятилетие после введения запрета на охоту представители единственной народности охотников Китая вновь надеются взять в руки оружие) // Агентство Синьхуа. 2009. 30 сентября.
14. Чэнь Цзинхуэй, Чжу Жуйсюэ. «Синбянь фуминь» синдун юй жэнькоу цзяошао миньцзу фачжань – Цзюй Синьшэн элунчуньцзу сян дэ дяоча (Движение «Синбянь фуминь» и развитие малочисленных народов – на основе исследования в Синьшэн-орочонской национальной волости) // *Journal of Dalian Nationalities University*. 2012. Т. 14. № 4. С. 318–321.
15. Элунчунь (Ороchonы) // Чжунго миньцзу чжи / Под ред. Ян Шэнминь. Пекин: Изд-во Университета Миньцзу, 2003. С. 94–100.
16. Элунчунь цзычжици цзоучу цзиньле цзюэдин (Ороchonский автономный хошун принимает решение запретить охоту) // Чжунго Миньцзу Няньцзянь, 1997 / Под ред. Чунь Шицэн. Пекин: Изд-во университета Миньцзу, 1998. С. 365.

REFERENCES

1. Pope Francis, 2015. *Entsiklika o zabote ob obshchem dome* [On care for our common home]. Moskva: Izd-vo Frantsiskantsev. (in Russ.)

2. Zhernosenko, I.A. ed., 2009. *Ekologiya i kul'tura: ucheb. posobie dlya 10–11 kl.* [Ecology and culture: textbook. Grade 10–11]. Gorno-Altaysk, Barnaul. (in Russ.)
3. *Etno-Prirodnyi Park Uch-Enmek [Uch-Enmek ethno-natural park]*. Ongudai, 2011. (in Russ.)
4. Kareiva, P., Lalasz, R. and Marvier, M., 2012. Conservation in the Anthropocene: beyond solitude and fragility. *Breakthrough Journal*, no. 2, pp. 29–37.
5. Moffa, A., 2016. Traditional ecological rulemaking. *Stanford Environmental Law Journal*, Vol. 35, no. 2, pp. 101–155.
6. Wu Haiyun, 2017. The last of the Oroqen hunters. URL: <http://www.sixthtone.com/news/1000595/the-last-of-the-orog-en-hunters>
7. 高建纲, 1986. 鄂伦春族猎民人口与经济发展探讨 [On the issue of Oroqen hunters population size and economic development], *Inner Mongolia Social Sciences*, no. 5, pp. 49–54. (in Chinese)
8. 唐戈, 2008. 鄂伦春和鄂温克: 从狩猎民到农民的困境 [Oroqen and Evenk: the puzzle of shifting from hunting to agriculture], *Manchu Studies*, no. 1, pp. 89–94. (in Chinese)
9. 田雨, 2011. 社会政策促进鄂伦春民族发展的实际效果评估 – 对内蒙古自治区鄂伦春自治旗托扎敏乡鄂伦春族猎民村的调查报告 [Evaluation of the social policy of Oroqen people development – Research report from Inner Mongolia's Oroqen Autonomous Banner Tuozhamin ethnic township's Oroqen hunting villages], *Inner Mongolia Social Sciences*, Vol. 32, no. 5, pp. 89–94. (in Chinese)
10. 吴瑶, 2014. 黑龙江鄂伦春族人口发展状况及对策研究 [Research on the demographics trends of Heilongjiang Oroqen people and possible corrective measures], *Journal of Beifang University of Nationalities (Philosophy and Social Science)*, no. 4, pp. 63–67. (in Chinese)
11. 方征, 崔兰英, 2007. 生活方式的变迁对鄂伦春猎民健康的影响 [Lifestyle changes influence on the Oroqen hunters health conditions]. In: *民族体育论集*. 北京: 民族出版社, pp. 350–360. (in Chinese)
12. 查干姗登, 2012. 论狩猎民族的身份分化 – 以鄂伦春族为例 [On the differentiation among hunters – the case of Oroqen], *Journal of Hubei Institute for Nationalities (Philosophy and Social Sciences)*, no. 6, pp. 27–31. (in Chinese)
13. 中国唯一纯狩猎民族在十年务农禁猎后有望重新拿起猎枪 [Ten years after hunting ban introduction the only hunting tribe in China hopes to take arms again], *Xinhua*, 2009, September 30. (in Chinese)
14. 陈景辉, 朱瑞雪, 2012. «兴边富民»行动与人口较少民族发展 – 基于新生鄂伦春族乡的调查 [«Xingbian Fumin» movement and the development of minorities – based on the research in Xinsheng Oroqen ethnic township], *Journal of Dalian Nationalities University*, Vol. 14, no. 4, pp. 318–321. (in Chinese)
15. 鄂伦春 [Oroqen]. In: 杨圣敏 ed., 2003. *中国民族志*. 北京: 中央民族大学出版社, pp. 94–100. (in Chinese)
16. 鄂伦春自治旗做出禁猎决定 [Oroqen Autonomous Banner introduces hunting ban]. In: 春世增 ed., 1998. *中国民族年鉴, 1997*. 北京: 中央民族大学出版社, p. 365. (in Chinese)

УДК 947.084.6 (571.6)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-3/103-109

А.А. Исаев*

ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ РАБОТА СРЕДИ КИТАЙСКОГО И КОРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА СССР В 1930-е гг. (НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ)

На основе архивных документов в статье анализируются основные направления политико-идеологической работы среди китайского и корейского населения Дальнего Востока СССР в 1930-е гг. на примере Приморской области. Автор рассматривает задачи, формы и методы политико-идеологической работы, а также подходы к повышению ее эффективности, выявляет достижения и упущения, основные результаты и значение политической просветительской и воспитательной работы среди китайского и корейского населения.

Ключевые слова: Дальний Восток, Приморская область, китайцы, корейцы, идеологическая работа, политическое просвещение

Ideological work among the Chinese and Koreans of the Soviet Far East in the 1930s (the case of Primorsky region). ALEKSANDR A. ISAEV (Far Eastern Federal University)

Based on archival documents, the article analyzes the main directions of ideological work and political education among the Chinese and Koreans of the Soviet Far East in the 1930s on the example of Primorsky region. The author examines the tasks, forms and methods of political education and ideological work, as well as approaches to increasing its effectiveness, reveals achievements and omissions, main results and significance of this work among the Chinese and Korean workers of the region.

Keywords: Soviet Far East, Primorsky region, Chinese, Koreans, ideological work, political education

В начале 1930-х гг. на Дальнем Востоке СССР проживала значительная часть представителей нерусских этнических групп, которые наравне с русскими, украинцами и белорусами активно вовлекались в социально-экономическое и политическое развитие региона и страны в це-

лом. Большую часть нерусского населения юга дальневосточного региона составляли представители китайской и корейской национальности, которые в документах того времени зачастую именовались обобщенно – «восточники». В 1933 г. средняя численность «восточников»

* ИСАЕВ Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент Департамента истории и археологии Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: isaev.aa@dvfu.ru

© Исаев А.А., 2018

только по Приморской области составляла 21% всего населения. По районам области их численность была следующей: Посъетский р-н – 88%; Никольск-Уссурийский – 54%; Сучанский – 50%; Покровский – 35%; Гродековский – 34%; Ольгинский – 25%; Ханкайский – 24%; Черниговский и Ивановский – по 21% (Государственный архив Приморского края, далее – ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 88. Л. 123). Понимая это, советское партийно-политическое центральное и местное руководство стремилось использовать этот значительный человеческий ресурс в социально-экономическом, политическом и культурном развитии региона. С этой целью среди них была развернута массовая культурно-просветительская и политико-идеологическая работа, нацеленная на формирования общего идейного настроения для построения «нового справедливого социалистического общества».

В начале 1930-х гг. только по Владивостокскому городскому району функционировало 15 китайских и корейских партийных ячеек с охватом 1169 человек (762 корейца и 407 китайцев). С конца 1920-х гг. до начала 1930-х гг. национальная часть партийной организации выросла на 428 чел., или на 57,7%, среди которых подавляющее большинство представляли передовики производства и хозяйства по выполнению плана. Увеличение было достигнуто за счет улучшения массовой идеологической и просветительской работы. В продолжение развития системы политико-просветительской сети в 1933 г. было открыто 10 вечерних партийных школ и политических кружков по линии корейской части парторганизации с охватом 420 чел., и китайской – 7 школ и кружков с охватом 211 чел. Во Владивостоке эффективно работал единственный на Дальнем Востоке Интернациональный педагогический институт с рабочим факультетом (рабфаком) с охватом учащихся до 500 чел. из числа корейской и китайской молодежи. Успешно функционировали Советская партийная школа (СПШ) и Китайский педагогический техникум с охватом учащихся до 250 чел. из числа китайской молодежи. В техникумах, рабфаках и вузах имелось 5 корейских и 3 китайских отделения с охватом до 300 чел. (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 196. Л. 92–93).

Благодаря широкому охвату политико-идеологической работой «восточники» демонстрировали отличные результаты в труде. Так, среди многочисленных передовиков производства, которые являлись одновременно и проводни-

ками политико-идеологического просвещения и воспитания в массах, выделялись: по пути-не – Ким-Син-Дин, который выполнил годовую программу 1932 г. на 189,4%; по промышленности – бригада рабочих в составе 20 чел. под руководством ударника Тянь-Би-Лина, которая только за третий квартал 1932 г. помимо перевыполнения плана сэкономила 3485 рабочих часов; по морскому транспорту – бригада Ли-Юн-Мана, которая в октябре 1933 г. выполнила свою программу на 145%; в сельском хозяйстве – полевая бригада Че-Ген-Чир колхоза «Новый Мир», постоянно перевыполнявшая производственный план (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 196. Л. 92).

Основную часть политико-просветительской массовой работы среди корейского и китайского населения ДВК составляли «интернациональное воспитание» и «борьба с шовинистическими проявлениями». Далькрайком ВКП(б) в своем решении от 23 сентября 1932 г., в частности, отмечал, что «в условиях ДВК марксистско-ленинское воспитание приобретает исключительное значение в виду особой роли и значения края в социалистическом строительстве СССР, молодого в основном кандидатского состава Дальневосточной партийной организации и большого разнообразия в крае национальностей». Однако уже в резолюции о предварительных итогах реализации данного решения Далькрайкома ВКП(б) отмечалось, что «до сих пор в районах не разбита оценка откладывания марксистско-ленинского воспитания на вторую очередь после выполнения хозяйственных компаний. Непонимание и неумение использовать марксистско-ленинское воспитание как одно из сильнейших орудий для выполнения народно-хозяйственных планов. Отсутствует или слабо проводится подготовка рабочих и сельских пропагандистов, в том числе из национальных меньшинств» (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 94. Л. 34).

Подобное положение наблюдалось в общеобразовательных учебных заведениях. На 1933 г. из работающих в Приморской области национальных школ корейских было 294, китайских – 2 (городская в г. Владивостоке, сельская в Верхне-Суйфунском районе) (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 104). В качестве существенного недостатка их деятельности отмечалось отсутствие партийной прослойки среди учителей, что отрицательно отражалось на качестве обучения. Проблемой являлось отсутствие методической и детской литературы на родном языке.

Как отмечалось в документах, данные школы не использовались для улучшения и активизации интернационального воспитания, и дети этих национальностей были недостаточно включены в детское коммунистическое движение (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 93. Л. 20–21). Вместе с тем, в качестве одного из негативных факторов называлось неудовлетворительное состояние снабжения национальных школ (прежде всего корейских, китайских) учебниками и программами. Культпропы РК ВКП(б) периодически через бюро Обкомов ставили вопрос перед Крайкомом о решительном ускорении издания учебника для национальной школы для недопущения срыва учебного процесса (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 86. Л. 65).

Неудачи политической работы среди корейских и китайских трудящихся, в свою очередь, приводили к появлению в их среде критических высказываний в адрес не только коллег по работе и начальства, но и всей системы власти. Очень плохо была поставлена политическая агитация среди китайских трудящихся городов и районов. Обкомы и райкомы, политотделы первичных организаций просто не уделяли должного внимания работе среди китайских трудящихся. Отсутствие внимания к ним приводило к тому, что только в г. Владивостоке на фоне низкой заработной платы и периодических задержек в ее выплате, а также плохих бытовых условий были зафиксированы «нездоровые» настроения среди китайцев (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 464. Л. 29).

Восточные трудящиеся часто не были охвачены культурно-бытовым и политико-идеологическим обслуживанием, что было следствием бездействия национальных партийных ячеек, которые не реагировали своевременно на нужды рабочих и колхозников, не стремились преодолеть «политическую отсталость» отдельных групп восточных рабочих. Бригадная проверка выявила отсутствие массовой политической разъяснительной работы на Дальзаводе, Эгершельде, Цементном заводе и других крупных промышленных предприятиях и организациях, где работали представители «восточников». Вся работа перекладывалась на особых национальных уполномоченных, которых никто не знал и работа которых никем не контролировалась. По данным Владивостокского ГК ВКП(б), на 5 мая 1933 г. в сеть партийного просвещения был вовлечен 491 кореец (11,5% от общего числа слушателей) и 214 китайцев (5% от общего числа слушателей). Из них мало

кто хоть немного знал русский язык. Восточные рабочие не понимали доклады на русском языке без перевода, однако система партийного просвещения переводчиками обеспечена не была. Вопросами правильного проведения в жизнь национальной политики партии в деревне повседневно никто не занимался. Иманский КК-РКИ в своем решении от 27 июня 1933 г. констатировал упадок политико-массовой работы среди «восточников», наличие конфликтов между русскими и восточными рабочими (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 88. Л. 128–129; 131).

Говоря о конфликтах, стоит отметить вопиющие факты избиения восточных рабочих на Электростанции, занижения нормы отпуска хлеба китайским рабочим (300 г против 500 г для русских рабочих), установления самообслуживания в столовой на Чуркине только китайским рабочим и др. (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 196. Л. 93). Заведующий обозом леспромхоза Исаков в течении ряда месяцев терроризировал китайских рабочих (ругань, издевательства, запугивание): дошло до того, что при его появлении на кухне китайские рабочие разбежались. По отношению к китайцам имелись случаи серьезной задержки выплаты заработной платы на срок до 5–7 месяцев (Российский государственный архив социально-политической истории, далее – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 36. Л. 94–94об). Отмечались также факты бытового неравенства между русскими и восточными работниками предприятий и организаций. Так, китайские рабочие Уссурийской железной дороги были вынуждены снимать жилье у частного (большая скученность, антисанитария, грязь, холод) несмотря на то, что у железной дороги имелось хорошее общежитие, которое, однако, предоставлялось только русским рабочим. Такая же ситуация наблюдалась на многих промышленных предприятиях и в отношении корейских рабочих.

Для вовлечения китайских трудящихся, которые в большинстве проживали и работали в г. Владивостоке и в промышленных городах (Сучан, Спасск, Никольск-Уссурийский и др.), в дело социалистического строительства и приобщения к новым реалиям, хозяйственно-политическое руководство стремилось обеспечить проведение необходимой культурно-просветительской и политико-идеологической работы. Для них организовывались клубы, где всегда была классическая и политическая литература и пресса на китайском языке, выходили стенные газеты, проходили спектакли китайского

театра и киносеансы на китайском языке или с китайскими субтитрами. На производствах они обслуживались силами партийных кабинетов, красных уголков. Так, во Владивостоке на Дальзаводе и Эгершельде рабочие-китайцы обслуживались красными уголками, клубом, китайским театром, кино и агитбригадой китайского театра рабочей молодежи (ТРАМ). В остальных городах китайские рабочие обслуживались профсоюзными клубами и уголками (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 104). Однако главный упор в деле идеологической работы среди «восточников» делался на советские партийные школы, техникумы и институты.

В Дальневосточном крае до 1933 г. в систему обучения китайских рабочих входили китайский педагогический техникум во Владивостоке, китайское отделение рабфака, китайское отделение педагогического института, китайское отделение Хабаровского Далькомвуза и Владивостокская китайская Совпартшкола 2-й ступени. Затем все эти разнотипные учебные заведения в целях концентрации материальной базы и преподавательских сил были объединены в Китайскую краевую ленинскую школу повышенного типа (Государственный архив Хабаровского края, далее – ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 597. Л. 14). С 29 сентября 1933 г. она стала именоваться Дальневосточной китайской ленинской школой повышенного типа и являлась единственным в Дальневосточном крае и в СССР китайским учебным заведением при Наркомпросе. Школа занималась подготовкой кадров как для политико-просветительской работы, так и для работы в органах оборонного значения, в том числе для военных и политических органов (т. н. «спецработы») внутри Дальневосточного края [5, с. 133–134].

Качество выпускников школы оценивалось как в целом не высокое. Требование к повышению качества выпускаемых школой кадров звучало постоянно, но удовлетворить его школа не могла. Одной из причин этого был весьма короткий срок учебы. Учитывая, что большая часть обучающихся отличалась малограмотностью, меньшей культурной развитостью, а также отсутствием должной политической активности, партийным и советским организациям приходилось применять в работе с китайцами индивидуальный подход, что создавало определенные затруднения и требовало особой подготовки работников для проведения политико-идеологической работы (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 597. Л. 10).

Помимо данной школы, которая не могла охватить политико-идеологическим просвещением все китайское население дальневосточного региона, в разнообразной форме проводились подготовки и переподготовки партийного актива. В крупных городах ДВК (Владивосток, Хабаровск, Благовещенск) в летнее время для партийного актива китайских коммунистов были организованы вечерние курсы по изучению истории ВКП(б) и истории китайской компартии. Для этого осуществлялось издание для китайских школ необходимых учебников и другой учебной, научной и методической литературы. Организовывались летние курсы повышения квалификации для китайских учителей и преподавателей, в ходе которых определялись и выявлялись возможности организации дополнительных китайских школ и других форм работы. В ходе курсовых мероприятий дополнительно проводилась работа по ликвидации неграмотности и малограмотности среди китайского населения (ГАХК. Ф. П-2. Оп. 11. Д. 201. Л. 20).

На предприятиях, стройках и транспорте осуществлялась кружковая работа, как низовой уровень политического просвещения. Так, в 1935 г. во Владивостокском порту, где работало 442 китайских работника, были созданы кружок по изучению истории ВКП(б), актив которого составлял 12 чел., три школы для кандидатов в ВКП(б), в которых обучались 37 чел., и так называемый «кружок сочувствующих», насчитывавший 10 чел. Для них проводились беседы, читались доклады и лекции о политическом положении в Советском Союзе и Китае, издавались стенгазеты на китайском языке [1, с. 146]. Подобные формы политико-идеологической работы были призваны идейно стимулировать работников в деле построения совместно с представителями других народностей и национальностей справедливого общества и сильного государства.

Обучение в школах, на курсах и в кружках во многом способствовало появлению и развитию ударничества среди китайских трудящихся, являвшихся слушателями данных школ. Во время прохождения производственной практики на предприятиях и в организациях они проводили активную политико-идеологическую работу среди китайских работников путем разъяснения основных политических вопросов, громких чтений газеты «Рабочий путь», выступали на собраниях по политическим и экономическим вопросам (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 88. Л. 108).

Корейские рабочие в городах и на предприятиях обслуживались профсоюзами, а корейцы-колхозники, проживавшие в сельских местностях, – избами-читальнями и клубами колхозников. Корейские школы имелись во всех районах Приморской области. Из 21 района области один район – Посъетский – по населению и по управлению являлся до 1938 г. исключительно национальным районом, населенным корейскими трудящимися. В остальных районах корейцы составляли от 10% до 40% населения района (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 111. Л. 104).

Сдвиг в росте сети политико-просветительской работы отмечался с 1930 г. и был связан с введением системы всеобщего обучения, ростом школ и, как следствие, районных бюджетов на народное образование. Корейское население в деле политико-идеологического массового просвещения и воспитания обслуживали школы трех типов: школы первой ступени, школы коммунистической молодежи (ШКМ) и фабрично-заводские семилетки (ФЗС)¹. Число корейских школ продолжало расти: в 1931–1932 учебном году в крае действовали 380 школ всех ступеней, которые посещали 33 595 учеников, т.е. свыше 85,5% от общей численности корейских детей школьного возраста. Сеть школ первой ступени выросла до 351, а число учащихся – до 28 846 человек, в четырех школах второй ступени обучалось 700 учеников, в двадцать одной школе колхозной молодежи – 3073 учеников и в четырех фабрично-заводских школах – 976 учеников. Введение всеобщего обязательного образования в объеме начальной школы среди корейского населения в целом было осуществлено досрочно [2].

Для развертывания широкого охвата марксистско-ленинским воспитанием национальных районов и национальных меньшинств ДВК обкомам и райкомам ставилась задача усилить подготовку нацменовских пропагандистов: «Для районов ... с корейским населением выделить переселенцев-передовиков из грамотных, провести на родном языке краткосрочные курсы пропагандистов, снабдить национальные

районы и нацменьшинства национальной литературой» (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 94. Л. 36).

На 1 мая 1931 г. коллективы корейских бедняцко-средняцких крестьянских хозяйств превышали общие темпы колхозного развития на 53%. До определенной степени это стало результатом активизации политико-идеологической массовой разъяснительной работы через увеличение в 1,5 раза по сравнению с 1930 г. сети политико-просветительских учреждений для «восточников». Постепенно рос удельный вес «восточников» и в советах (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 120. Д. 36. Л. 94).

Дальневосточная Краевая Корейская советская партийная школа, функционировавшая в Никольске-Уссурийском, имела два отделения. Первое, политико-просветительское, подготавливало пропагандистов, заведующих избами-читальнями, политико-просветительских работников, обществоведов в Школы коммунистической молодежи (ШКМ), инструкторов РК ВЛКСМ. Срок обучения здесь составлял 2 года 8 месяцев. Второе, партийное отделение со сроком обучения 2 года занималось прежде всего повышением квалификации и переподготовкой парторгов, председателей сельских советов, бригадиров МТС, колхозных бригадиров (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 243. Л. 79–86).

Качество работы данной партийной школы в целом рассматривалось как удовлетворительное, однако вплоть до ее закрытия в конце 1930-х гг. продолжали иметь место различные проблемы материального (недооснащение помещений мебелью и вспомогательным инвентарем), кадрового (невысокий общеобразовательный и политический уровень преподавателей) и другого характера. Партийное руководство дальневосточного региона пыталось оказать учреждению необходимую поддержку, поскольку осознавало важность его работы в сфере развития партийно-политического просвещения среди корейского населения, что в условиях обострения международного положения во многом носило стратегический характер. Так, в постановлении бюро Далькрайкома ВКП(б) об итогах проведения подлинного партийного доклада в Ворошиловской партийной организации Уссурийской области от 8 января 1936 г. при рассмотрении состояния образования в корейской СПШ и корейском педагогическом техникуме отмечалось следующее: «...Необходимо в течение месяца провести мероприятия, обеспечивающие оздоровление корейской СПШ и корейского педагогического техникума

¹ Фабрично-заводские семилетки (ФЗС) – общеобразовательные школы, которые существовали в городах и рабочих поселках с 1926 по 1934 гг. Кроме общего образования такие школы на практике знакомили учащихся с трудовым приемом и процессам. Закончившие ФЗС могли поступить в 8-й класс средней школы или в среднее профессиональное учебное заведение. В мае 1934 г. ФЗС были преобразованы в неполные средние школы.

(пересмотреть состав преподавателей, заведующих отделениями, укрепить партийными и комсомольскими кадрами и т. п.). Необходимо добиться превращения этих учебных заведений в кузницы большевистских кадров, воспитывать в них учащихся в духе непримиримой борьбы за решение партии, за ленинско-сталинскую национальную политику. Городскому комитету пересмотреть состояние школ сети партийного просвещения, обеспечить однородность состава школ по подготовке слушателей, осуществить систему контроля за работой школ и их руководством, проверять успеваемость слушателей школ» (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 439. Л. 26).

Корейские пропагандисты, как отмечалось в докладной записки по вопросам партийного просвещения за 1933 г., в основной своей массе стояли ниже по уровню политической подготовки по сравнению с русскими. Это объяснялось тем, что 90% из них не владели русским языком. В основу своей работы агитаторы, беседчики ставили только громкие читки газеты «Авангард». Игнорировали газеты «Тихоокеанская звезда», «Правда» и «Известия». Это обстоятельство и отсутствие необходимых условий не могли не отразиться на самом ходе и качестве учебы, которое характеризовалось как неудовлетворительное (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 88. Л. 111).

Наличие языкового барьера отрицательно влияло на все стороны взаимодействия русских и корейских трудящихся, включая коммуникации в ходе проведения политико-идеологической массовой разъяснительной работы. Периодически в Приморский областной комитет ВКП(б) направлялись докладные записки, в которых среди многих проблемных вопросов звучал и языковой: «... Плохо дело обстоит с пропагандой среди корейцев, которые не знают русского языка. Необходимо их выделить в особую группу, что мы сделать не можем, ввиду отсутствия преподавателей по общественно-политическим дисциплинам. До сего времени для них мы имели переводчика, но это не достигло своей практической цели и товарищи усваивали слабо, в силу чего прошу прислать пропагандиста-корейца, владеющего корейским и русским языком» (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 513. Д. 48).

На Дальнем Востоке в 1930-е гг. работали сотни корейских школ разных уровней, а также другие учебные заведения с обучением на корейском языке. Издавались газеты и журналы на корейском языке, работал корейский театр, многочисленные самодеятельные кружки. Корейский язык функционировал в разных сферах

жизни, использовался и в обществе, и в семье, и в повседневном общении проживавших компактно корейцев [3, с. 259–260]. Недоступность политической, идеологической и методической литературы на корейском языке существенно тормозила культурно-просветительскую идеологическую работу. В протоколе совещания политотделов МТС с культпропами РК ВКП(б) от 23 июля 1933 г. в качестве одной из ключевых проблем, мешающих развертыванию политико-массовой работы, называлось отсутствие достаточного количества литературы, а также существующие в ней ошибки орфографического и содержательного характера, разночтения и разносодержательность между литературой, выпускаемой в ДВК, и аналогичной, выпускаемой в Москве (ГАПК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 86. Л. 27).

К середине 1930-х гг. корейское население на Дальнем Востоке СССР в социально-экономическом и прежде всего в политическом отношении почти полностью интегрировалось в советское общество. Корейцы образовали колхозы и сельхозартели, трудились на промышленных предприятиях, развивали национальную культуру, принимали активное участие в проведении политической линии партии и правительства среди рабочих и колхозников путем организации кружков, бесед, чтоток, совещаний и митингов по политико-идеологическим вопросам. Отрезанные от родины, они понимали, что Россия стала их второй родиной. Однако, несмотря на активное участие в общем деле, их взаимодействие с русским населением происходило тяжело и медленно. Это усугублялось отсутствием разумной национальной политики, гражданского общества, тяжелым экономическим положением основной части дальневосточного населения.

Уже во второй половине 1930-х гг. советское руководство, зависимое от внешнеполитической конъюнктуры, постепенно изменило ориентиры национальной политики по отношению к корейскому и китайскому населению ДВК. Высокая вероятность войны с Японией и сомнения в благонадежности «восточников» стали официальным поводом для коренного решения вопроса их нахождения на территории советского Дальнего Востока. В 1937–1938 гг. в связи с кампаниями по выдворению «восточников» происходила ликвидация национальных школ, газет, клубов, изб-читален, кружков и всей системы политического просвещения китайского и корейского населения региона как таковой. Если в процессе выселения с корейским населением обходились более-менее до-

стойно (разъясняли им причины и план переселения, а также предоставляли информацию о местах вселения), то с китайцами обошлись гораздо хуже. В феврале-марте 1938 г. органами УНКВД по Приморскому краю было арестовано около 8,5 тыс. китайцев. Они подвергались жестоким допросам с пытками и избиениями с целью «выявления шпионских и диверсионных связей». В это время только из Приморья в Китай, Амурскую и Хабаровскую область было выслено более 10 тыс. китайцев [4, с. 79–80].

Таким образом, в 1930-е гг. советское политическое руководство предпринимало значительные попытки «советизации» корейцев и китайцев, проживавших в дальневосточном регионе СССР. Составным элементом этого процесса являлась политико-идеологическая, образовательная и воспитательная массовая работа, которая ставила целью совместное построение «светлого социалистического будущего». Китайцы и корейцы, прошедшие советскую образовательную, политическую школу и идейную обработку, несмотря на репрессии и принудительную миграцию, сохраняли приверженность идеям социализма и сыграли значительную роль в будущей победе коммунизма в КНДР и КНР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Залеская О.В. Культурно-просветительская работа среди китайских рабочих на Дальнем Востоке России (20–30-е годы XX в.) // Россия и АТР. 2007. № 3. С. 139–151.
2. Ким Г.Н. Советизация и система образования среди корейцев Дальнего Востока // Коре Сарам – Записки о корейцах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://koryo-saram.ru/kim-g-n-sovetizatsiya-i-sistema-obrazovaniya-sredi-korejtsev-dal-nego-vostoka/>
3. Сон Ж.Г. Советские (российские) корейцы – от добровольной до принудительной миграции (1920–1938) // Межкультурные взаимодействия в условиях глобализации: опыт России и Кореи / Отв. ред. Р.К. Тангалычева, И.А. Коргун. СПб.: «Скифия-принт», 2012. С. 249–265.
4. Чернолуцкая Е.Н. Этномиграционные процессы в Приморье в 1917–1930-е гг. // Вацук

А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 10–98.

5. Щуковская Ю.П. Из истории организации политико-просветительского образования среди китайского населения в Приморском крае. 1923–1939 гг. // Вестник архивиста. 2009. № 3. С. 128–143.

REFERENCES

1. Zaleskaya, O.V., 2007. Kul'turno-prosvetitel'skaya rabota sredi kitaiskikh rabochikh na Dal'nem Vostoke Rossii (20–30-e gody XX v.) [Cultural and educational work among Chinese workers in the Russian Far East, 1920s–1930s], Rossiya i ATR, no. 3, pp. 139–151. (in Russ.)
2. Kim, G.N. Sovetizatsiya i sistema obrazovaniya sredi koreitsev Dal'nego Vostoka [Sovietization and education system of Koreans in the Russian Far East]. URL: <https://koryo-saram.ru/kim-g-n-sovetizatsiya-i-sistema-obrazovaniya-sredi-korejtsev-dal-nego-vostoka/> (in Russ.)
3. Son, Zh.G., 2012. Sovetskie (rossiiskie) koreitsy – ot dobrovol'noi do prinuditel'noi migratsii (1920–1938) [Soviet (Russian) Koreans – from voluntary to forced migration, 1920–1938]. In: Tangalychev, R.K. and Korgun, I.A. eds., 2012. Mezhhkul'turnye vzaimodeistviya v usloviyakh globalizatsii: opyt Rossii i Korei. Sankt-Peterburg: «Skifiya-print», pp. 249–265. (in Russ.)
4. Chernolutsкая, E.N., 2002. Etnomigratsionnye protsessy v Primorye v 1917–1930-e gg. [Ethnomigration processes in Primorye, 1917–1930s]. In: Vashchuk, A.S., Chernolutsкая, E.N., Koroleva, V.A., Dudchenko, G.B., Gerasimova, L.A., 2002. Etnomigratsionnye protsessy v Primorye v XX veke. Vladivostok: DVO RAN, pp. 10–98. (in Russ.)
5. Shchukovskaya, Yu.P., 2009. Iz istorii organizatsii politiko-prosvetitel'skogo obrazovaniya sredi kitaiskogo naseleniya v Primorskom krae. 1923–1939 gg. [From the history of the organization of political information education among the Chinese in Primorsky krai, 1923–1939], Vestnik arkhivista, no. 3, pp. 128–143. (in Russ.)

В.А. Ильиных, В.Б. Лапердин**

ХЛЕБОЗАГОТОВИТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ 1932/33 г. В СОВХОЗАХ ЗАПАДНО-СИБИРСКОГО КРАЯ

В статье осуществлена реконструкция хода хлебозаготовительной кампании 1932/33 г. в совхозах Западно-Сибирского края. Совхозы должны были продемонстрировать преимущества крупного механизированного сельского хозяйства. Возлагаемые на них надежды не оправдались. Несмотря на административный нажим и репрессии, первоначальный годовой план хлебосдачи в государственном секторе аграрной экономики края был выполнен лишь на 86%. Причинами срыва заготовительного задания стали низкий уровень организации производства, несоблюдение норм агротехники, дефицит рабочей силы и техники. Систематическое невыполнение планов хлебозаготовок было характерно для совхозов и других регионов страны. Программа совхозного строительства была свернута.

Ключевые слова: аграрная политика, зерновая проблема, хлебозаготовки, совхозы, Сибирь

Grain procurement campaign of 1931–1932 in West Siberian region.
VLADIMIR A. ILINYKH, VYACHESLAV B. LAPERDIN (Institute of History, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences)

The authors reconstruct the course of grain procurement campaign of 1932–1933 in the state farms of West Siberian region. The analysis provides an opportunity: to determine the basic features of agricultural and procurement policy of Soviet state in the early 1930s; to show the specifics of functioning of agriculture at the first stage of the socialist modernization and to identify the basic methods of managing Stalinist mobilization economy. The state farms were to demonstrate the advantages of large-scale mechanized agriculture, however hopes placed on them were not equaled. Despite the administrative pressure and repressions, the annual grain procurement plan in state sector of agrarian economy of West Siberian region was fulfilled only by 86%. Among the reasons of the failure were the low level of production organization, non-compliance with the norms of agricultural technology, shortage of labor and equipment. Grain in the fields and on the way to pour out points was plundered. Systematic non-fulfillment of grain procurement plans was also typical for state farms in other Soviet regions. The cost of grain production on state farms was much higher than on collective farms. Hence, the program of state farm construction was curtailed.

Keywords: agricultural policy, grain problem, grain procurement, sovkhov, Siberia

* ИЛЬИНЫХ Владимир Андреевич, доктор исторических наук, заведующий сектором аграрной истории Института истории Сибирского отделения Российской академии наук.

E-mail: agro_iwa@mail.ru

ЛАПЕРДИН Вячеслав Борисович, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора аграрной истории Института истории Сибирского отделения Российской академии наук.

E-mail: laperdin2011@mail.ru

© Ильиных В.А., Лапердин В.Б., 2018

Составной частью программы социалистической модернизации сельского хозяйства в СССР являлось совхозное строительство. Совхозы должны были превратиться в высокомеханизированные образцовые крупные хозяйства «социалистического типа», результатами своего труда на деле доказывая крестьянам близлежащих селений преимущества обобщественного производства. Ставилась задача создания значительного количества новых крупных специализированных хозяйств. Признавалось необходимым ускоренное развитие прежде всего зерновых совхозов, которые должны были внести существенный вклад в разрешение обострившейся зерновой проблемы. В качестве составной части ее решения рассматривалось не только увеличение зернового производства, но и рост его товарности, зримым показателем которого должно было стать увеличение объемов централизованных хлебозаготовок.

Заготовки – сегмент хлебооборота, в рамках которого осуществляется отчуждение продукции зернового производства для последующего распределения между потребителями. Под централизованными заготовками понимается изъятие зерна у производителей и его передача в централизованный общегосударственный фонд. В СССР ежегодное проведение хлебозаготовок традиционно приобретало характер хозяйственно-политических кампаний.

При изучении заготовительных кампаний начала 1930-х гг. исследователи основное внимание уделяли освещению хлебозаготовок в колхозах [2; 4; 5; 8]. Общая оценка заготовок в совхозном секторе экономики в начале 1930-х гг. дана В.В. Кондрашиным [6, с. 70–72, 136–137]. Задача настоящей работы состоит в детальной, близкой к хроникальной, аналитической реконструкции хода хлебозаготовительной кампании 1932/33 г. в совхозах Западно-Сибирского края. Подобный анализ позволяет определить базовые особенности аграрной и заготовительной политики советского государства в начале 1930-х гг., предметно показать отличительные черты функционирования сельского хозяйства страны на первом этапе его «социалистической» модернизации, выявить основные методы управления сталинской мобилизационной экономики. Западно-Сибирский край относился к основным зернопроизводящим регионам страны и отличался интенсивным совхозным строительством.

В конце 1929 – 1930 г. в Сибири развернулось строительство крупных специализированных

совхозов. Удельный вес совхозов всех систем в посевах зерновых на территории Западно-Сибирского края увеличился с 1,6% в 1929 г. до 3,6% в 1930 г. В 1930/31 заготовительном году они сдали государству 4,2 млн пуд. хлеба, что составило 5,7% от общего объема централизованных хлебозаготовок в крае. Таким образом, товарность зернового производства в совхозах была выше, чем в колхозах и у единоличников. Однако от «зерновых фабрик» государство ожидало большего. Годовое заготовительное задание по совхозному сектору аграрной экономики было выполнено лишь на 60% [11, с. 256; 9, с. 17, 246].

В 1931 г. интенсивное совхозное строительство продолжалось. Посевы зерновых в совхозах края увеличились в 3,7 раза, а их доля в общей посевной площади достигла 11,1% [11, с. 256]. Ситуация в зерновом хозяйстве резко осложнилась летом 1931 г. в связи с сильной засухой, поразившей основные хлебопроизводящие районы Западной Сибири. Урожайность зерновых в целом по краю по состоянию на 1 сентября была определена краевой экспертной комиссией в 5 ц/га. Предполагаемый сбор в колхозах составлял 4,6 ц/га, в совхозах – 4,5 ц/га, в единоличных хозяйствах – 6,2 ц/га. Более низкая урожайность в совхозах объяснялась тем, что в засушливых районах располагались наиболее крупные зерносовхозы, на долю которых приходилось 50% посевов краевого Зернотреста. Реальный урожай оказался еще ниже [1, с. 493].

Зерна в Западно-Сибирском крае собрали, по официальным данным, на 41% меньше, чем в предыдущем году [11, с. 270]. Однако центральное руководство страны игнорировало информацию о масштабах недорода. Регион получил на 1931/32 г. хлебозаготовительное задание, превосходящее фактически заготовки 1930/31 г. на 5%, а совхозы – на 96%. Естественно, что календарные заготовительные планы не выполнялись. На конец октября совхозы сдали государству всего 3 млн пуд. хлеба (Государственный архив Новосибирской области, далее – ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 158. Л. 21об.; Оп. 5. Д. 530. Л. 3).

Руководство края настаивало на уменьшении заготовительного задания. Центр пошел на это не сразу. Лишь 15 ноября 1931 г. Наркомат снабжения СССР утвердил снижение плана по совхозам Западно-Сибирского края с 8,2 млн до 5 млн пуд. (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 150. Л. 226). Сниженный план был фактически выполнен.

Хлебосдача совхозов Западно-Сибирского края в 1931/32 г. составила 4994 тыс. пуд. [9, с. 246].

Краевые власти основным фактором относительной неудачи совхозов в сфере хлебозаготовок в 1931/32 г. считали недород. Хлебосдача в следующем году должна была доказать преимущества совхозного сектора экономики над колхозным. Весенний сев 1932 г. прошел достаточно успешно. Посев зерновых в совхозах Западно-Сибирского края по сравнению с предыдущим годом увеличился на 31%. В колхозах прирост посевов зерновых составил лишь 0,5%, что стало следствием недорода 1931 г. и сверхнормативного изъятия хлеба в ходе заготовительной кампании. В единоличных хозяйствах площадь посева снизилась на 71%, а во всех категориях хозяйств в целом – на 15%. В итоге удельный вес государственного сектора аграрной экономики в посеве зерновых в 1932 г. в крае увеличился до 17,2% [11, с. 256].

Достижения государственного сектора экономики определялись более высоким уровнем обеспечения совхозов материально-техническими ресурсами. Сверхнормативное изъятие хлеба в ходе заготовительной кампании 1931/32 г. оставило многие колхозы без семян. Меры государства, направленные на их снабжение семенным материалом накануне посевной кампании, не смогли в полной мере возместить дефицит. Бескормица привела к сокращению поголовья рабочих лошадей. Наличная тягловая сила была истощена [1, с. 494–496]. Совхозы недостатка в семенном материале не испытывали. Значительная часть сельхозработ в них была механизирована.

В колхозах не хватало трудовых ресурсов. Следствием голода стало массовое бегство колхозников из деревни. Текучесть кадров постоянных работников в совхозах также была значительной. Однако во время массовых полевых работ совхозы широко прибегали к найму сезонных рабочих. Поскольку их заработная плата была относительно высокой, особенно на фоне оплаты труда колхозников, желающих работать на совхозных полях было достаточно.

Лето 1932 г. в ряде районов Западной Сибири было засушливым, но масштабы неурожая в целом по региону не стали столь катастрофичными, как в предыдущем году. Сбор хлеба увеличился, но урожайность зерновых оставалась низкой. С 1 га зерновых в Западно-Сибирском крае во всех категориях хозяйств, по опубликованным в официальном статистическом сборнике сведениям, собрали 7 ц, в совхозах всех

систем – 7,1, в колхозах – 6,7 ц [11, с. 269]. Однако эти данные были завышены.

Утвержденный бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) годовой план хлебодачи совхозами, включая возврат полученных в предыдущие годы натуральных ссуд, составлял 16,2 млн пуд. В колхозно-крестьянском секторе планировалось заготовить 70,2 млн пуд. «Главную массу хлеба» надлежало сдать в течение августа-октября, выполнить годовое задание по совхозам – до 15 декабря, а полностью рассчитаться с государством по всем секторам – до 1 января 1933 г. (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 354. Л. 55–55об., 177об.).

Совхозы вновь не оправдали возлагаемых на них надежд. С самого начала кампании 1932/33 г. они имели наиболее низкие показатели выполнения календарных заготовительных планов. В августе месячное задание было выполнено на 60,7% [14]. 16 сентября бюро крайкома ВКП(б), рассмотрев ход хлебозаготовок, отметило «совершенно неудовлетворительное поступление хлеба от совхозов» и обязало директора Западно-Сибирского зернотреста Л.С. Марголина «принять исчерпывающие меры, гарантирующие полное выполнение принятого задания на сентябрь» (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 354. Л. 71). Решение бюро крайкома выполнено не было. Совхозы, получившие месячное задание в 3 млн пуд., смогли сдать не многим более 2 млн пуд. (66% месячного задания) [13]. В октябре наиболее отстающим сектором по-прежнему оставались совхозы – 68% месячного задания и 33,7% годового. Выполнение годового плана колхозами составляло 51,5%, единоличниками – 91% (табл. 1) [12]. Пленум Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) 1 ноября 1932 г. обязал директоров совхозов «в кратчайший срок ликвидировать прорыв и обеспечить выполнение годового плана к установленному сроку». Райкомы в свою очередь обязывались оказать помощь зерносовхозам в обмолоте и вывозе хлеба (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 354. Л. 125).

Аналогичная ситуация складывалась и в других зернопроизводящих регионах страны [6, с. 136]. 4 ноября Политбюро ЦК ВКП(б) потребовало от региональных властей и Наркомата зерновых и животноводческих совхозов СССР добиться увеличения темпов хлебодачи в совхозах [3, с. 261]. 11 ноября при Западно-Сибирском крайкоме ВКП(б) состоялось совещание с участием всех директоров зерносовхозов. 15 ноября вопрос о хлебозаготовках в зерносовхозах обсудило бюро крайкома (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 354. Л. 136).

**Итоги централизованных хлебозаготовок
в Западно-Сибирском крае в 1932/33 г. по секторам**

Дата	Совхозы	Колхозы	Единоличники	Итого
Заготовлено, тыс. пуд				
на 31.08	275	1221	76	1571
на 30.09	2348	12245	2449	17041
на 31.10	5458	33025	5556	44039
на 30.11	7603	53988	6362	67954
на 31.12	10505	63012	6637	80154
на 31.01	13213	70394		83607
на 30.06	13889	64371	6612	84872
Выполнение годового плана, %				
на 31.08	1,7	1,9	1,6	1,8
на 30.09	14,5	18,7	51,0	19,7
на 31.10	33,7	51,5	91,0	51,0
на 30.11	47,0	84,2	104,2	78,7
на 31.12	67,0	103,0	102,1	96,1
на 31.01	89,3	104,0		101,3
на 30.06	93,9	103,4	107,7	102,0

Источники: ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2 Д. 524. Л. 11; [9, с. 246]. *Примечания:* 1) На 30.06 приводятся итоговые данные Управления уполномоченного Комитета заготовок СНК СССР по Западно-Сибирскому краю, остальные сведения – по оперативным данным крайуполкомзага. 2) В апреле в единоличном секторе заготовили 610 пуд. В том же месяце было возвращено единоличникам 3,1 тыс. пуд. незаконно изъятого хлеба. 3) Показатели выполнения годового плана рассчитаны от действующего на указанную дату его варианта. 4) В таблице не приведены данные о сборе гарнца, взимаемого с мельпредприятий.

Основной причиной заготовительных затруднений, возникших в совхозах региона и страны в целом, являлась низкая урожайность, которая, в свою очередь, стала следствием полного забвения агротехнических основ земледелия. Для совхозного, как, впрочем, и для колхозного полеводства была характерна плохая обработка почвы. Ставшее правилом, а не исключением затягивание весенних посевных работ приводило к вымерзанию посевов и позднему созреванию хлебов. Качество семян было низким, посев велся с огрехами, нормы высева

занижались, удобрения фактически не вносились, севообороты не соблюдались. В основанных на целинных землях специализированных зерносовхозах начать внедрение севооборотов планировалось лишь через несколько лет после начала обработки почвы. В итоге пшеница, фактически являвшаяся в совхозах монокультурой, сеялась по пшенице из года в год. Поля засорялись. Результатом подобной агротехники являлись редкие всходы, забиваемые сорняками. Директор Западно-Сибирского зернотреста Л.С. Марголин в одном из совхозов увидел

«картину поля, где среди громадных зарослей сорняков, особенно полевого осота, совершенно жалкую картину представляло собой культурное растение – пшеница» [16, с. 15].

Нарком земледелия Я.А. Яковлев также отмечал «скверное качество обработки земли» в совхозах: «У нас в совхозах оказалось немало паров, в сводках зачисленных, в действительности же представлявших собой к моменту посева степь, бурно заросшую дикими травами, притом степь всю в кочках и глубоких рытвинах. У нас немало оказалось зяби, представляющей собой поднятые и перевернутые глыбы земли, даже не продискованные» [17, с. 2].

Директора совхозов связывали затягивание хлебосдачи с нехваткой техники и рабочих рук. Дефицит техники стал следствием отставания ее поставок в хозяйства от темпов наращивания посевных площадей. В Западно-Сибирском крае число зерносовхозов увеличилось в 1932 г. по сравнению с предыдущим годом почти в 2 раза (с 14 до 26), а количество комбайнов – лишь в 1,5 раза. Доля зерновых культур, убранных комбайнами, снизилась в зерносовхозах края с 49% в 1931 г. до 16% в 1932 г. [11, с. 762, 764]. Первый секретарь Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р.И. Эйхе в письме от 1 декабря 1932 г. сообщал И.В. Сталину: «Весь план работы совхозов был построен в основном на уборке комбайнами; и когда из-за отсутствия тракторов и комбайнов уборка прошла простейшими машинами и теперь совхозам приходится обмолачивать урожай с сотен тысяч га, то создается чрезвычайно тяжелая обстановка. Молотилок не хватает, колхозников привлечь на работу можно только с величайшими затруднениями» [3, с. 239]. Автомашин для вывоза зерна из совхозов также не хватало. В то же время возможность мобилизации для этих целей рабочей и гужевой силы в колхозах была затруднена, поскольку многие из них также продолжали обмолот и вывоз зерна на заготовительные пункты.

Связанное с нехваткой техники и рабочей силы затягивание уборки и обмолота привело к резкому увеличению потерь урожая. Длительный перестой хлебов вызвал самоосыпание зерна. Амбарный урожай в итоге существенно уступал и без того низкому урожаю на корню. Проверившая деятельность Ададымского зерносовхоза комиссия установила, что если до выпадения снега в середине октября 1932 г. при обмолоте выход зерна на 1 га составлял в среднем 6,3 ц, то в конце декабря – только 3,6 ц.

В Крутоярском зерносовхозе выход хлеба снизился с 6 до 4,7 ц/га. Высокие потери наблюдались при транспортировке и хранении зерна. Иногда ситуация доходила до абсурда. В Крутоярском зерносовхозе три трехтонные машины при следовании с поля до амбара из-за неисправности короба рассыпали по пути весь груз (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 525. Л. 64–65).

Часть площадей, занятых зерновыми, осталась необранной и ушла под снег. Как и в предыдущие годы, в совхозах процветали бесхозяйственность и так называемое разбазаривание хлеба. Одно из отделений Ададымского совхоза, где работало 280 рабочих, получало хлебные пайки на 860 чел. Принадлежавшая совхозу мельница, согласно документам, передала рабочему кооперативу 1348 ц муки, в то время как было оформлено получение только 1297 ц. На вопрос, куда делся 51 ц муки, заместитель директора по хозяйственной части развел руками и заявил: «Неизвестно, видимо, утруска» (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 525. Л. 60). Пользуясь отсутствием контроля, совхозы распоряжались хлебом по своему усмотрению, несмотря на то что весь выращенный и собранный урожай считался собственностью государства.

Бесконтрольное расходование хлеба представляло широкие возможности для хищений. Перевозившие хлеб шоферы часто пользовались своим служебным положением. Водитель Алабатинского совхоза продал пятитонную машину пшеницы за 3 тыс. руб. Столь крупную сделку с ним заключили казахи одного аула, вскладчину приобретшие зерно. Занимались хищениями не только шоферы, но и другие рабочие совхозов, если у них были для этого возможности (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 525. Л. 28–29).

Мигрировавшие из Казахской АССР казахи-голодобеженцы организовывали поселения вблизи или прямо на принадлежавших совхозам землях и во время созревания хлебов занимались «колосованием» (сбором зерна путем срезания колосьев) и расхищением хлеба во время обмолота. Не только голодающие казахи, но и крестьяне близлежащих деревень пользовались возможностью поправить свое материальное и продовольственное положение за счет совхозов: «Имеется ряд случаев, когда крестьяне окружающих сел, приезжая в совхоз, открыто нагружали пшеницу и везли за пределы совхоза. Всего за подобные хищения арестовано 48 чел., которые были осуждены показательным процессом местным судом». Хищением совхозного хлеба занимались и колхозники, работавшие на убор-

ке и обмолоте урожая в совхозе (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 525. Л. 27).

Невыполнение заготовительных заданий в ряде совхозов также было связано с тем, что их директора изначально завысили данные об урожайности зерновых. Весной некоторые из них, стремясь отчитаться об ударных темпах посевной кампании, предоставляли неточные сведения о площади посева. Осенью для получения одобрения вышестоящих инстанций ими завышались данные о видах на урожай. Контрольная краевая комиссия, оценивавшая деятельность Ададымского зерносовхоза, выяснила, что его дирекция завысила урожай, заявив о 72 тыс. ц валового сбора, в то время как согласно актам апробации на корню, проведенной в конце лета, биологический урожай составлял 69 тыс. ц. Позже дирекции пришлось снижать данные о его размерах по причине высоких потерь в ходе сбора урожая. В ноябре было заявлено о 59 тыс. ц валового сбора. Фактически же совхоз собрал около 41 тыс. ц (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 525. Л. 55–56). Подобные случаи были не единичны.

Западно-Сибирский зернотрест зачастую не посылал уполномоченных на места для выяснения точности сведений. Определение урожайности стало внутренним делом совхозов, их данные практически не проверялись, что дало возможность дирекциям самим устанавливать цифры. При этом попытки работников совхозов указать на ошибки в определении урожайности встречали жесткую критику. Так, в Крутойровском зерносовхозе заместитель директора по производственной части, осмелившийся уточнить валовой сбор, был обвинен директором хозяйства в «правом оппортунизме» по причине того, что его цифры оказались меньше ранее предоставленных совхозом краевым организациям (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 525. Л. 65).

15 ноября 1932 г. бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) приняло постановление «О хлебозаготовках по зерносовхозам», в котором выполнение годового плана хлебосдачи признавалось неудовлетворительным. Директор Западно-Сибирского зернотреста Л.С. Марголин обязывался, «исходя из необходимости обеспечить выполнение плана зерносовхозами к 15 декабря», установить для каждого совхоза календарные сроки хлебосдачи, оказать им помощь путем переброски молотилок, тракторов и автотранспорта. Райкомам ВКП(б) районов, на территории которых располагались зерносовхозы, предлагалось обеспечить получение ими из МТС и колхозов недостающего количе-

ства молотилок и вербовку рабочей силы для обмолота и вывоза хлеба. Директорам совхозов предлагалось «в целях сокращения расходов хлеба на потребительские нужды немедленно снять со списков кормящихся по совхозам всех ненужных совхозам лишних людей, взятых совхозами на кормление по собственному почину или навязанных им местными организациями, обратив освободившееся зерно на выполнение плана хлебосдачи» (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 525. Л. 136–136об.).

Бюро крайкома объявило выговоры директорам Завьяловского и Алтайского зерносовхозов Карпушу и Леваку. Однако Р.И. Эйхе считал краевой уровень взыскания для директора Завьяловского совхоза недостаточным и попросил И.В. Сталина объявить ему выговор от ЦК с опубликованием в печати. Просьба была выполнена [3, с. 214]. 18 ноября в «Советской Сибири» опубликовано сообщение ТАСС с информацией о том, что директору Завьяловского зерносовхоза Карпушу объявлен выговор ЦК ВКП(б) «за совершенно неудовлетворительное выполнение плана хлебосдачи». Карпуш также получил предупреждение, что «в случае невыполнения плана хлебосдачи он будет привлечен к более суровой ответственности как по партийной, так и по государственной линии».

Обязывая директора Западно-Сибирского зернотреста и райкомы ВКП(б) обеспечить выполнение совхозами годового заготовительного задания к 15 декабря, руководство края было уверено в невозможности реализации своей директивы. 12 ноября Р.И. Эйхе и Ф.П. Грядинский направили И.В. Сталину телеграмму с ходатайством отсрочить сдачу совхозами края 2 млн пуд. зерна до 1 марта 1933 г. Свою просьбу они аргументировали недостатком материально-технических ресурсов и рабочей силы для обмолота и вывоза хлеба в установленный ранее срок. Политбюро ЦК ВКП(б) согласилось перенести срок завершения хлебосдачи совхозами Западной Сибири на 15 января [3, с. 213–214].

В ноябре перелома в выполнении заготовительных планов совхозами Западной Сибири не произошло. Более того, объем сдачи совхозами хлеба государству снизился с 3110 тыс. пуд. в октябре до 2145 тыс. пуд. в ноябре. На 30 ноября 1932 г. годовой план был выполнен лишь на 47%, тогда как колхозами – на 84% (см. табл. 1). В начале декабря ситуацию с хлебосдачей совхозов Западной Сибири взяли на контроль высшие должностные лица СССР. 1 декабря

И.В. Сталин и В.М. Молотов направили в адрес Р.И. Эйхе и председателя Западно-Сибирского крайисполкома Ф.П. Грядинского шифротелеграмму, в которой на них возлагалась личная ответственность за хлебозаготовки в совхозах: «Берите в руки дело сдачи хлеба совхозами, если не хотите нарваться на неприятность». Руководителям Западно-Сибирского края поручалось: а) «арестовать немедленно директора совхоза “Степной” Гравеля за явный саботаж хлебосдачи с объявлением об этом в печати и направить его этапом в Москву в ОГПУ»; б) «предписать директорам совхозов Сортсемтреста и Зернотреста немедленно организовать честную и большевистскую сдачу хлеба с безусловным выполнением плана в срок, если они не хотят подвергнуться жестокой каре»; в) «сообщить к 7 декабря фамилии директоров совхозов всех систем, не выполняющих план сдачи хлеба несмотря на Ваше предупреждение» (Российский государственный архив социально-политической истории, далее – РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 45. Л. 65). Потребовав увеличить темпы хлебосдачи, Центр тем не менее удовлетворил просьбу краевого руководства о частичном снижении плана возврата совхозами натуральных ссуд. Возврат 500 тыс. пуд. переносился на следующий год (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 354. Л. 168–168 об.).

2 декабря собранное в срочном порядке бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) обсудило меры по реализации директивы И.В. Сталина и В.М. Молотова. Было решено направить в 6 зерносовхозов с самыми большими заготовительными заданиями комиссии крайкома «под руководством краевых работников с участием секретарей райкомов соответствующих районов, также работников ГПУ с тем, чтобы обеспечить на месте проведение всех мероприятий и помощи совхозам, проверки организации работ совхозов, также необходимых репрессий» [3, с. 238].

На том же заседании было принято совместное постановление бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) и президиума крайисполкома «О хлебосдаче по совхозу “Степной”». Полномочному представительству ОГПУ по краю предлагалось «за явный саботаж организации хлебосдачи» арестовать директора совхоза Гравеля и направить его в ОГПУ в Москву. «За непринятие мер по организации контроля и необходимой помощи в обмолоте, триеровке и хлебосдаче совхозу “Степной”» строгий выговор получили секретарь Смоленского райкома

и председатель райисполкома (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 469. Л. 319). 3 декабря постановление опубликовали в краевой газете «Советская Сибирь».

3 декабря Р.И. Эйхе направил И.В. Сталину и В.М. Молотову шифротелеграмму с информацией о мерах по усилению хлебосдачи в совхозах. В ней также содержалась просьба разрешить снять с работы директора Бийского зерносовхоза Ветошников в связи с тем, что руководимое им хозяйство выполнило план хлебосдачи лишь на 37%. В ответной шифротелеграмме Сталин и Молотов предложили «не снимать пока Ветошников, а сказать ему, что если он не доведет сдачу хлеба до максимума в течение двух ближайших пятневок, мы покараем его жестоко» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 45. Л. 70, 77).

Информируя Центр о предпринятых мерах, руководство Западно-Сибирского края вновь подняло вопрос об отсрочке сроков хлебосдачи совхозами. 1 декабря Р.И. Эйхе направил И.В. Сталину шифротелеграмму, в которой просил генсека «ввиду того исключительно тяжелого положения, которое создалось в совхозах с обмолотом, сроки сдачи значительно отсрочить». Срок завершения выполнения годового заготовительного задания по-прежнему предлагалось перенести на 1 марта, а объем отсрочки увеличить до 3,5 млн пуд. «Мы просили и просим отсрочить сдачу до 1 марта исходя из того, что начиная с конца декабря и весь январь фактически не может быть сколько-нибудь значительного обмолота в связи с сильными морозами, при которых мы без прозодежды рабочих на молотье не удержим. Это с одной стороны, и во-вторых, если будем молотить, окончательно выведем из строя наш тракторный парк» [3, с. 239–240]. В ответной шифротелеграмме просьба о перенесении срока выполнения годового заготовительного задания на 1 марта была определена как «неприемлемая». По мнению Сталина, «задержка» могла привести к хищениям и порче зерна. В качестве крайней меры он соглашался отсрочить сроки завершения хлебосдачи до 1 февраля (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 45. Л. 76).

В первой половине декабря темпы хлебосдачи в совхозах увеличились. Однако этого было недостаточно для своевременного выполнения годового плана. На 15 декабря 1932 г. выполнение сокращенного в начале месяца заготовительного задания по совхозам всех систем составляло 60%, по Зернотресту – 58%, Сорт-

сементресту – 56% (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 357. Л. 100; Д. 354. Л. 177об.). Оргинструкторский отдел Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) в обзоре «О ходе и результатах хлебозаготовок на 15 декабря 1932 г.» в качестве одной из причин задержки обмолота и вывоза хлеба в совхозах назвал недостаточность помощи, оказываемой им местными властями. Так, в Алейском и Тогучинском районах местным совхозам отказали в просьбах о предоставлении молотилок. В Быстро-Истокском районе в совхоз послали 6 молотилок без бригад. Битковский совхоз вместо 19 сложных молотилок получил только 10, из них 8 – без бригад, из 15 «полусложных» молотилок не получил ни одной, в хозяйство не было отправлено ни одной лошади из 800 назначенных. Дирекция Бердского совхоза сообщала: «Нет бензина, буран и морозы до 20 градусов. Получено от района 7 молотилок-кустарок, лошадей 59, людей 72 чел. В оказании помощи район медлит» (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 357. Л. 98–105).

Бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) 19 декабря, крайне негативно оценив результаты хлебосдачи в совхозах, приняло решение объявить выговор директору Зернотреста Л.С. Марголину, снять с работы, арестовать и «отправить в распоряжение ОГПУ» директора Завьяловского зерносовхоза Карпуша, снять с работы директора Сосновского зерносовхоза Маркова. СибКК поручалось в начале января рассмотреть вопрос о партвызысканиях по отношению к директорам других отстающих зерносовхозов, «а в отношении некоторых – и исключение из партии, если не будет достигнуто решающего перелома в организации обмолота и хлебосдачи».

Райкомам компартии и их секретарям напоминалось об ответственности в выполнении плана хлебосдачи. Смоленский, Ново-Омский, Тогучинский, Лушниковский, Бийский, Бердский, Черепановский, Прокопьевский, Павлоградский, Борисовский, Шипуновский и Алейский райкомы обязывались организовать выезд «всем основным работникам бюро РК непосредственно в совхозы для руководства организацией по каждому совхозу по обмолоту и хлебосдаче, мобилизуя для этих целей внутри районов в колхозах и единоличных хозяйствах необходимое количество молотилок, рабочую и гужевую силу, устанавливая для колхоза и единоличного хозяйства задания по обмолоту и вывозу».

В зерносовхозы также направлялись члены бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б)

и президиума крайисполкома: в Черепановский – первый секретарь крайкома Р.И. Эйхе, в Сосновский – секретарь крайкома И.И. Кудрявцев, в Крутоярский и Ададымский – секретарь крайкома Лаврентий (Л.И. Картвелишвили), в Алтайский – заместитель председателя крайисполкома И.И. Решиков, в Бердский – заместитель председателя крайисполкома В.Ф. Тиунов (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 354. Л. 177об.–179). Направление непосредственно в хозяйства столь высокопоставленных должностных лиц свидетельствует о значении, которое руководство края придавало форсированию хлебосдачи в совхозах. Р.И. Эйхе не хотел «нарваться на неприятности», обещанные ему И.В. Сталиным в случае провала заготовительного задания совхозами региона.

Беспрецедентное давление принесло свои плоды. Объем хлебосдачи в совхозах в декабре увеличился по сравнению с предыдущим месяцем более чем на треть и составил 2902 тыс. пуд. Однако к радикальному изменению плановых показателей это не привело. На 31 декабря 1932 г. годовой план был выполнен лишь на 67% (см. табл. 1). Основными причинами срыва календарных заданий стали погодные условия (сильные морозы, перемежаемые буранами), а также так и не восполненный дефицит рабочей силы и техники.

Руководство Западно-Сибирского края не смирилось со сложившимся положением. Период с конца декабря 1932 г. до начала второй декады января 1933 г. в Западно-Сибирском крае стал временем «штурма по ликвидации прорыва» в хлебосдаче совхозов. 29 декабря бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) приняло постановление «Об усилении обмолота и хлебосдачи совхозами», которое предусматривало: 1) отправку в течение суток в Прокопьевский зерносовхоз специальной комиссии крайкома; 2) командирование в трехдневный срок в Прокопьевский, Черепановский, Бердский, Завьяловский и Сосновский зерносовхозы бригад по 10 человек «из состава новосибирского и омского актива <...> для непосредственной работы около [молотильных] агрегатов»; 3) направление в Крутоярский, Ададымский и Алаботинский зерносовхозы комиссии крайРКИ для выяснения недостачи хлеба и выявления виновных в этом. Кроме того, бюро крайкома решило снять с работы и предать суду директора Бердского зерносовхоза, исключить из партии, снять с работы и арестовать заведующего 6-м отделением Сосновского зерносовхоза [15].

3 января бюро крайкома утвердило план централизованных хлебозаготовок на январь, равнявшийся всей невыполненной части годового заготовительного задания по совхозам – 5,2 млн пуд. Директора совхозов предупреждались, что в случае «срыва» годового плана будет поставлен вопрос об исключении их из партии. Секретарям райкомов и председателям райисполкомов районов, на территории которых располагались совхозы, указывалось, что «они наравне с директорами совхозов отвечают за выполнение плана хлебосдачи в январе и обязаны оставаться на работе непосредственно в совхозе впредь до выполнения совхозом плана хлебосдачи» (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 441. Л. 5–6).

5 января бюро крайкома утвердило «окончательные» сроки завершения хлебосдачи совхозами Зернотреста и Сортсептреста. Персональная ответственность за завершение хлебосдачи в установленные сроки возлагалась на директоров совхозов, секретарей райкомов, председателей райисполкомов, уполномоченных крайкома и крайисполкома, которых обязали «безвыездно быть в совхозах впредь до полного завершения хлебосдачи». Перечисленные «товарищи» предупреждались, что «в случае невыполнения ими плана сдачи хлеба <...> будет поставлен вопрос об исключении из рядов партии». 13 января бюро крайкома решило направить в наиболее отстающие зерносовхозы выездные сессии краевого суда (ГАНО. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 441. Л. 7; Оп. 1. Д. 417. Л. 15).

С начала января 1933 г. в «штурм по ликвидации прорыва» активно включилась центральная краевая газета «Советская Сибирь». В ряде номеров освещение хлебосдачи в совхозах стало центральной темой. По нашей оценке, частота и объем публикаций краевой газеты, посвященных данному вопросу, в течение 18 дней января были беспрецедентными. С 2 по 12 января материалы размещались на первой полосе. 2 января хлебосдаче совхозов были посвящены передовая статья «Вытравить буржуазные тенденции», объемная корреспонденция о Бердском зерносовхозе «На Шипке все спокойно» и перепечатка обзора «Правды» от 31 декабря 1932 г. «Регистрация фактов вместо борьбы за хлеб» с критикой позиции «Советской Сибири» по вопросу заготовок в совхозах.

3 января в газете публикуются корреспонденции о Битковском («Дальше резолюций не идут») и Завьяловском («Много хороших, но не выполненных обещаний») совхозах; 4 января –

передовая статья «Беспощадный отпор антигосударственным тенденциям» и корреспонденция «До конца очистить Алтайский зерносовхоз от кулацкого отребья и буржуазных перерожденцев, ударно выполнить план хлебосдачи!»; 6 января – корреспонденция «Руководство Прокопьевского зерносовхоза вместо усиления обмолота и хлебосдачи продолжает цепляться за “объективные причины”»; 7 января – корреспонденция «Причины отставания Черепановского зерносовхоза кроются в классовой слепоте его руководителей»; 8 января – корреспонденция «Руководство Прокопьевского зерносовхоза окончательно обанкротилось» и заметка о ситуации в Битковском совхозе «Полную нагрузку молотилкам и транспорту»; 9 января – корреспонденция «В Крутоярском зерносовхозе разбазаривание хлеба не считают антигосударственной тенденцией» и заметка «Зерно под снегом» о ситуации, сложившейся в семеноводческом совхозе «Кубанка»; 12 января – корреспонденция «К суровому ответу руководителей Прокопьевского зерносовхоза за преступный срыв хлебосдачи» и заметка о Бердском совхозе «Регистрируют и разводят руками».

В нескольких следующих номерах «Советской Сибири» материалы о хлебосдаче совхозов размещались на третьей и четвертой полосах. На первых публиковались доклады руководителей партии и правительства на январском объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). 13 января газета разместила обзор «Многотиражка “В бой за хлеб”» (Прокопьевский совхоз) и две заметки «Руководители Бийского зерносовхоза проходят мимо таких контрреволюционных безобразий, как расхищение государственной собственности» и «Тогучинский райком партии – в ответе за позорное положение дел в Завьяловском зерносовхозе»; 14 января – корреспонденция о Крутоярском совхозе «Вышибить кулаков и прочие антисоветские элементы из совхозов и окончательно их уничтожить»; 16 января – корреспонденция «[директор Бийского зерносовхоза] Ветошников это называет “просчетами”». 17 января на первой полосе краевой газеты опубликована заметка «Директор Битковского зерносовхоза Худяков с обывательским благодушием относится к воровству хлеба». 19 января на второй странице – корреспонденция о Сосновском зерносовхозе «В трясине преступной бесхозяйственности» в рубрике «В ближайшие же дни завершить выполнение плана хлебосдачи во всех совхозах». После 19 января информация о хлебосдаче совхозов сходит со страниц

«Советской Сибири», что означало прекращение «штурма прорыва».

По оперативным данным на 20 января 1933 г., хозяйства Западно-Сибирского зернотреста с начала кампании сдали государству 11,3 млн пуд., что составило 81% от годового заготовительного задания, а хозяйства Сортсемтреста – 1,4 млн пуд. (102%). Вышеприведенные цифры свидетельствуют, что основной поставщик хлеба государству в регионе в совхозном секторе, Зернотрест, на долю которого приходилось 95% от годового задания по совхозам в целом, план провалил. Несмотря на это, бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) 21 января обратилось в ЦК компартии с просьбой снять с «черной доски» «Правды» директоров краевого Зернотреста и западносибирских совхозов¹ (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 420. Л. 32; Д. 354. Л. 55). Данное прошение было алогичным лишь на первый взгляд.

Принимая решение о начале «штурма», руководство региона, по нашему мнению, исходило из следующих соображений. На конец 1932 г. годовой план централизованных хлебозаготовок по всем секторам сельской экономики Западно-Сибирского края был выполнен на 96,1% (см. табл. 1). Таким образом, региону не удалось реализовать поставленную верховной властью задачу добиться его выполнения к 1 января 1933 г. Затягивание хлебозаготовок вызывало жесткую критику со стороны И.В. Сталина и создавало угрозу для политической карьеры партийного и советского руководства края. Однако хлебозаготовки отставали от графика и в других зернопроизводящих регионах страны [6, с. 139]. Дефицит хлеба нарастал. Продовольственное положение резко ухудшилось. Руководители Западной Сибири понимали, что гарантией их политического самосохранения может стать выполнение годового плана централизованных хлебозаготовок в возможно короткие сроки. Добиться этого в основном за счет кол-

хозно-крестьянского сектора представлялось невозможным: годовой план по нему был уже выполнен. Тотальное дополнительное изъятие зерна могло полностью лишить колхозы семенных и продовольственных ресурсов. В то же время в колхозно-крестьянском секторе можно было получить определенные дополнительные объемы хлеба за счет заготовок в районах, не выполнивших годовой план. Но основным хлебным донором должны были стать совхозы. Необмолоченное зерно в них оставалось. Для руководства края было очевидно, что его недостаточно для выполнения всего разверстанного на совхозный сектор годового заготовительного задания. Но за счет совхозов можно было получить большую часть хлеба, не достающего для довыполнения регионального плана централизованных хлебозаготовок.

Р.И. Эйхе и Ф.П. Грядинский в конце декабря 1932 г. не могли публично заявить о невозможности полного выполнения плана хлебосдачи совхозами. Во-первых, это могло вызвать жесткую критику со стороны И.В. Сталина, во-вторых, расхолаживающе подействовать на директоров совхозов. Своей скрытой цели руководители края достигли. На 20 января 1933 г. годовой план централизованных хлебозаготовок был выполнен на 100,1% за счет колхозно-крестьянского сектора (см. табл. 1) (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 420. Л. 32). В других зернопроизводящих регионах добиться выполнения заготовительных заданий к этому времени не удалось. Именно поэтому руководители Западно-Сибирского края сочли себя вправе просить не только о снятии с «черной доски» «Правды» сорвавших годовой план директоров зерносовхозов.

21 января 1933 г. бюро Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) официально признало невозможность выполнения годового заготовительного задания по совхозному сектору сельской экономики. Исходя из того, что «в результате бесхозяйственности, прямого вредительства, расхищений и растрат хлеба в зерносовхозах установленный план хлебосдачи оказался для ряда зерносовхозов нереальным», бюро крайкома решило создать комиссию, которой поручалось проработать вопрос о снижении заготовительных заданий отдельным зерносовхозам. При этом следовало учитывать необходимость их обеспечения достаточными объемами семян, продовольствия и фуража (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 2. Д. 441. Л. 13).

28 января бюро крайкома обсудило предложения комиссии. По итогам обсуждения данно-

¹ На «черную доску» «Правды» были занесены директор Западно-Сибирского зернотреста, директора Алтайского, Битковского, Бийского, Ададымского, Черепановского и Прокопьевского зерносовхозов, секретарь райкома ВКП(б) и председатель райисполкома Баевского района [10]. 24 января 1933 г. в «Правде» появилось датированное 22 января 1933 г. сообщение РОСТА из Новосибирска: «Западная Сибирь выполнила полностью годовой план хлебосдачи и заканчивает засыпку зерна». Помещенную в том же номере «черную доску» сопровождала приписка о том, что вышеперечисленные должностные лица с нее «снимаются».

го вопроса было решено: 1) «В связи с выполнением плана хлебозаготовок по краю в целом считать хлебосдачу по Зернотресту законченной». 2) Годовое заготовительное задание хозяйствам Зернотреста снизить на 890 тыс. пуд. 3) Зерно, которое будет сдано Зернотрестом в рамках довыполнения сокращенного плана, направить для оказания семенной помощи животноводческим совхозам.

Приняв решение о свертывании хлебосдачи в зерносовхозах, бюро крайкома тем не менее подвергло руководство треста и директоров отстающих хозяйств жесткой критике за невыполнение государственного заготовительного задания. Их «главной ошибкой» стало «упущение лучшего времени для молотбы – октябрь, особенно ноябрь. Это запоздание обмолота привело к громадным дополнительным затратам сил и средств для организации обмолота в зимнее время». За ошибки следовало платить. В связи с этим соответствующим должностным лицам надлежало «просмотреть списки всех директоров совхозов и заведующих отделениями с тем, чтобы применить те или иные репрессии по отношению к лицам, виновным в бесхозяйственности, саботаже хлебосдачи и т. п.». «В связи с выявлением дополнительных моментов, характеризующих большую бесхозяйственность», бывшего директора Сосновского зерносовхоза Маркова и его заместителя Якубовича надлежало арестовать и предать суду. Крайпрокурору и председателю краевого суда поручалось «организовать в Сосновском зерносовхозе немедленно 1–2 открытых процесса по наиболее показательным делам о хищении с применением к виновным высшей меры наказания» (ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 420. Л. 15–16).

Всего в январе 1933 г. в совхозах Западно-Сибирского края заготовили 2708 тыс. пуд. хлеба, что лишь на 6,3% уступало показателям предыдущего месяца. На конец месяца выполнение сокращенного 28 января годового заготовительного задания составило 89,3%. До конца заготовительного года, который официально завершился 30 июня 1933 г., совхозы края сдали государству еще 676 тыс. пуд., доведя выполнение годового плана до 93,9%. Первоначальный вариант плана удалось выполнить на 85,7% (см. табл. 1). Плановая дисциплина в совхозах других регионов страны была еще хуже. Выполнение утвержденного Политбюро ЦК ВКП(б) 1 сентября 1932 г. годового заготовительного задания по совхозному сектору СССР в 159 млн пуд. составило 62,4%, а со-

кращенного в ходе кампании до 124 млн пуд. – 80%. Всего в 1932/33 г. совхозы сдали государству 99,1 млн пуд. зерна. Следует отметить, что принятый в марте 1931 г. VI съездом Советов СССР трехлетний план развития совхозов предусматривал получение от совхозов в 1932/33 г. 290 млн пуд. [4, с. 487, 504].

Еще более неприятным сюрпризом для сталинского руководства было то, что себестоимость производства сельхозпродукции в совхозах была на порядок выше, чем в колхозах. Государство было вынуждено тратить значительные средства на материально-техническое и финансовое обеспечение совхозов. Их работники, в отличие от колхозников, получали гарантированную заработную плату. В реальной действительности «социалистической реконструкции сельского хозяйства» совхозы стали не «локомотивами» аграрной экономики, а ее обременением. В материалах созданной по инициативе Сталина специальной комиссии по проверке хозяйственной деятельности совхозов констатировалось, что они «фактически повисли на шее у государства» [7, с. 36]. Провал программы совхозного строительства стал очевидным, и в 1932 г. ее свернули.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аграрная политика советского государства и сельское хозяйство Сибири в 1930-е гг.: документально-монографическое издание / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2011.
2. Баранов Е.Ю., Корнилов Г.Е., Лабузов В.А. Аграрное развитие и продовольственное обеспечение Урала. 1928–1934 гг. М.: Дашков и К, 2009.
3. Голод в СССР. 1929–1934: сб. документов в 3-х т. Т. 2: Июль 1932 – июль 1933. М.: МФД, 2012.
4. Дэвис Р., Уиткрофт С. Годы голода: сельское хозяйство СССР. 1931–1933. М.: РОССПЭН, 2011.
5. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг.: трагедия российской деревни. М.: РОССПЭН, 2008.
6. Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и ее результаты (1929–1933 гг.). М.: РОССПЭН, 2014.
7. Кондрашин В.В. Хлебозаготовительная политика в СССР в годы первой пятилетки и ее результаты // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 4. С. 34–38.
8. Мошков Ю.А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяй-

ства СССР (1929–1932 гг.) М.: Изд-во Московского ун-та, 1966.

9. Политика раскрестьянивания в Сибири: хроникально-документальный сборник / отв. ред. В.А. Ильиных, О.К. Кавцевич. Вып. 2: Формы и методы централизованных хлебозаготовок. 1930–1941 гг. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2002.

10. Правда. 1932. 18 января.

11. Сельское хозяйство СССР: ежегодник 1935. М.: Сельхозгиз, 1936. 10

12. Советская Сибирь. 1932. 3 ноября.

13. Советская Сибирь. 1932. 3 октября.

14. Советская Сибирь. 1932. 3 сентября.

15. Советская Сибирь. 1933. 1 января.

16. Социалистическое земледелие. 1932. № 11–12. С. 15.

17. Специалист социалистического земледелия. 1931. № 9–10. С. 2.

REFERENCES

1. Agrarnaya politika sovetskogo gosudarstva i selskoe khozyaistvo v Sibiri v 1930 gg.: dokumentalno-monograficheskoe izdanie [Agrarian policy of Soviet state and agriculture of Siberia in the 1930s: documents and reserach]. Novosibirsk, 2011. (in Russ)

2. Baranov, E.Yu., Kornilov, G.E., Labuzov, V.A., 2009. Agrarnoe razvitie i prodovolstvennoe obespechenie Urala. 1928–1934 [Agricultural development and food supply in the Urals, 1928–1934]. Moskva. (in Russ)

3. Golod v SSSR. 1929–1934: sbornik dokumentov v 3-kh t. T. 2: iul' 1932 – iul' 1933 [Famine in the USSR, 1929–1934: collected documents in 3 volumes. Vol. 2: July 1932 – July 1933]. Moskva, 2012. (in Russ)

4. Davies, R. and Wheatcroft, S., 2011. Gody goloda: sel'skoe khozyaistvo SSSR. 1931–1932 [The years of hunger: Soviet agriculture, 1931–1933]. Moskva. (in Russ)

5. Kondrashin, V.V., 2008. Golod 1932–1933: tragediya rossiiskoi derevni [The famine of 1932–

1933: tragedy of Russian village]. Moskva. (in Russ)

6. Kondrashin, V.V., 2014. Khlebozagotovitel'naya politika v gody pervoi pyatiletki i eyo rezul'taty (1929–1933 gg) [Grain procurement policy during the first five-year plan and its results, 1929–1933]. Moskva. (in Russ)

7. Kondrashin, V.V., 2013. Khlebozagotovitel'naya politika v SSSR v gody pervoi pyatiletki i eyo rezul'taty [Grain procurement policy in USSR during the first five-year plan and its results]. Gumanitarnye issledovaniya v Sibiri, no. 4, pp. 34–38. (in Russ)

8. Moshkov, Yu.A., 1966. Zernovaya problema v gody sploshnoy kollektivizatsii selskogo khozyaistva v SSSR [Grain problem during collectivization years in USSR, 1929–1932]. Moskva. (in Russ)

9. Ilyikh, V.A. and Kavtsevich, O.K. eds., 2002. Politika raskrestyanivaniya v Sibiri: khronikal'no-dokumental'nyi sbornik. Vyp. 2: Formy i metody tsentralizovannykh zagotovok [«Raskrestyanivaniye» in Siberia: collected documents. Issue 2: Forms and methods of centralized grain procurement, 1930–1941]. Novosibirsk. (in Russ)

10. Pravda, 1932, January 18. (in Russ.)

11. Selskoe khozyaistvo v SSSR: ezhegodnik 1935 [Soviet agriculture: a yearbook of 1935]. Moskva, 1936. (in Russ).

12. Sovetskaya Sibir', 1932, November 3. (in Russ.)

13. Sovetskaya Sibir', 1932, October 3. (in Russ.)

14. Sovetskaya Sibir', 1932, September 3. (in Russ.)

15. Sovetskaya Sibir', 1933, January 1. (in Russ.)

16. Sotsialisticheskoe zemledelie, 1932, no. 11–12, p. 15. (in Russ.)

17. Spetsialist sotsialisticheskogo zemledeliya, 1931, no. 9–10, p. 2. (in Russ.)

УДК 1(091)

DOI dx.doi.org/10.24866/1997-2857/2018-3/122-127

Е.Н. Мотовникова*

ОРГАНИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ: СТРУКТУРА И СМЫСЛЫ**

Статья содержит изложение актуальных аргументов в пользу органического понимания истории как основы исторического образования и просвещения. На основе обращения к классическим работам русской органической школы (А.А. Григорьева, Н.Н. Страхова, К.Н. Бестужева-Рюмина и Г.С. Померанца) показана социальная и эпистемологическая предпочтительность уходящего горизонта личностно-смыслополагающей истины органического понимания перед догматическими формулами исторической идеологии и теоретического позитивизма. Автор обосновывает необходимость формирования в обучении и просвещении установок целостно-органического исторического видения и критического мышления для распространения идеи единства истории при многообразии ее понимания и трактовок в сложном современном обществе.

Ключевые слова: органическое понимание истории, русский органицизм, догматизм, смыслополагание, холизм, антипозитивизм, историческое образование

Organic view of history: structure and meanings. ELENA N. MOTOVNIKOVA (Belgorod National Research University)

The article makes a case for the organic understanding of history as the basis of historical education. Appealing to the classical works of the Russian organic school (Apollon Grigoriev, Nikolai Strakhov, Konstantin Bestuzhev-Ryumin and Grigory Pomerants) the author states social and cognitive preference of the outgoing horizon of personal truth within the framework of organic understanding over the dogmatic formulas of historical ideology and theoretical positivism. The author justifies the need to formulate attitudes of the integral-organic historical vision and critical thinking in teaching, which would serve to distribute the idea of the unity of history along with the diversity of its understanding and interpretations in a complex modern society.

Keywords: organic view of history, Russian organicism, dogmatism, meaning-making, holism, anti-positivism, history education

Органическое понимание истории должно сегодня рассматриваться, на мой взгляд, не только как наилучший, но и актуально единственный правильный подход в преподавании истории в средней и высшей школе, как и в широком историческом просвещении, в популяр-

* МОТОВНИКОВА Елена Николаевна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и теологии Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета.

E-mail: motovnikova@bsu.edu.ru

© Мотовникова Е.Н., 2018

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-011-01252.

зации исторических знаний через литературу и СМИ. Если в работе профессиональных историков разработка исторических теорий («моделей развития»), по-видимому, неизбежна, то для «потребителей» исторического знания никогда не следует превращать историю в ее противоположность – теорию (в рамках классического эпистемологического противопоставления логического и исторического), при условии, что мы видим в истории инструмент развития национального и гражданского сознания и самосознания, а не разжигания страстей гражданской распри и идеологической (информационной) войны.

Органическое историческое понимание, известное с античных времен (аристотелевский телеологизм), приобрело особую значимость в Новое и Новейшее время как противовес волне позитивизма, накрывшей исторические науки, как такая метаисторическая позиция, которая принципиально отвергает общезначимость любых теоретических моделей (монофакторных или полифакторных) объяснения таинственных в своей глубинной основе процессов жизни, идет ли речь о биографии частного человека (личности, живущей свою жизнь в поле индивидуальной свободы и ответственности) или о коллективном историческом субъекте (органической культурно-национальной общности), также необъяснимом вполне и непредсказуемом в своей целостной судьбе в мире.

Органическое мышление, вопреки все еще распространенным позитивистским ошибочным его истолкованиям, несводимо ни к системному подходу, ни тем более к пресловутой «биологической метафоре» (вторичной по отношению к философской идее органического целого). Наиболее важные структурные основы органического мышления как особенного, специфического стиля научного мышления (Б. Пружинин), составляют установки, известные в философии как холизм (или холистичность), телеологизм, познавательный кеносис и теоретический скепсис. Это означает, что недоверие к рассудочному познанию, склонному к абстрагирующей аналитичности, мнимым следованиям и поспешным обобщениям, органический мыслитель направляет прежде всего на себя самого (внутренняя полемичность), постоянно подвергая свои собственные, как и чужие, концептуализации испытаниям контраргументами, опровержениями «от противного». В неисчерпаемой событийности исторического предмета познания никто не может быть уверен ни в чем

со степенью очевидности или верифицирующей/фальсифицирующей наглядности, но если испытания сомнением (Р. Декарт) выдержаны, то результат познания следует признать заслуживающим внимания и включения в более широкий контекст знания, даже если это потребует серьезного пересмотра традиции, полемики с устоявшимися представлениями и образом мыслей. В этом скепсисе и кеносисе исторический органицизм обнаруживает свою научную состоятельность, познавательную серьезность, проявляющиеся как последовательное и твердое эпистемологическое самоограничение.

Что же касается способов приращения знания и углубления понимания, то есть творческого познавательного начала, то органическое исследование стремится, во-первых, принимать в качестве значимых именно специфические, оригинальные черты, проявившиеся уже как характерные (индивидуализирующие) для данного изучаемого исторического феномена, и искать в его прошлом истоки («зародыши», «зерна», «семена» и т. п.) этого своеобразия; а во-вторых, не замыкать все внимание на отдельных, пусть даже самых ярких, чертах, но стараться учесть взаимовлияния разных характеристик внутри исторического целого и воздействий на него извне, составить целостный образ, выявить исторические связи («корни») его взаимоотношений с большим миром (с «почвой» и «средой»), в котором он, как раз в силу своего своеобразия, играет некую органически важную роль. Обилие биологических метафор в описании методов органического исторического исследования говорит только о том интуитивно очевидном факте, что для формирования новых понятий о живых исторических связях и процессах лучше подходит лексический материал языка биологии, чем физики или математики. И хотя никаких принципиальных запретов в этом процессе научного словотворчества не существует, стилистические смысловые предпочтения сразу дают понять, с какой парадигмой исторического мышления мы имеем дело в данном конкретном тексте (описываются «движущие силы» и «причины» или «духи» и «вихри» русской революции, например).

Таким образом, в органическом историческом описании и/или исследовании мы несколько раз, подвижные исследовательским интересом и упомянутым скепсисом, меняем масштаб целого и ракурсы его рассмотрения, сам рассказ ведем неповторимым (не методическим) путем,

не зная заранее не только конечного пункта, но и того, не придется ли вернуться и переписать какую-то часть истории из-за открывшихся новых значимых деталей (сколько раз переписываются биографии великих людей, хроники жизни которых известны, кажется, поминутно).

Такая генетическая цельность и связность повествования, историческая в узком смысле слова, есть структура, вызывающая порождение смысла, наводящая и исследователя-рассказчика, и читателя-реципиента на телеологическое видение исторического процесса. Смысл как мысль о самом главном в некоей истории не задается здесь теоретически, в начале, и не следует в конце как логический вывод или обобщение, а рождается как ответ на вопрос о смысле – когда, если, поскольку и как этот вопрос задается; органический исторический текст – это подлинно открытая структура.

Телеологизм в истории вариативен и полемичен: вспомним версии смысла российского исторического примера перед лицом западной цивилизации («Европы»), извлеченные из его существенно органического рассмотрения П.Я. Чаадаевым, В.С. Соловьевым и Н.Я. Данилевским в XIX в. (можно специально обратить внимание на то, что даже при пересказе этих концепций непременно используются вопросные тропы: «Чаадаев задается вопросом...», «Данилевский задается вопросом...») и вновь актуальные в наши дни (если мы задаемся этими же вопросами). Это полемическое многообразие само по себе органично для исторического познания, как и для научного исследовательского мышления в целом, в отличие от догматизма теоретических схем – «одноточных теорий» (Г. Померанц). «Анти-органические», сознательно абстрагирующиеся от своеобразия исторических индивидуальностей обобщающие модели истории продолжают появляться и сегодня, как, например, теория технико-информационного развития (прогресса), в которой теоретически преодолеваются (архаизируются) факторы национальной культуры и естественного человека в качестве основных, определяющих факторов исторического развития (так или иначе принимаемых во внимание в классическом марксистском учении о тотальной классовой борьбе и глобальном коммунистическом будущем). Случайно ли, что на пике признания информационного подхода в истории (если считать несомненным признаком такого признания тривиализацию концепции «постиндустриального / информационного общества»

через учебные программы вузов и школ) в мире заговорили о кризисе, откате и даже «закате глобализации»? Более того, под разговоры об архаичности этнического гражданства и национальных культур мы видим, как депривация национального оборачивается «восстанием архаики» (В. Пастухов) в самых грубых, доцивилизованных, негуманных и антигуманных ее проявлениях.

Об ошибочности и опасности лишения истории надежных традиционных оснований страстно-обеспокоенно писал русский органицист А.А. Григорьев. Культ линейного развития, умственный (теоретический) прогрессизм, перенося понятие об идеале и совершенстве человека в бесконечное будущее, оставляет его в настоящем без всякой нравственной опоры, с ложным представлением о своем «величии» по отношению к людям прошлого и в ожидании «поглощения» еще «яснейшим» будущим (см.: [1, с. 46–47]). Именно воплощение вечных и абсолютных идеалов, а не текучки современной жизни, является, согласно мысли Григорьева, смыслом настоящего искусства – художественной вершины и достойной цели исторического творчества человека, – и этими же вечными идеалами-ценностями красоты, правды и любви измеряется совершенство произведения («рожденного», а не «сделанного») любой эпохи, а совсем не верностью изображения «натуры» историчной общественной жизни или теоретических представлений его автора о должном и сущем. Кризис современной эстетики в этом смысле вполне соответствует неорганическому характеру современного (в специальном смысле этого слова) искусства, живущего в параллельном мире по отношению к классической исторической традиции.

Об этой нравственной индифферентности внеисторического, внетрадиционного конструирования социальной и ментальной реальности размышлял уже в XX в. Г.С. Померанц. Универсальные логические формы представления понятий о виртуальной реальности феноменов научного предметного поля могут составлять сколь угодно протяженные ряды конструкций разной сложности (от геометрических и механических до синергетических), между которыми нет никакой иерархии смыслов (если не подменять человеческие смыслы так называемыми «уровнями сложности», или более ранними «формами движения материи» (Ф. Энгельс, Б. Кедров и др.), или их предшественницей, иерархической «лестницей наук» О. Конта).

Впитав наукообразность в процессе институализированного образования, мы привычно не замечаем и не удивляемся, что в шаблонных теоретизирующих описаниях («объект – предмет – метод») не видно ни живой преемственности исследования, ни оригинального творчества мысли – они не самобытны, не рождены из себя и для саморазвития, а «сделаны» (Ап. Григорьев), сконструированы, как «винтики» или «клеточки», всецело подчиненные универсальному космическому целому (холизм без телеологии). Если же стряхнуть с теоретической схемы обаяние позитивистской формальной простоты и красоты и задать в отношении исторической идеи вопрос, в чем ее глубина и мудрость, действительно ли «тайна прибавочной стоимости» является ключом к разгадке великой тайны истории, а прогресс производительных сил закономерно избавляет людей от зла и унижений, ответ будет, скорее всего, грустным и ироническим. «Все бедствия прошлого были объяснены: люди просто не понимали, что дважды два четыре. Теперь они поняли это, и впереди замаячило светлое будущее» [2].

Теоретизм и методологизм как стилистические мыслительные установки по существу своему противоречат свободному и личностно заинтересованному, внимательному органическому разглядыванию, всматриванию, «вчувствованию» в живое и его историю. «Вообще совершенно неправильно рассматривать органические категории как какие-то заранее составленные образы или мнения, к которым мы потом стараемся пригнать все, что нам ни встретится» [3, с. 120–121]. Органическое понимание истории изначально исходит из автономного самоопределения человека и его отдельной жизни (исторической личности) и его самобытного (Н. Страхов), свободного, самообусловленного, искреннего и ответственного поступка (М. Бахтин), перенося эти субъективные характеристики свободы и ответственности с отдельного «я» на коллективные исторические «мы» (О. Розеншток-Хюсси), когда такое коллективное сознательное «поступание» имеет место, и общность проявляет себя как ответственный исторический субъект (в меру общей сознательной целеустремленности, свободы и ответственности). Традиция русского органицизма, укорененного в особой исторической почве специфической религиозности русской философии, сохраняет глубину и высоту Григорьевской мысли о том, что подлинная основа жизни общества и его истории, а также и осно-

вание для истинного исторического суждения, и адекватный критерий для оценки развития (как степени приближения к своему совершенному состоянию) – не теории, стремящиеся, сменяя друг друга, выразить «отвлеченный дух человечества», а единый, всем эпохам понятный, боговдохновенный идеал человеческой души – «идеал правды, красоты и любви» [1, с. 47], познаваемый целостным органическим видением.

Возвращаясь к основной мысли этой статьи, хочу еще раз подчеркнуть: органическое понимание истории – единственно адекватная нашему времени установка преподавания истории в учебных заведениях и ее популяризации через СМИ. Историческое знание, общее образование воспринимается сегодня общественными группами как полный аналог самосознания (разума) отдельного человека, и история снова стала «формой общественного сознания», ареной жарких идеологических сражений. В ситуации явно возросшей неопределенности ближайшего будущего у людей обостряется не только чувство самосохранения, но и сознательная забота об адекватности понимания самой этой ситуации и своего в ней места и участия. Сегодня, как и в тревожной переломной обстановке рубежа XIX–XX вв., можно повторить слова К.Н. Бестужева-Рюмина: «У всех народов мы видим стремление к полному и всестороннему изучению своего настоящего и прошедшего; то, что когда-то считалось признаком учености или тайною канцелярии, делается теперь общим достоянием. Факты исторические, статистические, этнографические, постоянно приводятся в разговорах: ими подкрепляются или опровергаются всякие суждения...» [4, с. 44]. Объемы нынешних продаж исторической литературы нон-фикшн показали бы историкам конца XIX в. просто фантастическими, однако само по себе распространение интереса к исторической литературе еще не означает углубления исторического знания и понимания; здоровый интерес и настоящая заинтересованность должны быть направлены на выяснение исторической истины во всей ее достижимой полноте, а для этого должны быть предприняты личные познавательные усилия, в которых бы реализовалась возможность продвижения к правде свершившегося сквозь мифы и тайны, через деконструкцию разного рода исторических идеологий.

Размышляя о задачах популяризации исторического знания в массах людей, не обладающих специальным историческим образованием, не способных в силу этого к критическому отно-

шению к публикуемым документам и статьям, зачастую нацеленным на пропаганду, «проведение той или другой мысли, и притом так, что мысль выражается нередко только в подборе фактов, в более ярком освещении той стороны, которую более желательно осветить» [4, с. 45], К.Н. Бестужев-Рюмин как будто писал о нас (что дает нам лишнее опровержение теории умственного и нравственного прогресса в ученых кругах). Как опытный педагог и публицист, он очень точно формулировал главную проблему исторического просвещения: сталкиваясь с историческим нарративом или документом (особенно это касается, конечно, недавнего прошлого своего народа, всегда наименее исследованного и наиболее мифологизированного), обычный человек полагается на свой здравый смысл и «банальную эрудицию», из-за чего ему «приходится или принять совершенно ложное, но искусно сочиненное известие, или отвергнуть то, что действительно было, и что кажется невероятным...» [4, с. 46], а невероятное в форме неожиданного встречается в истории постоянно. При этом даже совершенно верно изложенный факт или документ, «вырванный из своей действительной обстановки, ... может нередко вести к совершенно ложным заключениям» [4, с. 47]. Историка здесь больше всего беспокоит и возмущает имеющая место практика выдергивания и передергивания фактов, сокрытие части информации с манипулятивными целями, и его неприятие вполне понятно. Но что значит «действительная обстановка»? Какова мера полноты и достаточности контекстуального сопровождения фактов, чтобы все вместе исключило ложное истолкование прочитанного? Если люди способны противоположным образом истолковать одно и то же событие, свидетелями которому они явились, то какой контекст и какое истолкование принимать за исторически достоверное? К.Н. Бестужев-Рюмин писал, что «такие объяснения дает только цельное, связное изложение» [4, с. 47]. Но ведь именно философско-исторические, модельно-теоретические и просто идеологические схемы способны создавать видимость такой цельности и связности, которая просто недостижима для всегда противоречивой и разорванной живой действительности. Как создать убедительную цельность и связность без симпатий и антипатий к персоналиям, без домислов и без упрощения отношений и событий?

На опасность строгой научной формы для исторического знания много раз указывал

Г.С. Померанц: «Факты, по которым, как по шпалам, проложены рельсы логики, становятся незыблемыми, коренными, решающими. Факты, противоречащие теории, вообще не факты, а (как выразился классик) фактики. <...> Чем однозначнее отправной пункт мысли, тем сильнее угроза порабощения духа логикой...» [2]. А логическое как правильное, последовательное и необходимое – полный антипод исторического, живая суть которого состоит в творчестве, в постоянном выходе из установленных правил, в изменении сложившихся последовательностей. Научные предрассудки, вроде приоритета логического над историческим, складываются у многих будущих историков в том возрасте, когда они еще не знают, что захотят после школы (а то и после армии) заняться историей и что формализм и логицизм мышления будут для них не помощниками (как в позитивистски ориентированной средней школе), а помехой и слабостью. Научные предрассудки, которые не осознаются в качестве именно предрассудков и предпосылок, становятся таким же препятствием движения к полноте истины, как слепое пятно в сознании ученого, обусловленное его культурно-историческими факторами. Поэтому и специальное научное, и общее историческое образование необходимо должны дополняться формированием развитой философской рефлексивности и критического мышления, чтобы уметь сознательно избегать «одноточных теорий» и логико-методологического самогипноза. Историческое просвещение может и должно предостерегать, учить беречься от этого гипноза и соблазна, опираясь на внятное предупреждение нашей великой литературы и трагического опыта недавней отечественной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев А.А. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства // Григорьев А.А. Искусство и нравственность. М.: Современник, 1986. С. 31–69.
2. Померанц Г.С. Одноточные теории // Григорий Померанц и Зинаида Миркина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pomeranz.ru/p/pub_one_thread.htm
3. Страхов Н.Н. Органические категории // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 116–124.
4. Бестужев-Рюмин К.Н. Задачи популяризации знаний. (Неизданная статья К.Н. Бестужева-Рюмина) // Исторический вестник. 1897. Т. LXVIII. С. 42–47.

REFERENCES

1. Grigoriev, A.A., 1986. Kriticheskii vzglyad na osnovi, znachenie i priemi sovremennoi kritiki iskusstva [A critical look at the fundamentals, meanings and techniques of contemporary art criticism]. In: Grigoriev, A.A., 1986. *Iskusstvo i nravstvennost'*. Moskva: Sovremennik, pp. 31–69. (in Russ.)
2. Pomerants, G.S. Odnonitochnye teorii [One-thread theories]. URL: http://www.pomeranz.ru/pub_one_thread.htm (in Russ.)
3. Strakhov, N.N., 2009. Organicheskie kategorii [Organic categories], *Voprosy filosofii*, no. 5, pp. 116–124. (in Russ.)
4. Bestuzhev-Ryumin, K.N., 1897. Zadachi populyarizatsii znaniy. (Neizdannaya stat'ya K.N. Bestuzheva-Ryumina) [Problems of knowledge popularization (An unpublished article of K.N. Bestuzhev-Ryumin)], *Istoricheskii vestnik*, Vol. LXVIII, pp. 42–47. (in Russ.)

Л.А. Микешина*

Г.Г. ШПЕТ КАК МЕТОДОЛОГ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

В данной статье ставится задача осмыслить современное значение результатов исследования Г.Г. Шпетом в работе «История как проблема логики» проблемы становления и развития исторического знания как науки в европейской философии с начала XVIII в. и до спорных идей И. Канта. По Шпету, логика истории не есть принципиально новая логика, это «та же логика, но специфицированная сообразно особенностям исторического предмета».

Ключевые слова: философия, логика истории, реконструкция, Г.Г. Шпет, И. Хладениус, И. Кант, эпоха Просвещения

Gustav Shpet as a methodologist of historical knowledge. LYUDMILA A MIKESHINA (Moscow Pedagogical State University)

The paper formulates a task to comprehend today's significance of the results of Gustav Shpet's investigation in his work «History as a problem of logic» into the emergence and development of historical knowledge as a science in European philosophy from the beginning of the XVIIIth century up to I. Kant's debatable ideas. According to Shpet, the logic of history is not a fundamentally new logic, but rather «the same logic, but specified according to the peculiarities of the historical subject».

Keywords: philosophy, logic of history, reconstruction, G.G. Shpet, J. Chladenius, I. Kant, Enlightenment

Густав Густавович Шпет (1870–1937) – крупнейший русский философ, охвативший и создавший в отечественной философии основные направления исследования гуманитарных и социальных наук, которые разрабатываются сегодня как актуальные и перспективные не только для XX, но и для XXI вв. Сегодня очевидно, что до сих пор в нашей стране никто не достиг таких глубин и высот в изучении гуманитарного знания как системы самостоятельных наук разного типа, каких достиг Шпет. Поставленные и исследованные им общеполитические и собственно методологические проблемы социальных и гуманитарных наук значимы и сегодня, более того, необходимость их исследования

приобретают все более современный и актуальный характер. Следует, по-видимому, различить и сопоставить проблемы, которые ставил и исследовал Шпет в их конкретном контексте своего времени, и те же проблемы, которые получили дальнейшее развитие уже в современном их видении и понимании, но с опорой на его исходные идеи. Понять и оценить эту ситуацию стало возможным в результате и в контексте современных исследований и в первую очередь проф. Т.Г. Щедриной, профессиональный исследовательский труд и реконструкции которой представили нам в новом издании с обстоятельными научными комментариями публикации и рукописи Г.Г. Шпета. Заново изучены не толь-

* МИКЕШИНА Людмила Александровна, доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского педагогического государственного университета.

E-mail: mickeshina.lyudmila@yandex.ru

© Микешина Л.А., 2018

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-011-01187.

ко изданные при жизни философа тексты, но и большинство рукописных, неизданных. Особый жанр и способ работы, представленный как исследование с позиций, научно обоснованных уникальным специалистом по текстам Шпета, – это *реконструкция*, правомерность и предельная сложность, постижение намерений самого автора которой специально обоснована [6; 7]. Особое значение имеет новое издание «Истории как проблемы логики» в двух частях – реконструкция с обстоятельным постраничным комментарием и восстановленными замечаниями и сносками автора.

Получив многотомное новое издание с подробным научным комментарием Т.Г. Щедриной, отечественные и зарубежные исследователи реализуют возможность осуществить современные исследования работ и идей Г.Г. Шпета, что нашло также отражение во вновь изданном томе в серии «Философия России первой половины XX века» (к 125-летию Г.Г. Шпета, ред. Т.Г. Щедрина, 2014), где представлены идеи, размышления и оценки трудов и идей с позиций современных специалистов, в том числе Шпета. Таким образом, с полной ответственностью можно утверждать, что имя Г.Г. Шпета и его труды в полной мере восстановлены для отечественных и зарубежных исследователей важнейших проблем герменевтического, исторического и языковедческого направлений научного социально-гуманитарного познания. С публикацией трудов Шпета, начиная с герменевтики в журнальном варианте, появилась также возможность более полного исследования феноменологических идей в гуманитарном и языковедческом контексте, что представляет особый интерес, так как это направление все еще не в полной мере освоено современными отечественными философами. До сих пор остается уникальным исследование Шпетом истории как проблемы логики, соотношения логики исторического знания, герменевтики и философии, имеющего несомненное значение для гуманитарного знания, но в полной мере не осмыслено и сегодня, несмотря на то, что потребность в особой логике для этого типа знания признается все большим числом исследователей.

Сегодня уже можно утверждать, что в истории отечественной философии, при всех успехах в современном развитии эпистемологии гуманитарного знания, Г.Г. Шпет по-прежнему во многих базовых проблемах, в частности исторического знания, занимает ведущее место. И прежде всего по таким «показателям»,

как глубина, новизна и оригинальность, обстоятельность и обширность поставленных, по-своему убедительно решаемых и сегодня не потерявших свое значение логико-методологических проблем гуманитарного знания. Все это было до поры забыто или даже утрачено в годы господства абстрактного гносеологизма, теории отражения и борьбы с идеализмом, а также всеобщего «поклонения» и абсолютизации методологии диалектического и исторического материализма. В этом «контексте» глубокие идеи и самостоятельные учения, концепции выдающегося русского философа, пролежавшие почти век в архивах «без движения», просто не могли быть освоены представителями теории познания, историками и представителями не-марксистской методологии.

Шпет изначально был уверен в самостоятельности гуманитарной науки, ее теорий и методов и никогда не принимал позитивистской позиции с ее методологией «единого научного метода» как условия статуса науки. Главные темы и проблемы, оригинально и убедительно разработанные Шпетом как крупнейшим и глубоким философом и методологом гуманитарной науки, – это основа для существенного расширения и углубления проблематики социально-гуманитарного знания и сегодня, а не только век назад. Почему возрастает актуальность разработанной в прошлом веке русским философом логики и философии гуманитарного знания? Вижу в этом несколько причин. Прежде всего причины, лежащие в основе развития философии познания в целом.

«Присутствие “Я” не ставится под вопрос» – эта мысль Хайдеггера принципиальна для оценки теории познания не только Декарта. «Ставится под вопрос – или еще меньше того, остается за скобками и не осмысливается – всегда только знание, сознание вещей, объектов или, далее, субъектов, и то лишь для того, чтобы сделать еще более убедительной предвосхищаемую достоверность; но само присутствие никогда под вопрос не ставится. Картезианская установка в философии принципиально не может поставить присутствие человека под вопрос; она тогда заранее погубила бы себя в своем специфическом замысле» [3, с. 342–343]. Мысль Декарта, ставшая хрестоматийной, – это единство метода и правил морали. «Моральная достоверность» означала высшее состояние личной убежденности человека в истинности данного положения. Термин пришел из теологии, но как важнейшее понятие философии XVII в. принимался не

только Декартом, но также Лейбницем и Локком. Многие идеи «физики гипотез» Декарта могут претендовать на статус морально достоверной истины, но не абсолютно достоверного знания. В целом очевидно, что Декарт, выявляя различные ипостаси «Я» и осуществляя рефлексию над ними, вовсе не стремился решить проблемы познания, в частности, истинности, достоверности, путем полного исключения эмпирического субъекта, и само присутствие целостного познающего человека никогда им под вопрос не ставилось. Декарт искал способы преодоления заблуждений и предрассудков, несовершенства разума, разрабатывая для этого «правила для ума» и правила метода, стремился обыденное сознание поднять до уровня научного. Казалось бы, именно эта интенция Декарта вместе с его рационалистическими принципами должна была лечь в основание европейского рационализма и Просвещения. Но произошла своего рода абберация: его критика чувственного познания, «радикальное сомнение», рациональные принципы в дальнейшем огрубляются, абсолютизируются; поиск средств осознания познавательных возможностей человека, способов преодоления ошибок и заблуждений «выродился» в утопическое представление о чистом *ratio*, обеспечивающем объективную истинность знания. Иными словами, именно элиминация человека из метафизики познания стала рассматриваться как условие истинности-достоверности, а последовательные рационалисты предстали более картезианцами, чем сам Декарт.

Сегодня в начале XXI в. философия познания достигла нового уровня в своем развитии, она не может удовлетвориться предельно абстрактным трансцендентальным субъектом как условием истинности и научности знания, изолируя его от системы культурно-исторических и нравственных ценностей. Субъект стал не «вторичным» по отношению к объекту, но вышел, что обосновано сегодня, на первый план в понимании и способов (методов) познания, применения, развития, создания объекта. Осознано, что активность субъекта не сводится к «субъективизму», а является необходимым условием объективно истинного познания объекта. Разумеется, это существенно осложнило сам процесс познания, как обыденного, так и тем более научного, что и изменило современную философию познания, существенно осложнившуюся, но и разработавшую множество новых конкретных средств и принципов. Многие из

уже существующих как бы заново открыты как средство познания (репрезентация, интерпретация, конвенция, категоризация, коммуникативность или интерсубъективность), где субъект и его ценности значимы и способствуют созданию и совершенствованию методов [1; 2].

Этот контекст необходим, чтобы понять, что Шпет значительно ранее многих, либо почти одновременно с известными европейскими философами – герменевтиками, феноменологами, логиками, представителями гуманитарного познания, в первую очередь истории, осознал наступающее изменение в господствующей классической рациональности, а также предельно абстрактной трансцендентальной гносеологии, ее неполноту и недостаточность, необходимость существенного обогащения в целом философии познания. Следует отметить, что трудности этого процесса связаны также с идеалами позитивизма, господствующими в естественных науках, по образцу которых, чтобы получить статус, должны были формироваться и социально-гуманитарные науки. Уже в начале XX в. в полной мере это понимал Шпет, чем и объясняется фундаментальная и обширная проблематика его философских и логико-методологических исследований в сфере гуманитарного, особенно исторического научного знания и герменевтики.

История и логика

Особенно фундаментально Шпет разработал проблему логики в истории, что до сих пор в полной мере не оценено ни логиками, эпистемологами, ни методологами истории. Исследуя проблему на обширном материале – работах европейских философов и логиков предшествующих веков, он с вниманием относился и к размышлениям отечественных историков о природе этой науки. Так, Шпет, ссылаясь непосредственно на историка Д.М. Петрушевского и его статью-предисловие к «Очеркам» издания 1913 г., писал: «Начавшаяся в самое последнее время энергичная работа философско-критического пересмотра основных исторических (социологических) понятий... обещающая очень ценные результаты для общественной философии и науки... успела уже поколебать немало общепризнанных воззрений и давно утвердившихся в исторической науке рубрик, схем и классификаций, показав всю их, в лучшем случае, поверхностность и наивную (в философском смысле) субъективность, и поставила ряд вопросов там, где до сих пор ца-

рила догматическая уверенность и определенность» [4, с. 14]¹.

Шпет исследует науку историю как проблеме логики в своеобразном контексте противостояния, с одной стороны, позитивизма как тенденции «к принципиальному отрицанию философии, ... признанию одного только специального знания», а с другой – материализма как «догматическую объяснительную метафизическую систему». И в том, и в другом случае, что важно, «истина, оказывается, не есть, как бытие в действительном мире, а она – только в нашем познании», соответственно, появляется необходимость выбирать между «теорией познаваемого» – реальной истории и «теорией познания» – логикой, методами познания «социального» и «исторического». Ситуация осложняется тем, что «история есть по существу наука не техническая, а герменевтическая», т. е. познается «путем интерпретации и уразумения». В отличие от философии истории «история как наука имеет своим предметом тот же исторический процесс, но не в истолковании его онтологического носителя, а в изображении этого процесса в его эмпирическом обнаружении» [4, с. 34]. Подчеркивая эту важную особенность исторической науки, Шпет делает важное, по моему мнению, замечание: «Исторические теории суть не менее теории, чем теории физики или биологии, какие бы свои особенности не имели эти теории и науки. Кажущееся противоречие между единичным и неповторяющимся характером исторических явлений и закономерностью явлений «природы», проистекающей именно из повторения их, является в результате только совершенно произвольного отождествления теоретического и подчиненного «закону». ... История может не быть наукой законоустанавливающей и тем не менее она есть наука объяснительная, т. е. наука, логической задачей которой является установление объяснительных теорий» [4, с. 34]. За этим утверждением я вижу важную проблему статуса исторических законов – критику гегелевского историцизма, осуществленную, как известно, К. Поппером позже, начиная с 1930-х гг. Очевидно, что Шпет не отождествляет и не уравнивает по статусу и происхождению законы природы и законы общества, но вместе с тем настаивает на объективной значимости последних и их возможной (необходимой) объективности в историческом

и социальном научном знании. Он считает необходимым также указать на морализирующую и даже «резонирующую» роль телеологии как целеполагания – своего рода «методологии», пришедшей из религиозных учений в прагматическую историю.

Итак, сто лет назад в 1916 г. Шпет поставил и фундаментально исследовал важнейшую проблему не только для логики, но и для истории, а также гуманитарных и социальных наук в целом. Фундаментальным результатом стало осознание необходимости изменений в понимании, применении и существовании самой формальной логики в различных гуманитарных науках, в первую очередь, истории. В «Материалах» представлены труды на базовых европейских языках сотен европейских историков, философов, одно перечисление имен и представленные переводы занимают до 1000 страниц. Шпет выделяет момент или стадию так называемой *философской истории*, под которой он подразумевает особую роль многовековых философских учений, внимательно относящихся к зарождению новых видов и форм знания. «Сократовский образ «повивальной бабки» включает в себе много истинного. ... момент *философской стадии* в развитии науки есть момент собственно исторический для нее, в противоположность прежнему доисторическому. ... В исторической науке этот момент наступает тогда, когда она достигает стадии спецификации своего предмета и, следовательно, приходит к идее какого-то особенного методологического единства» [4, с. 36] – объяснительной истории, в отличие не только от философии, но и юриспруденции, филологии, богословия и др., т. е. конституирование завершится созданием *научной истории*. Итак, Шпет считает необходимым отметить особую роль философии в процессе становления истории как науки и это тем более необходимо, что взаимосвязь этих областей гуманитарного знания сохраняется с необходимостью при обращении к проблеме места, роли и форм логики в историческом научном знании, что он фундаментально исследовал в 1916 г. и никем в этом не превзойден и поныне.

Исследуя дальнейшее становление исторической науки, Шпет называет *политическую историю*, которая есть изложение «деяний» с определенной точки зрения, и, как всеобщая, приближается к *философской истории*. Привносится и *телеология*, которую я понимаю в его контексте рассуждения как целенаправленное и даже закономерное развитие и его описание.

¹ Составитель тома Т.Г. Щедрина указывает, что Шпет имеет в виду «Очерки...» (1913 г.) Петрушевского.

Она, по Шпету, «остаётся для самого исторического предмета «внешней», т. е. *внешне* предначертанным планом или *внешне* заданной целью» [4, с. 37] (курсив Шпета. – прим. авт.). В контексте победившего историцизма мне это его толкование/понимание представляется важным, он осознаёт момент «привнесения», в частности, из философии, закономерного прогресса в историю и европейскую науку в целом. Он считает необходимым четко развести философию истории и науку историю, у них один предмет – исторический процесс, но разница в том, что у каждой из них своя логика и свои методы. Философия «берёт *тот же* предмет, но не в его эмпирической данности, а в его идее или его идеальной данности. Философия истории остаётся все-таки философией» [4, с. 39]. Следует также уточнить, как это делает сам Шпет, что под философией истории иногда понимают изучение не исторического процесса, а «изучение исторического *познания*, т. е. или соответствующей психологии, или соответствующей логики и методологии». При этом в употреблении терминов «теория исторического знания», «методология истории», «логика истории» в его время, добавлю, как и в наше, существует «полная разногласица».

Обсуждая и намечая во введении предельно значимые проблемы логики и методологии истории, Шпет сформулировал важнейшее и актуальное уже в его время положение: логика и методология истории не есть принципиально новая логика, «это есть та же логика, но специфицированная сообразно особенностям исторического предмета. ... История есть наука, а если современная логика для нее недостаточна, то не в силу существенных особенностей этой логики, а в силу эмпирических условий ее развития. Не нигилизм по отношению к истории из этого вытекает, а, напротив, насущное требование пополнить существующие недостатки современной логики. Но принципиально для методологии истории должен быть руководящим постулат: условия истории как науки содержатся в понятии науки, как его определяет логика и как его понимает философия. Современная логика, говорят, есть логика абстрактного, а история – конкретна, логика вообще бессильна перед конкретным, следовательно, и перед историей. Что современная логика имеет недостатки, и что она мало считалась с конкретным, кто же спорит, – но что это относится к ее сущности, что есть нечто, что может быть *выражено*, но, по существу, ускользает от логических и вообще

рациональных форм выражения, это логика у себя называет: *qui nimum probat, nihil probat*². Если только история может быть «выражена», то ее логика существует, но быть выраженной для истории, значит, не что иное как существовать, – если история существует, то значит есть и ее логика» [4, с. 49]. Этому он и посвятил свое многостраничное исследование материалов за несколько веков европейской логики, выясняя особенности ее становления и развития в гуманитарном знании, главное – в европейской науке истории и философии, начиная с XVIII в.

В обстоятельных материалах к истории как проблеме логики Шпет исследует позиции свыше тридцати наиболее значимых и известных европейских логиков и философов, развивая на этом фоне свое собственное принципиальное и концептуальное – методологическое и логическое – понимание отношения логики и истории, место и формы логики, что по-прежнему значимо и актуально. По существу, вопрос этот открыт и сегодня, именно поэтому идеи Шпета требуют специального изучения с позиций уже современной логики, эпистемологии и собственно научной истории. С изданием научно подготовленных и восстановленных материалов появилась возможность опереться на глубокое и принципиальное теоретически и методологически размышление, профессиональный анализ проблемы, поставленной, но не решенной за последние века. Шпет передает ее нам – эпистемологам, логикам и историкам XXI в., что позволяет признать его современным глубоким мыслителем, методологом и универсальным специалистом в этих проблемах.

Проблемы, поставленные Шпетом в философии, методологии и логике истории

Очевидно, что в материалах такого объема, собранного, продуманного и обоснованного для диссертации, таких проблем множество. Они возникали при обсуждении историко-философского, историко-логического материала, собственно методологии и логики истории как науки. Однако их постановка и предлагаемые решения во многом актуальны и сегодня и тем более потому, что они требуют продолжающегося исследования вместе как с развитием и современным состоянием исторической науки, так и с новыми проблемами в самой логике и философии. Шпет подчеркивает, что «со време-

² Кто доказывает слишком много, тот ничего не доказывает (лат.).

ни Аристотеля и по настоящее время внимание логики направлялось на изучение общих истин, историческим познанием не занимались, что, пожалуй, и невозможно было по состоянию древней философии» [4, с. 212]. Рассматривая исследования проблемы за века, у конкретных ученых, Шпет обязательно формулирует отношение к позиции *каждого из них*, но одновременно выделяет собственно сами проблемы и высказывает свое отношение к ним, часто предлагая свое видение и возможную дискуссию. Шпет исходил из того, что «если рассмотрение исторической проблемы может способствовать такому расширению и углублению, то оно становится прямо-таки необходимейшей проблемой современной логики» [4, с. 50]³. Однако не менее значимо это исследование стало и для понимания существа и природы исторического знания как науки, что и сегодня остается актуальной и перспективной проблемой как для исследователей истории, так и для эпистемологов и логиков социально-гуманитарного знания в целом. Остановлюсь только на том, что меня интересует как эпистемолога социально-гуманитарного и, в частности, исторического, научного знания, поскольку материал необъятен.

Представлены десятки наиболее известных философов, начиная с XVIII в., в той мере, в какой их идеи и взгляды на историю как проблему логики были значимы и в XX в. Укажу лишь тех, чьи идеи в этой области, как мне представляется, значимы и сегодня. Однако другие представители видят этот период как «неисторический» и даже «антиисторический», история понимается как «беллетристика», и сам И. Кант исключал ее из истории науки. Шпет не согласен не только с такой постановкой вопроса по отношению к истории, но и с оценкой этого века как «неисторического» в целом. При внимательном и тщательном изучении Шпетом этого вопроса обнаружилось, что, кроме Й.М. Хладениуса, взгляды которого представлялись «нетипичным» для XVIII в., окажется, что в этом веке «очень энергично разрабатывались чисто исторические вопросы при помощи исторических методов, ... закладывается фундамент основательной филологической и материальной критики, наконец, что самый предмет истории приводится к тому его пониманию, которое господствует и в XIX, “историческом” веке» [4, с. 66]. Особую позицию Шпет занима-

ет в отношении Ф. Бэкона и Д. Юма. «Логика со времени Бэкона понимается несколько своеобразно: то, что выступает с этого времени как учение об индукции, есть в сущности учение об эвристических приемах отыскания причин. Трудно было бы ожидать углубленного понимания различных научных методов, объяснений, образования понятий, характера причинности и т. д., раз эти принципиальные вопросы вовсе не ставились в логике. ... Проблема причинности, то разрешение, которое она получила у Юма, не могло обосновать ни индукции вообще, ни оказаться сколько-нибудь пригодным специально для логики исторического объяснения» [4, с. 77]. История, по Юму, становилась простым описанием, не представлявшим никакой «логической загадки», и по аналогии с естествознанием должна была искать «законы», что и представлено в его «Истории Англии», написанной на основе эмпиризма. Размышляя об этом, Шпет полагает, что *прагматическое* понимание истории, присущее этому веку, заслоняло научный метод и самый *предмет* исторической науки, и необходимо различать «переходную» стадию между прагматической и научной историей, приведшей не только к философии истории, но и к науке истории [4, с. 92].

Французское Просвещение – существенное продвижение, по Шпету, в развитии методологии истории. Его размышления о Вольтере, Монтескье, Руссо прежде всего отличаются самостоятельной позицией, что определяется задачей именно методологического анализа разных подходов к «философии истории» и наличием авторских принципов оценки такого рода трудов. Заслугу Вольтера перед «историкографией» он видит не в создании очередной всеобщей, универсальной истории, но в определенном ее «рационализировании», поскольку Вольтер выстраивает изложение на основе «некоторого объединяющего начала», «с определенной точки зрения», хотя и это оценивается критически, поскольку такой подход к истории «принципиально не отличается от ее теологического истолкования». Достаточно скептически относясь к трудам Вольтера в целом («много писал, но мало и поверхностно думал»), к неразработанной методике исследования и к «логической методологии», непоясненности введенного термина «философия истории» (он «только автор термина»), Шпет особенно «не прощает» французскому мыслителю того, что «он не продумал до конца отмеченного нами противоречия между организующим государ-

³ Шпет был убежден, что «не будучи историческими, наши исследования могут пригодиться и для исторического построения» [4, с. 67].

ством и воспитывающей национальной культурой. Вольтер не заметил того, что в этом противопоставлении коренится своего рода антиномия, что культура в своем чистом виде, как объект истории, выступает далеко не коррелятивно государству. С уничтожением идеи синхронологического соответствия *должна исчезнуть также мысль, что государство, как такое, является производителем культуры, что организация и есть уже воспитание*» [4, с. 117] (курсив мой. – прим. авт.). Как мне представляется, здесь значима не столько оценка Вольтера Шпетом, сколько высказанная им фундаментальная мысль о том, что государство не производитель культуры, а организация еще не есть воспитание, – мысль предельно значимая, но не понимаемая нами сегодня. Шпет, не приписывая в таком понимании заслуги себе, ссылается на Ж.-Ж. Руссо, который «сам оказался плохим историком и ... не видел перед собою теоретической проблемы в науке истории». Однако Руссо полагал «общество первее государства», а подлинного носителя всего социального он видел в «нации», в «народе», понимаемом им не как простая сумма индивидов, или умственных и волевых единиц, а как некоторый коллектив, представляющий собою предмет *sui generis*» [4, с. 117]. По существу, речь идет о гражданском обществе, значение которого в полной мере осознает, как мне представляется, Шпет, хотя и рассматривает проблему в контексте методологических и философских вопросов исторической науки.

Для сравнения напомним мнение современника Шпета, известного немецкого философа Э. Кассирера, справедливо отмечавшего заслуги Вольтера на пути превращения исторического знания в науку по критериям естественнонаучного знания – то самое «рационализирование», которое подчеркивал и Шпет, в отличие от Кассирера осознававший ее плюсы и минусы, например, неразличение истории политической и культурной, причем последняя не должна быть универсальной. Разумеется, «рационализм» считался существенным признаком подлинно научного знания, но, к сожалению, по Шпету, «Вольтер под этим не понимает ничего», так как имеет в виду только себя, свою деятельность как просветителя и моралиста.

Главная работа Ш.-Л. Монтескье «Дух законов» (русский перевод: СПб, 1900) привлекает Шпета прежде всего потому, что наблюдаются существенные разногласия в ее оценках либо как начала философии истории (Г. Бокль),

либо как социологического трактата (Н.И. Кареев), либо как истока «исторической школы в праве» (П.И. Новгородцев). Отмечалось также, что ум Монтескье находился под «безусловным господством духа и принципов естественных наук» и «натуралистического детерминизма» (М. Ковалевский, Г. Лансон, В. Дильтей). Шпет четко различает «законы исторического процесса» и «законы юридические» – право, что и рассматривает Монтескье, хотя и не всегда четко их разводит, вопрос же в том, «заключается «дух законов» в их историческом развитии или в чем другом». Самостоятельную эпистемологическую ценность имеет критико-аналитический подход Шпета к сравнительному методу и к тому, как его понимает и применяет Монтескье, от чего, по существу, и зависят столь разные оценки «Духа законов». Если это учесть, по Шпету, то можно справедливо оценить идеи, концепцию и методологию Монтескье. «Не задаваясь сознательно целями исторической методологии», «не имея ничего общего с задачей установления исторического метода или принципов философской истории», он и многие другие мыслители эпохи Просвещения оказали существенное влияние на развитие исторического метода и философии истории, поэтому «они не могут быть опущены в философско-историческом и методологическом исследовании». Очевидно, что это принципиальное методологическое и историко-философское требование Шпета для исследователей эпистемологии и философии науки в сфере социального и гуманитарного знания.

Как мне представляется, Шпет был более точен и справедлив в своих оценках названных просветителей, без лишней восторженности и осовременивания. Он также более строго выдерживал собственно философско-методологическую и историческую проблематику, отделяя от нее, в частности, социологическую. В то же время такое сопоставление точек зрения позволяет увидеть существование своего рода диалога двух соотносимых «по масштабу» европейских мыслителей одного времени – обсуждения сходных или одних и тех же значимых проблем: какую роль играл рационализм в развитии исторической науки; едины ли естественная и историческая науки (против логического дуализма); какими должны быть логика и методология истории, социальных и гуманитарных наук в целом и др. Шпет пришел к выводу, что в эпоху Просвещения «новая история не имеет за собою даже попытки к теоретическому, – логическому, – оправданию.

...Недоверие к истории может быть лучше всего опровергалось положительной творческой работой в самой науке, но этого – мало» [4, с. 126]. Он специально также отмечает, что «произведения... материалистической философии не могут иметь здесь для нас значения, 1, потому, что это чисто объяснительные метафизические трактаты, меньше всего содержащие в себе методологических оснований, 2 ... 3, и это самое важное, потому, что материализм XVIII века есть *следствие* философской слабости Просвещения, а не *основание* его мировоззрения» [4, с. 127]. Шпет обосновывает еще один значимый вывод, исследуя, в частности, идеи Локка, Даламбера об эмпиризме. «Эмпиризм потому не мог увидеть проблемы исторического метода, что он сам заключает в себе исторический метод. Другими словами, *распространение и развитие эмпиризма в XVIII веке само может рассматриваться, как одно из проявлений повышенного интереса этого времени к исторической проблеме и к историзму как принципу*» [4, с. 134] (курсив Шпета. – прим. авт.). Одна из причин этого, как убежден Шпет, состоит в том, что эмпиризм, не обладая средствами для самостоятельного решения вопросов, переносит методы естествознания на всякий объект изучения. Но в таком случае возникает *методологический* вопрос: «Если история есть познание эмпирическое, как познание единичного, она должна отказаться от обычных средств логики, общих понятий, теорий, объяснений?» [4, с. 135] Вопрос «повисает», и необходимо выяснить, «в какой мере рационалистическая философия способствовала или затрудняла развитие исторического метода». «Рационализм, так тесно связанный с *логикой*, должен был бы натолкнуться и на проблему исторического познания», что детально и критически рассмотрено Шпетом. В конечном счете он приходит к важному выводу: «Историческое познание, хотя и есть познание об единичном, однако оно выражается в общей логической форме и, следовательно, у нас нет специфически исторических суждений, как особого типа суждений»⁴. Однако для методологии и логики не только философского, но и «единичного» как *логической* проблемы исторического познания, это значимо для обоснования его научного статуса, как и необходимости *расширения логики*.

Чтобы показать, как основательно он это делает по отношению к многим десяткам философов и историков, а главное – увидеть наиболее значимые и актуальные идеи для современной

⁴ «Расширение логики» сегодня привело к новой проблеме – неформальной логике.

логики и методологии исторического, в целом гуманитарного и социального знания, я обращаюсь вслед за Шпетом, в частности, к идеям Й.М. Хладениуса, одного из наиболее близких к данным проблемам, глубокого их исследователя уже в XVIII в. [4, с. 224]⁵. Можно согласиться со Шпетом в признании значимости его работ для рассматриваемых сегодня проблем логики и науки. Его случай – пример того, как важные идеи логики, философии по проблемам истинности знания не привлекали веками внимания, в том случае, когда они касались гуманитарных наук, в частности истории, и особенностей логики социально-гуманитарного знания. Под словом «наука» признавалось до последнего времени только естествознание, что укрепилось тем более во времена господства позитивизма. Надо было быть таким эрудированным и глубоким, преданным исследователем гуманитарных наук, как Шпет, чтобы обратить внимание на фундаментальные тексты профессора богословия Хладениуса, а главное – на поставленные в XVIII в. проблемы, значимые для логики и истории, обретающие все большее признание сегодня. Привожу некоторые выделенные Шпетом более века назад положения, которые защищал Хладениус. Наука об историческом познании составляет часть логики, введение изучения исторического познания обогащает общую логику, но без нее невозможно и само историческое познание, и наблюдение происходящих событий. Историческое объяснение принципиально отличается от физического, в котором исследователь устанавливает *абстрактные* постоянные отношения или законы; конкретное рассмотрение отношений привело бы к антифизике. Не то в историческом объяснении, где именно в силу *конкретности* предмета и его объяснения указания с исчерпывающей полнотой не только действующих причин, но и так называемых условий и отрицательных причин, есть необходимое логическое требование. Таким образом, в историческом объяснении, по Хладениусу, мы наталкиваемся на целый ряд затруднений, которые логика вовсе не предвидит или игнорирует» [4, с. 237]. Так, «обнаруживается громадное различие: в общих истинах одно следует из другого, или одно уже содержится в другом; в истинах исторических ни в коем случае

⁵ Основные его работы, на которые ссылается Шпет: *Logica practica* (1742) и *Allgemeine Geschichtswissenschaft* (1752). Идеи и положения этих работ рассматриваются Шпетом достаточно подробно именно с точки зрения логики и исторического познания.

нельзя утверждать, что *последующее* содержится в *предшествующем*. ... Поэтому с самого начала мы различали *историю* от *познания* истории, откуда возникает величайшее различие между познанием *общим* и *историческим*. Первое есть исключительно *человеческое познание* и произведение человеческого ума, *история* не есть человеческое познание, она происходит и тогда, когда никого нет, кто бы ее познавал» [4, с. 238]. Богатейшие, по сути, базовые, идеи Хладениуса мало известны сегодня как историкам, так и эпистемологам, и исследования Шпета, его переводы и обстоятельный комментарий – основа для изучения и осмысления проблемы логики исторической науки. Однако конкретное развитие логики гуманитарных наук, истории в частности, пошло по другому пути, что Шпет обстоятельно и исследовал в своих «Материалах» более века назад.

Шпет немало страниц посвятил Канту, его статье «Идея всеобщей истории с космополитической точки зрения» (1784) и ряду других текстов и проблем, но, как мне представляется, великий специалист по проблемам познания не увлек его своими идеями об историческом познании. Прежде всего он развел позиции И.Г. Гердера, историка, автора известного фундаментального труда «Идеи к философии истории человечества» (1784–1791, русск. перевод 1977), и Канта, поскольку они резко разошлись в понимании истории. Обращение Шпета к Гердеру имело целью показать, что он, ушедший в богословие, был завершением эпохи Просвещения и после него история стала иметь «совершенно *новый* характер», однако не связанный с идеями Канта. Это означает, что Шпет не переоценивает роли Канта в исследовании проблематики исторической науки. Он считает его, прежде всего, недостаточно сведущим собственно в исторической науке и ее логике, однако ценит ряд важных высказанных им положений. Особенность кантовского подхода к истории в том, что он признает влияние природных факторов базовыми и определяющими для истории общества.

Шпет достаточно подробно показывает, как эта мысль развивается в работах Канта, в частности, в его «*Idee zu aiigemeinen Reschichte in weltburgerlicher Absicht*» (1784) [4, с. 305–320]⁶, где он исходит из того, что «человеческие по-

ступки, точно так же как и всякое другое естественное событие, определяются по общим естественным законам. ... Отдельные люди и даже целые народы... следуют цели природы, – которая им даже неизвестна, – как руководящей нити...» [4, с. 305] Внимательно изучая ход мысли Канта в этой работе, считающейся главным философско-историческим произведением Канта, Шпет приходит к выводу о его позиции: «*философия истории, как рациональное учение об истории, невозможна; наука истории, как собственно наука – невозможна* (курсив Шпета. – прим. авт.); самое большее, что здесь возможно, это – писание и систематическое изображение по времени и месту, далекое от ранга науки. ... спрашивать после этого, как возможна история, как наука, лишено смысла... Мы приходим, другими словами, по отношению к истории как науке к чистому *логическому нигилизму*...» [4, с. 307]⁷. Однако, приходит к выводу Шпет, «Кант преследует в своей “Идее” иную цель, он хочет найти «руководящую нить» для будущих Кеплера и Ньютона истории, мало того, настаивает на том, что в истории может быть открыт «правильный ход» и даже «законы природы» [4, с. 307]. Итак, для Канта история, как антропологическое знание, т. е. *практический разум*, должна развиваться подобно естественным наукам и образец для нее – деяния крупнейших естествоиспытателей. Очевидно, что тема «Кант и история как наука» недостаточно изучена, несомненно, значителен вклад Г.Г. Шпета в исследование этой темы, как и «истории как проблемы логики», но мало заметен интерес к этим проблемам у современных методологов-историков и эпистемологов гуманитарного знания.

Рассмотренные проблемы – лишь часть из множества серьезных и плодотворных методологических проблем исторического знания, поставленных и исследованных Шпетом. Выше рассматривалась история как проблема логики (методологии), но не был затронут один из базовых вопросов – особенности самой «логики эмпирических наук, которая есть прежде всего логика истории», какова ее природа и как она соотносится с классической логикой. Для него очевидно, что «историческое познание есть познание интерпретирующее, герменевтическое, требующее понимания. Логика исторического познания ... есть логика принципиально семасиологическая,

⁶ Следует отметить, что перевод на русский сегодня – «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» (1994), тогда как Шпет переводит «*in weltburgerlicher Absicht*» как «в космополитическом отношении» и поясняет понимание этого термина Кантом, использующем в тексте в этой его форме.

⁷ В примечании 11 Шпет добавляет: в «Критике чистого разума» он «уже отрезал все пути выхода к истории как науке».

принципиально всеобъемлющая. Но через это и философия как знание, излагаемое по этой логике, становится в особо углубленном смысле исторической философией или также герменевтической, уразумевающей философией. Такова печать логики на философию» [5, с. 304–305].

Несомненна необходимость обратиться ко второй части труда «История как проблема логики» Г.Г. Шпета, где им исследуются проблемы более близкого к нам периода, в том числе и актуальные сегодня, что предполагается рассмотреть в дальнейшем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Микешина Л.А. Современная эпистемология гуманитарного знания: междисциплинарные синтезы. М.: РОССПЭН, 2016.
2. Микешина Л.А. Эпистемология ценностей. М.: РОССПЭН, 2007.
3. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 327–345.
4. Шпет Г.Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования Ч. 1. Материалы. М.–СПб.: Университетская книга, 2014.
5. Шпет Г.Г. Мудрость или разум? // Шпет Г.Г. Философские этюды. М.: Прогресс, 1994. С. 222–336.
6. Шпет Г.Г. Очерк развития русской философии. II. Материалы. Реконструкция Т.Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2009.
7. Щедрина Т.Г. Публикации или реконструкции? Проблемы текстологии в историко-философском исследовании // Вопросы философии. 2008. № 7. С. 130–140.

REFERENCES

1. Mikeshina, L.A., 2016. *Sovremennaya epistemologiya gumanitarnogo znaniya: mezhdistsiplinarnye sintezy* [Modern epistemology of knowledge in the humanities: interdisciplinary syntheses]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
2. Mikeshina, L.A., 2007. *Epistemologiya tsennostey* [Epistemology of values]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
3. Heidegger, M., 1993. *Osnovnye ponyatiya metafiziki* [Basic concepts of metaphysics]. In: Heidegger, M., 1993. *Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya*. Moskva: Respublika, pp. 327–345. (in Russ.)
4. Shpet, G.G., 2014. *Istoriya kak problema logiki. Kriticheskie i metodologicheskie issledovaniya. Ch. 1. Materialy* [History as a problem of logic. Critical and methodological studies. Part 1. Materials]. Moskva–Sankt-Peterburg: Universitetskaya kniga. (in Russ.)
5. Shpet, G.G., 1994. *Mudrost' ili razum?* [Wisdom or reason?]. In: Shpet, G.G., 1994. *Filosofskie etyudy*. Moskva: Progress, pp. 222–336. (in Russ.)
6. Shpet, G.G., 2009. *Ocherk razvitiya russkoy filosofii. II. Materialy. Rekonstruktsiya T.G. Shchedrinoy* [An essay on the development of Russian philosophy. II. Materials. A reconstruction by T.G. Shchedrina]. Moskva: ROSSPEN. (in Russ.)
7. Shchedrina, T.G., 2008. *Publikatsii ili rekonstruktsii? Problemy tekstologii v istoriko-filosofskom issledovanii* [Publications or reconstructions? Problems of textology in the field of history of philosophy], *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 130–140. (in Russ.)

О.Л. Грановская*

ЛЕВ ШЕСТОВ И ИСАЙЯ БЕРЛИН:
ФИЛОСОФИЯ ТРАГЕДИИ И КОНФЛИКТА НА ПЕРЕКРЕСТКЕ КУЛЬТУР

Данная статья представляет собой историко-философское исследование, посвященное особенностям философии на перекрестках культур на примере точек пересечения фигур с мультикультурной идентичностью – И. Берлина и Л. Шестова. Основная задача исследования – поместить философию русского зарубежья в исторический и смысловой контекст и проследить некоторые закономерности и особенности мировоззрений ее представителей. Ключевой тезис статьи – схожесть экзистенциального мультикультурного опыта вызывает к жизни схожие основные философские установки. Берлин и Шестов характеризуют ситуацию человека, как ситуацию экзистенциального выбора и моральной трагедии. Жизнь определяется трагедией и творчеством, они идут рука об руку, человек творит от отчаяния, от невозможности найти универсальное основание мира, привести мир в гармонию со своими представлениями и ожиданиями. Автор проводит последовательный историко-философский и компаративистский анализ идей Берлина и Шестова: о назначении философии, критике монизма Просвещения и идеи рационального единства, природы человека, веры и либерализма.

Ключевые слова: история философии, русское зарубежье, Л. Шестов, И. Берлин, сионизм, ценностный плюрализм, вера, либерализм

Leo Shestov and Isaiah Berlin: philosophy of tragedy and conflict at the crossroads of cultures. OLGA L. GRANOVSKAYA (Far Eastern Federal University)

The article is devoted to the study of the intersections between the ideas of two philosophers with multicultural identity – Isaiah Berlin and Leo Shestov. The main task of the research is to place the philosophy of the Russian overseas diaspora in a historical and semantic context and to trace certain patterns and peculiarities of the worldviews of its representatives. The key thesis of the article is that the similarity of existential multicultural experience brings to life similar basic philosophical attitudes. Berlin and Shestov characterize human situation as a situation of existential choice and moral tragedy. Life is determined by tragedy and creativity that go hand in hand, individual ability to create is rooted in despair and inability to find the universal foundation of the world, to bring the world into harmony with one's own ideas and expectations. The author conducts a consistent comparative analysis of Berlin's and Shestov's ideas regarding the appointment of philosophy, criticism of the Enlightenment Monism and the idea of rational unity, human nature, faith and liberalism.

Keywords: history of philosophy, Russian emigration, L. Shestov, I. Berlin, Zionism, value pluralism, faith, liberalism

* ГРАНОВСКАЯ Ольга Леонидовна, доктор философских наук, профессор Департамента философии и религиоведения Школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета.

E-mail: granovskaya.ol@dvfu.ru

© Грановская О.Л., 2018

** Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ. Проект № 18-011-01132.

Исайя Берлин (1909–1997) был младшим современником Льва Шестова (1866–1938). Этих двух философов связывает сходство экзистенциального опыта: евреи, родившиеся в России, пережившие революцию и эмиграцию. Люди мультикультурной идентичности, находившиеся на перекрестке культур и мировоззрений, продолжением которой стало их философское мировоззрение. Возможно, именно поэтому в их идеях так много общего.

И. Берлин пережил революцию будучи ребенком, стал рыцарем британской королевы и признанным интеллектуалом. Однако память о трагическом времени революции, страх перед физическим насилием и недоверие политическим экспериментам никогда не оставляли его. Может быть, поэтому его философия – это философия изначальной моральной трагедии, необратимой утраты ценностей и конфликта истин.

Философия Льва Шестова – это также философия трагедии, выросшей во многом из экзистенциального опыта философа, на долю которого выпало немало потрясений – в двенадцатилетнем возрасте он был похищен анархистами и шесть месяцев являлся заложником (отец отказался платить выкуп преступникам), но вернулся домой невредимым. Лев Шестов не хотел помогать отцу вести семейный торговый бизнес, он тяготился этим, как и Берлин, из-за чего чувствовал постоянный груз вины. Он был старшим сыном, имел соответствующее образование, но «не оправдал надежд семьи». Вместо этого он увлекается философией и отходит от ортодоксальной иудейской традиции. Кроме того, как свидетельствует новое исследование неизвестных писем Льва Шестова, проведенное Натальей Громовой, источником его отношения к иудаизму и трагедийности его мировоззрения также являются непростые отношения с семьей в результате сложившегося в жизни Шестова любовного треугольника и тайной женитьбы (см.: [7]).

Отношения Исайи с иудаизмом также были неоднозначны. Неверующий скептик Берлин считал, что еврейство – это идентичность, которую можно ставить под вопрос, но от которой нельзя избавиться и через которую невозможно переступить [15, р. 80]. В 1939 г. в жизни философа произошла важная встреча – он знакомится с лидером сионистского движения и будущим первым президентом нового государства Израиль Хаимом Вейцманом. После этой встречи английский дипломат Исайя надолго окажется внутри сложного клубка противоречивых инте-

ресов: сионистов, простых евреев, страдающих от большой политики, войн и геноцида, и колониальных интересов Великобритании. Этот личный опыт привел Берлина к идее противоречивости целей и ценностей, невозможности утраты, возникающей в результате этического и политического выбора, которая становится центральной в его концепции агонального либерализма (см.: [5; 6]).

Шестов, как и Берлин, находился на перекрестке культур, ценностей, интересов. Далеким от ортодоксального иудаизма, он живо интересовался проблемами еврейского мира, восторженно относился к сионизму. В 1898 г. он по просьбе отца присутствует на втором конгрессе сионистов в Базеле. Шестов обращается к библейским пророкам [12, с. 226], видя в них ключевой источник своей религиозной философии. Его идеи пользовались огромной популярностью в кругах Израильского рабочего движения, что способствовало усилению в нем немарксистских тенденций.

Многие исследователи (Дж. Грей, Б. Дубин, А. Маколкин) [19, с. 103; 21] отмечают, что трагедийный элемент в мировоззрении обоих мыслителей связан с их «иудейско-русской идентичностью». Главной задачей философии Шестова было противопоставить абстрактной, общеобязательной истине истину личную, субъективную, путь к которой ведет через трагедию и отчаяние. Эта идея перекликается с берлиновской критикой рационалистической трактовки человеческой идентичности, традиционной для всех теорий либерализма. Он предлагает лишённое центра понимание самости. Человеческая природа для Берлина – это не то, что должно быть открыто или осознано, это то, что постоянно изобретается людьми посредством выбора. По своему содержанию она имманентно многообразна, а не универсальна, и тем самым «обескровлена».

Шестов считает, что человек, как существо, живущее в двух мирах – «земном» и «небесном», находится постоянно в ситуации экзистенциального выбора и моральной трагедии. Жизнь человека определяется трагедией и творчеством, они идут рука об руку, человек творит от отчаяния, от невозможности найти универсальное основание мира, привести мир в гармонию со своими представлениями и ожиданиями. И в вере, и в философии человек постоянно пытается «восстановить разбившееся у него на глазах единство мира, связать распавшуюся связь времен» [8].

Берлину, конструирующему постпросвещенческий проект, импонирует мысль Шестова о том, что человек принадлежит к двум мирам. Первый – привычный, милый и комфортный, второй – хаотический, чужой и суровый. Людям, пока они не переживут пограничной ситуации, кажется, что жизнь есть только в уютном мире, а в мире суровом есть «только смерть и небытие, никому не нужное, извне навязанное» [10]. Однако неподвижность и жесткость противоречит духу жизни, которая ничего индивидуального заранее не планирует, но каждый раз «вся изливается в настоящую минуту» [4] и, даруя людям способность к наслаждениям, ничего не гарантирует и ни за что не несет ответственности. Природа – вечное обновление, вечная молодость, непрерывное движение.

Из такой предпосылки происходит понимание этими двумя назначения философии, которое состоит в том, чтобы, исследуя смысл жизни человека, найти способ выхода из трагедии, «научить человека жить в неизвестности» (Шестов) [10] и «помочь человеку понять себя и тем самым действовать в открытом пространстве, а не наугад в темноте» (Берлин) [16]. Оба считали, что задача философии (говоря словами Шестова) – «не успокаивать, а смущать людей» [10]. Философия, с точки зрения Берлина, не должна удовлетворять «глубокую и неизлечимую метафизическую потребность человека» [18, р. 198.] в наличии абсолютного основания мира. Центральная идея Берлина, идея плюрализма ценностей, лишает людей метафизического комфорта, поскольку утешительно думать, что наша форма жизни гармонирует с каким-то универсальным основанием, что она вписана в рациональный, естественный или исторический порядок.

Философия И. Берлина своим пренебрежением к гармоничным системам возвращает людей в беспокойное состояние смертных мужчин и женщин, и, проясняя основные «категории мысли», философия в то же время помогает человеку совершать осознанный моральный выбор. Это очень напоминает шестовскую философию «только для тех, кто не подвержен головокружению!» (эта фраза стала эпитафией к «Апофеозу беспочвенности» [10]).

Вторая точка пересечения этих двух философов – критика монизма Просвещения и идеи рационального единства. Они считали, что идея рационального единства не просто логически несостоятельна, но и токсична для поразительно многообразной жизни, намного более слож-

ной, чем наши представления о ней. С точки зрения Берлина и Шестова, рационалистские теории, пытающиеся облечь жизнь в свою смиренную рубашку, обедняют экзистенциальный опыт людей.

Казалось бы, Берлин должен ссылаться на Шестова в своих работах, но он знакомится с этим автором лишь после его смерти и прямо его в своих текстах не цитирует. Только в интервью, данном Иохану Янгеблу, Берлин отмечал, что Шестов – совершенно достойный, открытый и искренний человек (см.: [15, р. 17]). Берлин восхищался Шестовым, интереснейшим представителем Серебряного века русской культуры, однако сожалел, что открыл его для себя не сразу. Тем интереснее пересечение их идей, разговор на одну тему, но разным философским языком. Берлин говорит языком аналитической философии, а Шестов – языком религиозного экзистенциализма. Но оба разделяют один взгляд на личность, человека, историю.

Философия Шестова экзистенциальна, в ее центре – одинокое «Я» человека, которое противится слиянию с единым. Личность стремится отстаивать свое право на уникальность, на собственную картину мира. Берлина также можно, в известном смысле, назвать экзистенциалистом: он считал, что ценности не являются данностью или продуктом традиции, а создаются людьми, посредством совершаемого выбора. Человеческая природа для Берлина – это не то, что должно быть открыто или осознано, это то, что постоянно изобретается людьми через выбор, и по своему содержанию она имманентно многообразна, а не универсальна или всеобща. История показывает: нет никакой постоянной по своему содержанию человеческой природы, есть чрезвычайно изобретательные существа, обладающие огромным культурным разнообразием. Человек не может быть объяснен какой-либо детерминистской схемой, он создает разнообразные и равноправные формы жизни посредством способности выбирать. В деле самосозидания значение выбора огромно, поскольку по крайней мере некоторые формы культурного многообразия рождаются из выбора между несовместимыми ценностями.

Формула Спинозы – существование меняется, но сущности остаются неизменными – ядро субстанциализма. Субстанциалистски интерпретированная «природа человека» – это некий аналог субстанциализма (такого исторического типа философии, который имел дело с миром вечных сущностей, подчиняющихся неизмен-

ным законам) применительно к человеку, фиксирующего в человеке то, что всегда, во все времена и при всех обстоятельствах необходимо ему присуще. Историзм стал тем ферментом, который разложил субстанциалистский тип философствования. С позиций радикального историзма пред-данной, внеисторической сущности человека нет и быть не может. Есть лишь формирующееся и преобразующееся в процессе исторического развития содержание человеческой сущности. Экспрессионизм и волюнтаризм философии романтизма укрепляют плюрализм Берлина, помогают ему разрушать философскую антропологию Просвещения, унаследовавшего идеи классического субстанциализма и рационализма. Из непризнания идеи совершенного общества и глобальных, трансисторических суждений о прогрессе и регрессе вытекает идея присутствия в истории «невосполнимой утраты» (loss), исчезновения ценных достижений и видов деятельности, которые зависят от обреченных социально-политических структур или от различных систем взглядов.

Свобода – центральная категория мысли как у Шестова, так и у Берлина. Шестов считал свободу личности необходимым условием жизни человека, ценностью, стоящей рангом даже выше, чем сама жизнь. Религиозная вера, с точки зрения Шестова, освобождает человека от власти «самоочевидных истин», являясь прыжком в область абсолютной свободы. Именно вера помогает преодолеть идею единства, приносящую миру столько вражды, сколько не приносит никакая другая идея. По Берлину, негативная свобода – основная ценность, поскольку является необходимым условием конструирования человеком уникальных жизненных форм, в том числе таких, в которых разум и автономия не является ценностью. Эти двое как будто выступают в роли эха друг друга, настолько созвучно основное содержание их мыслей. Как политический философ Берлин выходит из трагедии в либерализм, Шестов, как религиозный экзистенциалист, – в веру.

Как религиозный философ Шестов спорит с Бердяевым и Соловьевым о идее всеединства, а Берлин спорит со своим другом Айером и другими аналитическими философами, представляющими сциентистское направление современной философии. По Берлину, лишь живая мысль, не испорченная мифом научного познания и понимающая всю красоту и весь трагизм жизни, в состоянии помочь человеку найти себя в ситуации перманентного конфликта и траги-

ческих потерь. Согласно Шестову, разум, который стремится открыть непреложные истины и предельные основания, избегающий неопределенности жизни, не может иметь ничего общего с экзистенциальной философией, поскольку последняя в отличие от научного мышления, стремящегося заполнить лакуны проблематичного, и в отличие от религиозного сознания, заполняющего сомнение догмой, должна принять на себя риск радикальной открытости.

Еще один важный общий для этих двух мыслителей момент – их стиль философствования, который соединяет историю идей и авторские находки, зачастую весьма противоречивые. «Основная черта художественного творчества – совершенный произвол во всем», – так утверждает Шестов в «Великих канунах» [11]. Берлин, не создавший философской системы, очевидно, соглашался с этой идеей. Оба не любили всякую систематичность, полагая, что она убивает мысль.

Берлина всегда интересовал конкретный анализ проблем «политического человека», политики как таковой. Предмет его теоретических интересов – действительность, рассматриваемая под углом соответствия (или несоответствия) его основному аксиологическому и методологическому принципу – плюрализму. Охватывая своей мыслью широчайшую область наук (философия, история, этика, политология), Берлин не стремился к завершенности, как будто намеренно не желая скреплять отдельные стороны своего мировоззрения жесткими связями и переходами. Работы его объединены, скорее, общей идеей, подходом, нежели строгой логикой. Его идеи плохо поддаются историко-философской утилизации, в эссе и скетчах угадывается предчувствие принципиальной антиномичности теорий.

Свои мысли Берлин часто излагал посредством анализа творчества других философов, однако его тексты, при всей глубине и тонкости анализа, не дают адекватного представления о героях его внимания, поскольку всегда доминирует голос самого Берлина. Макиавелли и Вико, Гердер и Гаман, Толстой и Герцен, Плеханов и Маркс и т. д. – круг общения Берлина предельно широк, хотя и изысканно избран. Берлин пишет не о том или ином герое: своими текстами он пишет себя.

Традиционной для работ Шестова была форма философско-психологического анализа творчества того или иного писателя (Достоевского, Толстого, Чехова, Мережковского, Со-

логу), позволявшая ему постепенно обрисовывать свою позицию. «Шекспир и его критик Брандес», где намечаются ключевые проблемы творчества философа (ограниченность научного познания, критика общих идей и систем мировоззрения, закрывающих от наших глаз реальную жизнь во всем ее многообразии; критика формальной, принудительной морали, универсальных нравственных норм), прекрасный тому пример (см.: [14]). В круг интересов наших героев входили общие собеседники, например, Г. Гейне, чьи слова «Мир и жизнь слишком фрагментарны» стали эпиграфом к первой части «Апофеоза беспочвенности» и могли бы стать эпиграфом ко всей философии Берлина.

Другое важное созвучие – это идея о том, что жизнь удивительно многообразна, она превосходит наши возможности понимания, представлений о ней; ее невозможно поместить в прокрустово ложе создаваемых нами познавательных схем. Только ответственное личное мышление, не загипнотизированное мифом научного познания мира и готовое принимать жизнь такой, какова она есть, со всей ее красотой и трагизмом, в состоянии помочь одинокой человеческой личности не потерять себя среди тягот существования.

«Стремление *понять* людей, жизнь и мир мешает нам *узнать* все это. Ибо *познать* и *понять* – два понятия, имеющие не только не одинаковое, но прямо противоположное значение, хотя их часто употребляют как равнозначные, чуть ли не как синонимы. Мы считаем, что поняли какое-нибудь новое явление, когда включили его в связь прочих, прежде известных. И так как все наши умственные стремления сводятся к тому, чтобы понять мир, то мы отказываемся познавать многое, что не укладывается на плоскости современного мировоззрения» [10].

«А потому перестанем огорчаться разногласиями наших суждений и пожелаем, чтоб в будущем их было как можно больше. Истины нет – остается предположить, что она в переменчивых человеческих вкусах» [10]. Ценности постоянно приходят в конфликт, сущностно несовместимы и несоизмеримы в том смысле, что они, во-первых, претендуют на универсальный статус, во-вторых, они взаимно противоречивы, таким образом, индивидуальный разум бессилен перед ценностным конфликтом (Берлин).

В основе плюрализма Берлина лежит ограничивающее понятие общечеловеческого горизонта ценностей, с его помощью ценностям придается объективный характер. Человек – не

только индивидуальный, но и коллективный субъект. Люди создают уникальные мыслительные и дискурсивные формы, каждая из которых обладает своей собственной историей. Именно эти формы придают этическому суждению достоверность. Только в границах интерсубъективного ценностного горизонта человек может формировать идентичность. Говоря словами Герцена, это «условия, которых нельзя будет перейти, оставаясь человеком» [4]. В основе принципиального плюрализма Шестова лежит принцип доверия к жизни: «В конце концов, выбирая между жизнью и разумом, отдаешь предпочтение первой» [10]. Из этого тезиса следуют как критика научного мировоззрения, так и допущение множественности истин.

Другой общей темой для Берлина и Шестова была тема своеобразия культурно-исторического и интеллектуального развития России. Глубоко зная особенности русской и западной культур и сравнивая их, оба философа приходили к очень похожим выводам. Общей для них была мысль, согласно которой идеи немецких романтиков и социалистов воспринимались в России с некоторой долей фанатизма, вызванного интеллектуальной изолированностью России и интеллектуальным голодом: «...В крупнейших городах Российской империи царил жесточайший, требующий любой умственной пищи интеллектуальный голод, а вместе с ним – не имевшая себе равных искренность (а то и обезоруживающая наивность) чувств, свежесть мысли, страстная решимость участвовать в решении судеб мира при весьма смутном понимании социальных и политических проблем своей огромной страны и отсутствии каких бы то ни было связей между этим новым состоянием умов и окружающей их реальностью» [3].

В другой своей работе (см.: [1]) Берлин продолжает эти мысли. По его мнению, в такой стране как Россия, отрезанной от Запада по причине великого средневекового религиозного схизма, получающей очень мало идей извне, с низким уровнем грамотности, практически любая идея, пришедшая с Запада – при условии некоторой первоначальной привлекательности – попадала на изумительно богатую и девственную почву и воспринималась с такой страстью, которую трудно вообразить на Западе. Ситуацию в России во второй четверти XIX в. Берлин характеризует как полный духовный вакуум, в котором жило большое количество наивных и необразованных людей, многие из которых стремились к свету. Это объясняет то, что почти любая идея –

не важно, насколько невероятной и сомнительной она была – находила отзыв.

Именно этой ситуацией Берлин объясняет склонность русских к теориям и доктринам, при этом он подчеркивает, что они воспринимались ими не просто как что-то интересное или забавное, но как источник спасения, способ достигнуть лучшей жизни. Молодые люди становились западниками только потому, что они изнемогали под игом, не позволявшим им получить нормальное образование, которое, как они думали, становилось все более и более доступным населению Запада. В результате они идеализировали Запад. Подобно просвещенным мыслителям Франции и Германии, они считали, что только посредством критической мысли может быть преодолено господство предрассудка, предубеждения, традиции, догмы, слепого подчинения, деспотических правил и раболепия. Они верили в современную науку и в прогресс человечества. Обнаружив, что некоторые западные мыслители – в особенности после неудачи Французской революции – отказались от разума и науки и обратились к иррациональным источникам: религиозным и эстетическим, догматическим и интуитивным, некоторые русские также подверглись этому влиянию, но большая часть тех, чьи взоры были устремлены на Запад, в конечном счете сочли этот путь ложным, предательством настоящего в угоду прошлому.

В «Апофеозе беспочвенности» Шестов тоже рассуждает на тему своеобразия пути России. Шестов, как и Берлин, считал, что причина интеллектуальной и культурной уникальности России в том, что русские «в короткое время огромными дозами проглотили то, что европейцы принимали в течение столетий, с постепенностью, приучающей ко всякого рода ядам, даже самым сильным. Благодаря этому, пересадка культуры в России оказалась совсем не невинным делом. Стоило русскому человеку хоть немного подышать воздухом Европы, и у него начинала кружиться голова. Он истолковывал по-своему, как и полагалось дикарю, все, что ему приходилось видеть и слышать об успехах западной культуры. Ему говорили о железных дорогах, земледельческих машинах, школах, самоуправлении, а в его фантазии рисовались чудеса: всеобщее счастье, безграничная свобода, рай, крылья и т. д. И чем несбыточней были его грезы, тем охотнее он принимал их за действительность» [10].

В своей статье «Рождение русской интеллигенции» Берлин пишет: «Но если на Западе по-

добные идеи распространялись уже много лет и философские, социальные, политические теории и мнения по меньшей мере с Ренессанса перемешивались и соединялись друг с другом, образуя самые разные сочетания и складываясь в общий процесс многосторонней интеллектуальной активности, где ни одна идея или точка зрения не могла претендовать на сколько-нибудь длительное превосходство, – в России все было совершенно иначе» [3]. Впечатление такое, что эти цитаты составляют текст, написанный одним человеком – настолько они стилистически и концептуально похожи.

Рассуждая о таком феномене культуры, как русская интеллигенция, оба говорят, что именно идейный вакуум, длящийся столетиями, стал источником радикализма и даже экстремизма мировоззрения русской интеллигенции, а также ее необыкновенной искренности. Когда Запад понял, что нужно обустроивать только землю, и начал разрабатывать идеи и идеалы, русские все еще верили в магию и чудеса и думали, что железные дороги – это только начало нянькиных сказок (Шестов).

Отдельная созвучная тема у этих авторов – понимание русской интеллигенцией своей социальной миссии. Оба отмечают, что интеллигенция – чисто русское явление, поскольку на Западе писатели и поэты не считали, что являются носителями некой особой социальной функции. Как верно замечал Берлин, если бы вы были французским или английским писателем XIX в., вы относились бы к себе как к поставщику определенной продукции, такому же, как многие другие поставщики. «Так думали французские писатели, сторонники теории чистого искусства (искусства для искусства). Они считали, что их бизнес – просто писать на языке (насколько ясным, выразительным и красивом, каким они его могли сделать), они считали себя просто ремесленниками, людьми, производящими какой-либо продукт и желающими, чтобы их оценивали только в связи с этим продуктом» [17]. Их личная жизнь, убеждения и поведение не были делом общественности и критиков. Такая точка зрения яростно отвергалась представителями русской интеллигенции. Идея, что люди играют в обществе определенные роли (согласно которой писателя должны оценивать только с точки зрения заслуг его романа или поэмы), отвергалась многими знаменитыми русскими писателями, поскольку они считали, что человек наделен целостной натурой и что разделение любой формы калечит людей и яв-

ляется искажением правды. В этом, по мнению Берлина, заключается фундаментальное различие взглядов типичных русских и западных писателей. И эта идея – отличительный признак и центральная концепция русской интеллигенции.

Ему вторит Шестов: «Мы хотим щедрой рукой зачерпнуть из бездонной вечности, все же ограниченное – удел европейского мещанства. Русские писатели, за немногими исключениями, совершенно искренне презирают мелочность Запада... Даже эпоха 60-х годов, с ее “трезвостью”, была, в сущности, самой пьяной эпохой. У нас читали Дарвина и лягушек резали те люди, которые ждали Мессии, второго пришествия» [10].

Такое миссионерство передалось русскому большевизму. «Россия спасет Европу – в этом глубоко убеждены все “идейные” защитники большевизма. И спасет именно потому, что в противоположность Европе она верит в магическое действие слова. Как это ни странно, но большевики, фанатически исповедующие материализм, на самом деле являются самыми наивными идеалистами. Для них реальные условия человеческой жизни не существуют. Они убеждены, что слово имеет сверхъестественную силу. По слову все делается – нужно только безбоязненно и смело ввериться слову. И они вверились. Декреты сыплются тысячами» [13, с. 49].

Эту мысль как будто продолжает Берлин. «Действительные члены интеллигенции были политическими памфлетистами, поэтами с сильной гражданской позицией, провозвестниками русской революции – в основном журналисты и политические мыслители» [17], которые совершенно сознательно использовали литературу, иногда не самые лучшие ее примеры, как двигатель социального протеста.

И Берлин, и Шестов совершенно отчетливо видят парадоксы русской утопии: отменив свободу и право, пришедшие к власти революционеры стали подражателями свергнутого режима, верными хранителями традиционных политических схем и прежних бюрократических рецептов. Все пороки старой власти перешли по наследству «государству нового типа»: это и невероятно раздутый бюрократический аппарат, и детская вера «в палку, в грубую физическую силу» [13, с. 52], и эксплуататорский характер новой элиты, и патерналистски-пренебрежительное отношение к народу.

В статье «Молчание в русской культуре» Берлин писал, повторяя мысль Герцена (мрачно

и точно говорившем о судьбе коммунизма в России еще в начале 1850-х гг.), что большевизм – это «царизм наоборот». «Царизм наоборот», с точки зрения английского философа, обязан своим появлением непосредственно Ленину, на которого оказали влияние «особые обстоятельства российской жизни», порождающие необходимость в религиозном, мессианском учении – необходимость, которую марксизм вполне удовлетворял. «Однако Ленин привнес в марксизм требование сурового подчинения: партия, в его интерпретации, больше всего похожа на секту, строго управляемую и требующую от ее членов, чтобы те принесли в жертву самое дорогое, ... причем эффект достигался тем успешнее, чем яснее демонстрировалось презрение к традиционной морали. Здесь чувствуется железный фанатизм, приправленный сардоническим смехом и мстительным поприем либерального прошлого, который претил многим соратникам Ленина, но привлекал таких его учеников, как Сталин и Зиновьев» [2, с. 125].

Результат большевистской революции старшему современнику Берлина Шестову видится не менее отчетливо: сделав однажды ставку на внеэкономическое, силовое принуждение, руководители победившей партии и впредь будут вынуждены следовать этому пути, неизбежно воспроизводя бывшие социальные отношения, те самые, которые они столь непримиримо осуждали. «Ясно, что выход один: с одной стороны, должны быть не работающие, привилегированные классы, заставляющие других строгими, беспощадными мерами сверх сил работать, а с другой стороны – непривилегированные, бесправные люди, которые, не щадя здоровья и жизни даже, должны нести свой труд и свое имущество на пользу “целого” ... Иначе – возврат к старому бесправию и к старой, так хорошо знакомой нищете» [13, с. 116].

Можно найти пересечения у этих двух философов и в таких, казалось бы, параллельных темах, как вера (Шестов) и либерализм (Берлин). Вера понимается Шестовым необычно, «не как доверие к раз усвоенным истинам, не как безусловное признание некоего авторитета» [8], а как результат убежденности человека в отсутствии единой истины и «метафизического утешения». По Шестову, когда человек убеждается в слабости и несовершенстве собственного разума перед лицом жизни, в своем одиночестве в непонятном и непостоянном мире, лишенном справедливости и не дающем основания для надежды, он приходит к вере.

«И именно то, что выводит нас из нашего обычного равновесия, что разрывает на бесконечно малые части наш опыт, что отнимает у нас радости, сон, правила, убеждения и твердость, все это – есть вера» [11].

Для Берлина, как для политического философа, рассматривающего все через призму построения определенной философской модели, позволяющей теоретически осмыслить политическую действительность в свете определенной перспективы самоутверждения политической общности, с которой он сам себя идентифицировал, либерализм является аналогом веры Шестова. Характерной чертой берлиновского либерализма является то, что, оставаясь преданным таким ценностям Просвещения, как толерантность, свобода и освобождение людей от угнетения и невежества, он в то же время отвергал концепцию Просвещения, согласно которой универсализация является стремлением человека, а рациональное общество, в котором партикуляризм будет преодолен, – телосом и концом истории.

Берлин, таким образом, становится «либеральным ироником» (Рорти) [9, с. 88], т. е. человеком, который понимал случайный характер своего дискурса и, таким образом, случайный характер своей совести и своего сообщества. Берлин предлагал отказаться от поисков универсальных оснований либерализма и признать, что либерализм – это одна из многих форм жизни. Если это так, то идентичность участников либеральной формы жизни имеет случайный характер и, естественно, не является выражением всеобщей человеческой природы. Там, где существует конфликт ценностей, правит случайность. Признавая тот факт, что в рамках различных сообществ осуществляются несоизмеримые ценности, Берлин не может поставить в привилегированное положение какую-то одну форму жизни. Таким образом, агональный характер берлиновского либерализма проявляется не только в признании конфликта ценностей, но и в признании того, что либеральное сообщество само по себе является формой приверженности, выживание которой в недружелюбном мире зависит от веры его участников и больше ни от чего.

Либерализм понимается Берлиным не как вопрос разума, но более и более как вопрос сердца, как чувство или как экзистенциальная проблема, как определенный способ нести себя в мире и в компании других. Область, где действует основная ценность либерального

мира, – рациональный выбор (rational choice), ограничена. Свобода не выводится из разума, рациональный стандарт не может быть критерием оценки. Недоверие разуму – русское качество в характере Берлина (И. Бродский). Именно недоверие к разуму объединяет Берлина и Шестова и их интеллектуальных героев Герцена, Паскаля, Макиавелли и Кьеркегора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Берлин И. Европейское единство и превратности его судьбы // Неприкосновенный запас. 2002. № 1. С. 3–19.
2. Берлин И. Молчание в русской культуре // История свободы. Россия. М.: Новое литературное обозрение, 2001.
3. Берлин И. Рождение русской интеллигенции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://philologist.livejournal.com/7189238.html>
4. Герцен А.И. С того берега [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0430.shtml
5. Грановская О.Л. Исая Берлин: британский либерализм и русская философия (диалог мировоззрений) // Вопросы философии. 2014. № 9. С. 51–59.
6. Грановская О.Л. Ценностный плюрализм Исая Берлина // Ценности и смыслы. 2015. № 4. С. 90–100.
7. Громова Н. «...И я сам стал иным человеком». Неизвестные письма Льва Шестова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=jXKXfHNydlc>
8. Поляков С. Лев Шестов: философия для не боящихся головокружения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://his.1september.ru/1999/his24.htm>
9. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность. М.: Русское феноменологическое общество, 1996.
10. Шестов Л.И. Апофеоз беспочвенности (опыт адогматического мышления) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vehinet/shestov/apof1.html>
11. Шестов Л.И. Великие кануны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1019865>
12. Шестов Л.И. Sola Fide. Только верою. Париж: YMCA-PRESS, 1966.
13. Шестов Л.И. Что такое русский большевизм? // Странник: Литература, искусство, полемика. 1991. Вып. 1. С. 36–58.
14. Шестов Л.И. Шекспир и его критик Брандес [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://royallib.com/book/shestov_lev/shekspir_i_ego_kritik_brandes.html

15. Berlin, I., 1991. *Conversations with Isaiah Berlin*. New York: Scribner's.

16. Berlin, I., 1980. The purpose of philosophy. In: Berlin, I., 1980. *Concepts and categories: philosophical essays*. Oxford: Oxford University Press, pp. 1–12.

17. Berlin, I., 2013. The role of the intelligentsia. In: Berlin, I., 2013. *The power of ideas*. Princeton: Princeton University Press, pp. 125–133.

18. Berlin, I., 2000. Two concepts of liberty. In: Berlin, I., 2000. *The proper study of mankind*. New York: Farrar, Straus and Giroux, pp. 234–250.

19. Gray, J., 1995. *Berlin*. London: Fontana press.

20. Ignatieff, M., 1998. *Isaiah Berlin: a life*. New York: Metropolitan Books.

21. Makolkin, A., 2002. Russian, Stalinist and Soviet re-readings of Kierkegaard: Lev Shestov and Piama Gaidenko. *Canadian Slavonic Papers*, Vol. 44, no. 1–2, pp. 79–96.

REFERENCES

1. Berlin, I., 2002. Evropeiskoye edinstvo i prevratnosti ego sud'by [European unity and the vicissitudes of its fate], *Neprikosnovennyi zapas*, no. 1, pp. 3–19. (in Russ.)

2. Berlin, I., 2001. Molchanie v russkoi kul'ture [Silence in the Russian culture]. In: Berlin, I., 2001. *Istoriya svobody*. Rossiya. Moskva: Novoye literaturnoe obozrenie. (in Russ.)

3. Berlin, I. Rozhdenie russkoi intelligentsii [The birth of Russian intelligentsia]. URL: <https://philologist.livejournal.com/7189238.html> (in Russ.)

4. Herzen, A.I. S togo berega [From the other shore]. URL: http://az.lib.ru/g/gercen_a_i/text_0430.shtml (in Russ.)

5. Granovskaya, O.L., 2014. Isaiya Berlin: britanskii liberalizm i russkaya filosofiya (dialog mirovozzrenii) [Isaiah Berlin: British liberalism and Russian philosophy (dialogue of worldviews)], *Voprosy filosofii*, no. 9, pp. 51–59. (in Russ.)

6. Granovskaya, O.L., 2015. Tsennostnyi plyuralizm Isaii Berlina [Isaiah Berlin's value pluralism], *Tsennosti i smysly*, no. 4, pp. 90–100. (in Russ.)

7. Gromova, N. «...I ya sam stal inym chelovekom». Neizvestnye pis'ma L'va Shestova [«... And I myself became a different person». Unknown

letters of Leo Shestov]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jKXXfHNydlc> (in Russ.)

8. Polyakov, S. Lev Shestov: filosofiya dlya ne boyashchikhsya golovokruzheniya [Leo Shestov: philosophy for those who are not afraid of dizziness.]. URL: <http://his.1september.ru/1999/his24.htm> (in Russ.)

9. Rorty, R., 1996. Sluchainost', ironiya i solidarnost' [Contingency, irony and solidarity.]. Moskva: Russkoe fenomenologicheskoe obschestvo. (in Russ.)

10. Shestov, L.I. Apofeoz bespochvennosti (opyt adogmaticeskogo myshleniya) [Apotheosis of groundlessness (experience of antidogmatic thinking)]. URL: <http://www.vehi.net/shestov/apofl.html> (in Russ.)

11. Shestov, L.I. Velikie kanuny [The great eves]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=1019865> (in Russ.)

12. Shestov, L.I., 1966. Sola Fide. Tol'ko veroyu [By faith alone]. Paris: YMCA-PRESS. (in Russ.)

13. Shestov, L.I., 1991. Chto takoye russkiy bol'shevizm? [What is Russian Bolshevism?], *Strannik: Literatura, iskusstvo, polemika*, no. 1, pp. 36–58. (in Russ.)

14. Shestov, L.I. Shekspir i ego kritik Brandes [Shakespeare and his critic Brandes]. URL: https://royallib.com/book/shestov_lev/shekspir_i_ego_kritik_brandes.html (in Russ.)

15. Berlin, I., 1991. *Conversations with Isaiah Berlin*. New York: Scribner's.

16. Berlin, I., 1980. The purpose of philosophy. In: Berlin, I., 1980. *Concepts and categories: philosophical essays*. Oxford: Oxford University Press, pp. 1–12.

17. Berlin, I., 2013. The role of the intelligentsia. In: Berlin, I., 2013. *The power of ideas*. Princeton: Princeton University Press, pp. 125–133.

18. Berlin, I., 2000. Two concepts of liberty. In: Berlin, I., 2000. *The proper study of mankind*. New York: Farrar, Straus and Giroux, pp. 234–250.

19. Gray, J., 1995. *Berlin*. London: Fontana press.

20. Ignatieff, M., 1998. *Isaiah Berlin: a life*. New York: Metropolitan Books.

21. Makolkin, A., 2002. Russian, Stalinist and Soviet re-readings of Kierkegaard: Lev Shestov and Piama Gaidenko. *Canadian Slavonic Papers*, Vol. 44, no. 1–2, pp. 79–96.

И.В. Брылина*

УНИВЕРСИТЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ: ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

В статье анализируются изменения, которые произошли в понимании университетского образования в условиях коммерциализации, обосновывается влияние прагматистской и либеральной версий идеи университета на современные футурологические теории, рассматриваются футурологические концепции образования Д. Белла, Э. Тоффлера, М. Кастельса и К. Керра, проводится сравнительный анализ образов выпускника классического и современного университетов. Автор приходит к выводу, что XXI-й век в условиях рыночной конкуренции и коммерциализации отдал предпочтение прагматистской модели университетского образования, а сам университет превращен в дорогостоящий бизнес и заявляет о себе как об отрасли индустрии, проявляющей теснейшее взаимодействие с экономикой.

Ключевые слова: футурологический проект, университетское образование, идея университета, университет будущего, коммерциализация, гуманизация, прагматизм

University education in the context of commercialization: futurological discourse. IRINA V. BRYLINA (National Research Tomsk Polytechnic University)

The article analyzes the changes that occurred in the understanding of university education in the context of its commercialization. Focusing on the influence of utilitarian and liberal versions of the idea of university on modern futurological theories, the author examines the futurological concepts of education of D. Bell, A. Toffler, M. Castells and K. Kerr. It is concluded that in the XXIst century under the conditions of market competition and commercialization the preference is given to the pragmatic model of university education and the university itself turned into an expensive business, declaring itself as an industry branch that shows close interaction with economy.

Keywords: futurological project, university education, idea of university, university of the future, commercialization, humanization, pragmatism

Ведущие мировые исследователи сегодня озабочены судьбами современного университета. Филип Дж. Альтбах, задаваясь вопросом «Что такое “исследовательский” университет и как его создать?», замечает, что парадокс уни-

верситета мирового класса состоит в том, что «все хотят его иметь, но никто не знает, что это такое и как его получить» [20, р. 351]. Дж. Салми размышляет о путях создания университета мирового класса [27], Й. Виссема – о создании

* БРЫЛИНА Ирина Владимировна, кандидат философских наук, доцент отделения социально-гуманитарных наук Школы базовой инженерной подготовки Национального исследовательского Томского политехнического университета.

E-mail: ibrylina@yandex.ru

© Брылина И.В., 2018

университета третьего поколения [30], Б. Ридингс – о том, каково место университета в обществе [26], С. Коллини – о том, зачем нужны университеты [11], Б. Кларк пишет о становлении предпринимательского университета, а Д. Бок – об университетах в условиях рынка [3]. Так что же происходит с университетом в условиях рынка? Какое будущее его ожидает? Задаваясь вопросом о сути эволюции университета, мы неизбежно должны ориентироваться на те изменения, которые произошли с обществом и человеком в XXI в.

В середине XX в. возникает ряд футурологических и прогностических концепций и проектов, в которых раскрывается роль образования и миссия университета в культуре будущего. Речь идет о концепциях Р. Дарендорфа, Дж.М. Гэлбрейта, З. Бжезинского, Г. Маркузе, П. Дракера, Э. Тоффлера, З. Баумана, Д. Белла, К. Керра, М. Кастельса. Этими авторами феномен образования исследован в границах общества, называемого по-разному, – посткапиталистического, постиндустриального, супериндустриального, нового индустриального, «плюралистического индустриализма», технотронного, одномерного, «общества знания», индивидуализированного, сетевого общества и т. д.

Понимание изменений в образовании XX–XXI вв., дискурс о будущем университета можно проследить через сопоставление таких версий-моделей университетского образования, как либеральная и прагматистская. За какой версией будущее? Какая из них более адекватна надвигающимся реалиям XXI в.: коммодификации знания, коммерциализации образования, консьюмеризации общества?

Е.С. Ляхович и И.В. Захаров, характеризуя исторический опыт осмысления противоречия утилитарного и либерального образования, считают, что именно этот опыт «...дал современным зарубежным обществоведам одну из основных теоретических предпосылок, исходя из которой они начали создавать футурологические концепции общественного развития. Идея университета оказалась не просто тесно вплетенной в современные футурологические теории, но и предупредила их возникновение. Явившись источником вдохновения для тех, кого сейчас называют футурологами, идея университета стала составной частью созданных ими теорий. Одновременно в футурологию проникло и противостояние утилитарной и либеральной образовательных тенденций» [6, с. 203]. На этом опыте строятся футурологиче-

ские концепции образования Д. Белла, Э. Тоффлера, М. Кастельса и К. Керра.

Прогноз Д. Белла осуществлен в границах концепции постиндустриализма как той стадии цивилизации, основанием которой является принципиально новая субстанция – информация. В постиндустриальном обществе она является фактором, определяющим социокультурное бытие и материальные блага человека. Трансформируясь, информация имеет статус базиса инновационных технологий, определяет специфику среды обитания, формирует коммуникативные отношения. Д. Белл связывает информацию и теоретическое знание, а институту, обеспечивающему развитие подобного знания, отводит доминирующую роль в обществе. Д. Белл пишет о том, что «...фактически теоретическое знание во все возрастающей степени становится стратегическим ресурсом, осевым принципом общества. А университет, исследовательские организации и интеллектуальные институты, в которых теоретическое знание кодифицируется и обогащается, становятся осевыми структурами возникающего общества» [2, с. 16]. Решающая роль теоретического знания проявляется в понимании статуса и механизма инноваций, в осуществлении общественного контроля за изменениями, в прогнозировании будущего. Теоретическое знание и общественный институт образования определяют уже во второй половине XX в. доминирующее направление развития общества.

Д. Беллу принадлежит идея перехода в постиндустриальную эпоху от производства вещей к производству услуг. В этой ситуации, писал Д. Белл в работе «Культурные противоречия капитализма» (1976), университет превращен в доминирующую силу культурного мира, в особую «станцию социального обслуживания» [21, р. 147–148].

Постиндустриальное общество организовано вокруг знания для осуществления социального контроля и управления нововведениями и изменениями, что порождает те социальные отношения и структуры, которые требуют политического управления, и в этом роль университета и университетского образования трудно переоценить [2, с. 47]. Университет понимается Беллом как форма институционализации знания, как источник знания и порождаемых за счет него инноваций, а также формирования высококвалифицированных специалистов.

В ситуации, когда политические вопросы теснейшим образом переплетены с техниче-

скими, принятие решений ввиду сложнейших последствий этих решений, носит технический характер. Знание и техническая компетентность превращены в условие для входа в элиту, а базисом для подобного продвижения является образование. «Элита знающих» специфична: она ставит проблемы, инициирует эти проблемы, предлагает варианты экспертных решений, но это – лишь варианты решений, а не окончательное решение.

Д. Белл – сторонник либерального образования, которое делает человека свободным не потому, что ведет обучение посредством гуманитарных дисциплин, а потому, что оно предоставляет учащемуся возможность вольной трактовки сообщаемых ему фактов» [2, с. 14]. Оно создает новую элиту – «элиту знающих людей», условием для входа в которую становится образование.

Если Д. Белл, признавая главенствующую роль теоретического знания и информации, все же называет свою теорию теорией «постиндустриального общества», подчеркивая этим значимость индустриального фактора в жизни нового общества, то Э. Тоффлер формулирует теорию «супериндустриального» общества, которое является разновидностью постиндустриального общества и главным двигателем которого является технический прогресс. Основные идеи своей концепции общества будущего он излагает в работах «Шок будущего» (1970) [29] и «Третья волна» (1980) [28]. «Супериндустриальному» обществу соответствует теория супериндустриального образования: «Для создания супериндустриального образования мы должны, в первую очередь, выработать удачные альтернативные представления о будущем – представить себе, какие виды работ, профессий и склонностей будут нужны в будущем, лет через 20–50, какие формы приобретет семья и какие человеческие взаимоотношения будут превалировать; какие проблемы морально-этического плана могут возникнуть; какая техника будет нас окружать и с какими организационными структурами придется нам срабатываться. И только вырабатывая такие представления, определяя, обсуждая, систематизируя и непрерывно модернизируя их, мы можем прийти к заключению о характере когнитивных и эмоциональных навыков, которые понадобятся людям будущего для того, чтобы пережить ускоряющийся напор» [29, р. 436–437]. Поскольку в технологических системах завтрашнего дня на людей обрушится информационный поток, который обострит

способность проникать в суть вещей, то машины будут все быстрее выполнять рутинные задания, а люди – решать интеллектуальные и творческие задачи. Согласно Э. Тоффлеру, новому человеку понадобятся такие качества, как умение учиться, умение общаться, умение выбирать (в условиях сверхвыбора). Обобщив эти умения, можно сказать, что человеку будущего придется учиться меняться.

Однако, несмотря на культурный релятивизм и научную нейтральность новой эпохи, он считает, что образование останется верным риторике формирования характера обучаемого, но роль педагога будет состоять не в навязывании каркаса прошлых культурных и моральных устоев, а в поддержке обучаемого в формировании им собственного «жизненного ноу-хау» («знание жизни»). О механизме научения он пишет: «Нужно суметь заниматься и тем (обучением), и другим одновременно, передавая одно в условиях и обстановке, которые формируют другое» [29, р. 454].

Теорию, сходную с предшествующими, но более актуальную для рыночных условий, формирует и М. Кастельс, называя общество «информационным». Ключевой характеристикой такого общества является сетевая логика его базовой структуры. «Информационные технологии определяют картину настоящего и еще в большей мере будут определять картину будущего» [1, с. 135]. «Сетевое общество, по М. Кастельсу, есть продукт информационно-технологической парадигмы, сформировавшейся в конце XX в. и определившей стратегию развития современного общества» [12, с. 259]. Она привела к трансформации характера коммуникаций, которые стали сетевыми. «Специфика сетевой коммуникации проявляется в горизонтальном характере общения, в отсутствии иерархической структуры отношений между участниками коммуникации» [12, с. 261], которая предполагалась Д. Беллом. В отличие от него М. Кастельс говорит о снижении роли государства в жизни общества и повышении роли самостоятельного и свободного человека, осознании им своей ответственности за результаты профессиональной деятельности – производство инноваций. Такое соединение социального и профессионального аспектов сетевого общества является выявленной им социологической закономерностью, где одно невозможно без другого.

Он также анализирует историю создания самого инновационного фактора в развитии но-

вой экономики – кластерной модели взаимодействия университетов, бизнеса и государства на примере Силиконовой долины, приходя к выводу об эффективности и долгосрочности такой модели взаимодействия.

Сетевой формат коммуникации изменил и общественный уклад, и образ жизни человека. Ключевыми характеристиками человека сетевого общества стали свобода, страх быть исключенным из сетей и развитие способностей к обработке и генерированию знаний. Поскольку свобода и постоянное самообразование становятся ключевыми ценностями сетевого общества, то М. Кастельс предвидит, что «нам потребуется новая педагогика, базирующаяся на интерактивности, персонализации и развитии независимых способностей к обучению и мышлению. И в то же самое время способствующая воспитанию характера и защите личности» [10, с. 208].

Идея сетевого общества была предвосхищена в проекте К. Керра [23] в 1963 г. Ее специфику автор раскрывает через концептуальную интерпретацию статуса университета в культуре будущего, называемой «плюралистическим индустриализмом», «индивидуализмом с человеческим лицом». К. Керр, автор идеи «мультиверситета», говорит об университете как социокультурном явлении. «Сегодня большой американский университет, – пишет К. Керр, – является скорее целой серией сообществ и областей деятельности, объединяемых воедино общим названием, общим управленческим персоналом и родственными целями. Эту великую трансформацию некоторые оплакивают, многие принимают, очень немногие пока празднуют, но понять ее должны все» (Цит. по: [14]).

В работах «О пользе университета» (1972), «Великая трансформация высшего образования в 1960–1980 гг.» (1991), «Трудные времена для американского высшего образования: 1990-е и последующие годы» (1994) и др. К. Керр пишет именно об организационно-структурном базисе университета: «Мультиверситет – это несовместимый институт. Это не одно, а несколько сообществ – сообщество студентов и сообщество аспирантов; сообщество гуманистов, сообщество социальных исследователей и сообщество ученых; сообщество администраторов... Как институт, он смотрит далеко в прошлое и далеко в будущее, и часто не согласен с настоящим. Он служит обществу почти рабски – обществу он также критикует, иногда безжалостно. Внутренняя несовместимость вовсе не мешает мультиверситету быть совместимым

с окружающим его обществом. Напротив, постоянная внутренняя борьба является залогом «стабильной свободы», ибо хотя у мультиверситета нет общей “души”, у него есть единый руководящий его действиями идеал – все, что он делает, должно быть направлено на поиск истины. Цели уже даны: сохранение вечных истин, создание нового знания, улучшение обслуживания там, где истина и знание высшего порядка могут служить потребностям человека. Цели имеются: средства необходимо постоянно совершенствовать в конкурентном динамическом окружении» [23, р. 115].

Итак, постоянная борьба за конкурентные преимущества – залог «стабильной свободы», отсутствие общей «души», но существование единого, руководящего действиями мультиверситета идеала – все это реализуемо посредством совершенствования системы обслуживания того, что служит потребностям человека; только так возможно сохранение совершенного интеллектуального базиса университета, встроенного в контекст борьбы за конкурентные преимущества.

В «Задачах университета» К. Керр делает акцент на элементах множественности и разнообразия. В идее мультиверситета нашло отражение «поразительное многообразие форм деятельности, ныне осуществляющейся в крупных исследовательских университетах», отмечает С. Коллини [11, с. 25]. Потенциал же социальных перемен видится К. Керру, как и Д. Беллу, в сегменте элитарного, а не массового образования.

Противостояние двух подходов сохранится в университете и в будущем, приняв форму противоречия технократического (проявление утилитарного стиля мышления) и апокалиптического (основанного на чувстве гибели культуры из-за пренебрежительного отношения к гуманистическим ценностям прошлого) модусов. Д. Белл полагает, что конфронтация этих модусов превратится в университете будущего в центральную проблему [2, с. 19].

Как можно видеть из вышеописанных концепций многие исследователи университета, заглядывающие в его будущее, нащупывающие его новый образ, озабочены вопросом – не утратит ли он свой гуманистический смысл в прагматичную эпоху? Не превратится ли храм в супермаркет в условиях коммерциализации?

По мнению А.О. Карпова, «“товарная” концептуализация образования, ставшая калькой культурного понимания индустриальной эпохи, пытается элиминировать инструментальный и

либеральный подходы к образованию тем, что *как бы* устанавливает им место внутри себя» [9, с. 88]. Он считает, что с точки зрения дискурса целей образования наносимый ею удар абсолютно неотразим, поскольку товарная концептуализация образования имплицитно покрывает как индивидуальные, так и общественные блага [22, р. 79].

На наш взгляд, время отдаст предпочтение прагматистской модели. Университет XXI в. превращен в дорогостоящий бизнес и уже заявил о себе как о серьезнейшей отрасли индустрии, проявляя теснейшее взаимодействие с бизнесом и экономикой [24; 25]. В условиях тесной связи с бизнесом и коммерческой зависимости от него университету очень трудно отстаивать свою автономию, и она постепенно может утрачиваться. Что касается обучения, оно обретет ту специфику, которая порождена эпохой «капитализма знаний». Приведем размышления В.И. Красикова о прагматистском обосновании роли и функций университетского образования в обществе знания: «Знаниям в постиндустриальном обществе отводится такое же значение, какое занимали “капитальные фонды” в индустриальном; обучение – это инструмент, дающий человеку возможность накопить “фонд знаний”, подобно тому, как бизнес позволяет ему аккумулировать “капитальные фонды”. Чем больше человек учится, тем больший “фонд знаний” он приобретает. Скрытый подтекст обучения, таким образом, задает новую социальную структуру общества, в которой основные потребители знаний (те, кто больше накопил знаний) получают особые привилегии, имеют высокий доход и доступ к более эффективным средствам производства. Этот вид “капитализма знаний” определяет логику распределения рабочих мест и доходов. И, если в предыдущем столетии господствующими фигурами были предприниматели, бизнесмены и промышленные руководители, то сегодня ими оказываются ученые, математики, экономисты и создатели новых интеллектуальных технологий. Традиционное обучение дает квалификацию, новое образование – метаквалификацию, т. е. методологическую и мировоззренческую систему навыков как основу усвоения и генерирования новых знаний» [13, с. 14].

Можно ли сегодня говорить о гуманистической направленности и настроенности приобретаемого на рынке образования? Способна ли коммерциализация университетского образования являться формой его гуманизации? Содер-

жит ли трансформация образования в рыночный сегмент гуманистический смысл и начало? Наконец, можно ли говорить о гуманизме самого процесса продажи образовательных услуг?

Для обозначения явления, обладающего рядом таких признаков, как ориентация образования на самореализацию обучаемого, приоритетный характер потребностей студента в условиях социального заказа, в научной литературе появился новый термин – «педагогический гуманизм». Характеризуя его как способ нового мышления об образовании как рынке услуг [19], Л.И. Ямпольская выстраивает следующую логику рассуждения. Образование утрачивает функцию производства человека, если ему оказываются только образовательные услуги. Меняется и характер ответственности (в условиях нового «педагогического гуманизма» снимается проблема создания формы, соответствующей определенной модели, образцу). Обучаемый берет на себя всю степень ответственности («Создай самого себя»). Это является проявлением гуманистической парадигмы образовательной системы ценностей. Сама выстроенная система образовательных услуг ответственна лишь за качество услуг и профессионализм их оказания, что говорит о трансформации требования «продавать производимое». Сегодня это требование тоже звучит по-новому – «производить то, что может быть продано», что представляет интерес для рынка.

Сохранит ли себя гуманизм университетского образования в условиях коммерциализации, когда студент утрачивает способность быть субъектом деятельности и превращен в объект оказания образовательной услуги, продукт образовательного производства?

Утвердительный ответ в ситуации рынка вряд ли возможен, поскольку рынок здесь интерпретирован как рынок образовательных программ, гуманизм же проявляет себя в постановке вопроса качества потребления. И все-таки выставленное на продажу и продаваемое образование сохраняет свою значимость и предназначение как форма гуманизации хотя бы в силу того, что процесс предполагает свободу выбора программ и траекторий обучения, при этом сам выбор определяется эффектом и эффективностью образовательной услуги. Эти эффекты и являются мощной предпосылкой адаптации университета к условиям рынка.

Другой предпосылкой адаптации университета является проникновение прагматизма в образование и его укоренение. Интеллектуальная, гуманистическая и образовательная функции

университета по-прежнему останутся характерными и актуальными для современного университета, но дополнятся прагматической функцией. Прагматизм, который прежде обнаруживал себя в стремлении воплотить научные знания в жизнь, материализовать их, сегодня дополнился рыночным контекстом, требующим производства товаров, услуг и их реализации. Нацеленность на проективный, предсказательный потенциал знания, создание новой «инновационной среды» в университете, реализация его предпринимательского потенциала, – все это говорит о сближении функций гуманизации и прагматизации университетского образования.

В этих предпосылках адаптации скрыт глубокий гуманистический смысл и подтекст рынка образования, а коммерциализация выступает здесь в качестве условия и формы гуманизации. Коммерциализация образования не должна стать тотальной. По мнению Д. Бока, у университета в условиях коммерциализации есть только два пути. «Пойти по более трудному пути – пытаться сдерживать коммерциализацию ограничительными мерами и следить за их соблюдением. Но есть и другой путь – приспособляться к обстоятельствам, идти на компромиссы, находить им объяснение, одним словом, медленно сползая к таким практикам, которые могут исказить до неузнаваемости облик университетов, нанести непоправимый ущерб их образовательной и научной деятельности, их репутации» [3, с. 221]. Образовательная политика университета должна строиться на понимании смысла образования как гуманизации и индивидуализации, хотя и предполагает проявление рыночных образовательных возможностей.

Адаптивный потенциал современного университета (устойчивость в условиях изменчивости знания (смены форм, подходов, методов, истин, типов рациональности, его коммодификации), общества (прагматизации, коммерциализации, маркетизации) и человека (индивидуализации, консьюмеризации и коммодификации личности) проявился через разнообразие форм образовательных практик, расширение функций университета.

Конструируя образ общества будущего, футурологи обращают свой взгляд на концепцию нового человека. Каким видится образ человека будущего? Какие характеристики востребованы выпускником современного университета, а какие будут востребованы будущим?

В условиях рыночной конкуренции выпускник современного университета будет су-

щественно отличаться от выпускника «классического университета». Если выпускник «классического университета должен был овладеть квалификацией, то современный выпускник в условиях рыночной конкуренции должен будет овладевать «метаквалификацией» [13]: быть способным эффективно действовать как ученый, предприниматель, менеджер, инженер, делопроизводитель, программист, лингвист одновременно и, соответственно, обрести широкий круг профессиональных и личностных компетенций в процессе образования, связанных с ориентацией в условиях неопределенности, неустойчивости [4; 7; 15; 16]. Помимо профессиональных качеств, современный университет призван формировать и гуманитарно-духовное начало выпускника – предоставлять свободу выбора, формировать его личностную идентичность, соответствующую своему времени.

В сверхсложном мире перед лицом неопределенности, небезопасности, рисков и угроз, связанных в том числе с инновационностью развития, в обществе еще более актуализированной и востребованной станет концепция устойчивого безопасного развития. Именно университет будущего может стать гарантом безопасности, культивируя, помимо компетенций, связанных с проявлением свободы творчества человека (о которых шла речь выше), принципы социальной (гражданской) и личной ответственности, умение опережающего видения, проектирования и прогнозирования (предвидения, предупреждения, предостережения). Наиболее важным формированием этих компетенций станет для выпускников технических (инженерных), биомедицинских, военных, кибернетических и иных специальностей, связанных с повышенной рискогенностью новейших технологий и разработок. Напротив, передовой край современной науки нацелен на создание революционно-прорывных аддитивных технологий (природоподобных, энергосберегающих, ресурсоэффективных, безотходных), которые повысят устойчивость и понизят рискогенность общества. Многие исследователи полагают, что в повышении устойчивости и безопасности общества большую значимость приобретает расширение гуманитарной составляющей образования (в частности, прикладной этики) [8; 11], которая призвана «помирить» естественнонаучное и гуманитарное знание; интересы университета, бизнеса и государства; достичь баланса в вопросах коммерциализации результатов деятельности и интеллек-

туального поиска, который не будет ограничен только текущими социальными и экономическими (рыночными) задачами.

Глобальная роль университета в настоящем и будущем обеспечена его огромным адаптационным потенциалом, способностью при любых внешних социокультурных трансформациях отвечать и соответствовать как требованиям времени, так и личному заказу, формируя как компетентного специалиста, способного к производству нового знания, так и адаптивную, успешную личность, способную к саморазвитию и самоформированию на протяжении всей жизни.

Потому можно предположить, что университет будущего проявит свой адаптивный потенциал: для него, по-прежнему, будет актуальным и поиск нового знания, и его рыночная реализация, и адаптация человека к новым социокультурным реалиям. В силу того, что неопределенность влечет неконтролируемость, одной из ключевых экзистенциальных характеристик общества будущего и, соответственно, образования будущего станет стремление к поддержанию устойчивости и безопасности общества, что повлечет переход от модели университета предпринимательского (корпоративного) типа, формирующейся сегодня и базирующейся на стратегии конкуренции, к становлению новой модели университета «сетевого общества безопасного развития» [24], основанного на сочетании конкуренции и кооперации, о чем говорят исследователи [5; 17; 18], где ключевой компетенцией станет ответственность, которая, в свою очередь, невозможна без культуры личной ответственности, доверия и «заботы о себе».

Таким образом, университет будущего в организационном плане, вероятно, будет представлять собой сетевую структуру – сложное образование, в которое войдет множество совокупностей-сообществ, в своем единстве и целостности занимающиеся процессами генерирования знания, созданием нового, а также формированием элиты – людей-творцов нового через конвергенцию естественнонаучного и гуманитарного знания.

В будущем университет проявит свой адаптивный потенциал и останется масштабным центром культуры и образования, который сможет играть значимую роль в сдерживании рынка посредством смены стратегии конкуренции стратегией конкуренции-сотрудничества, а университетское образование в контексте прагматизма продолжит поиск нового гуманизма и

по-прежнему будет воспроизводить человека, но это будет уже человек новой генерации.

Все вышеизложенное говорит о том, что трансформация социальной реальности влечет динамику ценностей университета, в рамках которой либералистская и прагматистская тенденции то сливаются, то сближаются, то отдаляются. Однако, несмотря на то, что в настоящее время возобладала прагматистская концепция, либеральная (гуманистическая) идея, меняя свои формы, никогда не утратит для университета своей актуальности и значимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Р.Н. Сетевые структуры и формирование информационного общества // Социологические исследования. 2002. № 3. С. 133–140.
2. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999.
3. Бок Д. Университет в условиях рынка. Коммерциализация высшего образования. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.
4. Брылина И.В. Организационная структура университета в условиях рыночной конкуренции: потенциал адаптации и риски // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 39. С. 78–87.
5. Буданов В.Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. М.: Издательство ЛКИ, 2009.
6. Захаров И.В., Ляхович Е.С. Миссия университета в европейской культуре. М.: Новое тысячелетие, 1994.
7. Иванова И.В., Макарова В.А. Готовность подростка к саморазвитию и ее формирование в условиях дополнительного образования // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2018. Т. 7. № 1. С. 54–60.
8. Калинина Н.А. Гуманизм как условие безопасного развития «глобального общества риска» // Инновации в науке: сб. ст. по матер. XXIII междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск: СибАК, 2013. С. 104–114.
9. Карпов А.О. Коммодификация образования в ракурсе его целей, онтологии и логики культурного движения // Вопросы философии. 2012. № 10. С. 85–96.
10. Кастельс М. Галактика Интернет: размышление об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
11. Коллини С. Зачем нужны университеты? М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016.

12. Концептуализация российского инженерного образования будущего: профессиональные и социокультурные основания / Под ред. И.Б. Ардашкина. Томск: STT, 2017.
13. Красиков В.И. Университетское образование в контексте традиций и реалии современного информационного общества // Классический университет в неклассическое время: Труды Томского государственного университета. Т. 269. Сер. Культурологическая. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. С. 13–15.
14. Лавриненко В.А. Об университете как центре науки, образования, культуры // Наука. Образование. Культура: материалы XXX студен. науч. конф. Чебоксары, 1996. С. 3–8.
15. Лебедева Н.В. Социальная и личностная идентичность взрослых в период обучения // Актуальные проблемы психологического знания. 2015. № 1. С. 12–24.
16. Леонтьева Э.О., Садловская М.В. Основные подходы к пониманию учебных стратегий в социологии студенчества // Вестник ТОГУ. 2017. № 1. С. 165–170.
17. Саяпин В.О. Проблемы безопасного развития сетевого общества // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 9. С. 27–39.
18. Урсул А.Д., Романович А.Л. Безопасность через устойчивое развитие // АНО «Центр междисциплинарных исследований» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://spkurdyumov.ru/economy/bezopasnost-cherez-ustojchivoe-razvitiye/>
19. Ямпольская Л.И. Концептуализация классической «идеи университета» в неклассическом варианте. Томск: STT, 2014.
20. Altbach, P.G. and Salmi, J. eds., 2011. The road to academic excellence: the making of world-class research universities. Washington: The World Bank.
21. Bell, D., 1976. The cultural contradictions of capitalism. New York.
22. Karpov, A.O., 2013. The commodification of education // Russian Education and Society, Vol. 55, no. 5. pp. 75–90.
23. Kerr, C., 1982. The uses of the university. Cambridge: Harvard University Press.
24. Petrova, G., Smokotin, V., Brylina, I., Kornienko, Al., Kornienko, An., Nikitina, Yu. and Kachalov, N., 2015. A comparative analysis of classical and postmodern views on the idea of a university. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, Vol. 206, pp. 469–473.
25. Petrova, G.I., Brylina, I.V., Kulizhskaya, E.G. and Bogoryad, N.V., 2014. Corporate culture of contemporary research university in search of complementarity of humanitarian and commercial principles in education (Russian context). *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, Vol. 166, pp. 505–510.
26. Readings, B., 1996. The university in ruins. Cambridge: Harvard University Press.
27. Salmi, J., 2009. The challenge of establishing world-class universities. Washington: The World Bank.
28. Toffler, A., 1980. The third wave: the classic study of tomorrow. New York: Morrow.
29. Toffler, A., 1984. Future shock. New York: Bantam Books.
30. Wissema, J.G., 2009. Towards the third generation university: managing the university in transition. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.

REFERENCES

1. Abramov, R.N., 2002. Setevye struktury i formirovanie informatsionnogo obshchestva [Network structures and the formation of information society], *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 3, pp. 133–140. (in Russ.)
2. Bell, D., 1999. Gryadushchee postindustrial'noe obshestvo [The coming of post-industrial society]. Moskva: Akademiya. (in Russ.)
3. Bok, D., 2012. Universitet v usloviyakh rynka. Kommertsializatsiya vysshego obrazovaniya [Universities in the market-place. The commercialization of higher education]. Moskva: Izdatel'skiy dom Vysshei shkoly ekonomiki. (in Russ.)
4. Brylina, I.V., 2017. Organizatsionnaya struktura universiteta v usloviyakh rynochnoi konkurentsii: potentsial adaptatsii i riski [Organizational structure of the university in the conditions of the market competition: potential of adaptation and risks], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, no. 39, pp. 78–87. (in Russ.)
5. Budanov, V.G., 2009. Metodologiya sinergetiki v postneklassicheskoi nauke i v obrazovanii [Methodology of synergetics in post-non-classical science and education]. Moskva: Izdatel'stvo LKI. (in Russ.)
6. Zakharov, I.V. and Lyahovich, E.S., 1994. Missiya universiteta v evropeiskoi kul'ture [Mission of the university in the European culture]. Moskva: Novoe tysyacheletie. (in Russ.)
7. Ivanova, I.V. and Makarova, V.A., 2018. Gotovnost' podrostka k samorazvitiyu i ee formirovanie v usloviyakh dopolnitelnogo obrazovaniya [Teenager's readiness for self-development and its formation in the context of additional education], *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya i tekhnologii*, Vol. 7, no. 1, pp. 54–60. (in Russ.)
8. Kalinina, N.A., 2013. Gumanizm kak uslovie bezopasnogo razvitiya «global'nogo obshchestva

riska» [Humanism as a condition for the safe development of the «global risk society»]. In: Innovatsii v nauke: sb. st. po mater. XXIII mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Novosibirsk: SibAK, pp. 104–114. (in Russ.)

9. Karpov, A.O., 2012. Kommodifikatsiya obrazovaniya v rakurse ego tselei, ontologii i logiki kul'turnogo dvizheniya [Commodification of education from the point of its purposes, ontology and logic of cultural movement], Voprosy filosofii, no. 10, pp. 85–96. (in Russ.)

10. Castells, M., 2004. Galaktika Internet: razmyshlenie ob Internete, biznese i obshchestve [The Internet galaxy. Reflections on the Internet, business and society]. Ekaterinburg: U-Faktoriya. (in Russ.)

11. Kollini, S., 2016. Zachem nuzhny universitety? [Why do we need universities?]. Moskva: Izdatel'skiy dom Vysshei shkoly ekonomiki (in Russ.)

12. Ardashkin, I.B. ed., 2017. Kontseptualizatsiya rossiiskogo inzhenerenogo obrazovaniya budushchego: professional'nye i sotsiokul'turnye osnovaniya [Conceptualization of the Russian engineering education of the future: professional and sociocultural grounds]. Tomsk: STT. (in Russ.)

13. Krasikov, V.I. 2007. Universitetskoe obrazovanie v kontekste traditsiy i realii sovremennogo informatsionnogo obshchestva [University education in the context of traditions and a reality of modern information society]. In: Klassicheskiy universitet v neklassicheskoe vremya: Trudy Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 269. Ser. Kul'turologicheskaya. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, pp.13–15. (in Russ.)

14. Lavrinenko, V.A., 1996. Ob universitete kak tsentre nauki, obrazovaniya, kul'tury [On the university as a center of science, education, culture]. In: Nauka. Obrazovanie. Kul'tura: materialy XXX studen. nauch. konf. Cheboksary, pp. 3–8. (in Russ.)

15. Lebedeva, N.V., 2015. Sotsial'naya i lichnostnaya identichnost' vzroslykh v period obucheniya [Social and personal identity of adults during training], Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya, no. 1, pp. 12–24. (in Russ.)

16. Leont'eva, E.O. and Sadlovskaya, M.V., 2017. Osnovnye podkhody k ponimaniyu uchebnykh strategii v sotsiologii studenchestva [Main approaches to understand learning strategies in students' sociology], Vestnik TOGU, no. 1, pp. 165–170. (in Russ.)

17. Sayapin, V.O., 2017. Problemy bezopasnogo razvitiya setevogo obshchestva [Problems of safe development of network society], Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, no. 9, pp. 27–39. (in Russ.)

18. Ursul, A.D. and Romanovich, A.L. Bezopasnost' cherez ustoichivoe razvitie [Security through sustainable development]. URL: <http://spkurdyumov.ru/economy/bezopasnost-cherez-ustojchivoe-razvitie/> (in Russ.)

19. Yampol'skaya, L.I., 2014. Kontseptualizatsiya klassicheskoi «idei universiteta» v neklassicheskom variante [Conceptualization of the classical «idea of the university» in the non-classical version]. Tomsk: STT. (in Russ.)

20. Altbach, P.G. and Salmi, J. eds., 2011. The road to academic excellence: the making of world-class research universities. Washington: The World Bank.

21. Bell, D., 1976. The cultural contradictions of capitalism. New York.

22. Karpov, A.O., 2013. The commodification of education // Russian Education and Society, Vol. 55, no. 5. pp. 75–90.

23. Kerr, C., 1982. The uses of the university. Cambridge: Harvard University Press.

24. Petrova, G., Smokotin, V., Brylina, I., Kornienko, Al., Kornienko, An., Nikitina, Yu. and Kachalov, N., 2015. A comparative analysis of classical and postmodern views on the idea of a university. Procedia – Social and Behavioral Sciences, Vol. 206, pp. 469–473.

25. Petrova, G.I., Brylina, I.V., Kulizhskaya, E.G. and Bogoryad, N.V., 2014. Corporate culture of contemporary research university in search of complementarity of humanitarian and commercial principles in education (Russian context). Procedia – Social and Behavioral Sciences, Vol. 166, pp. 505–510.

26. Readings, B., 1996. The university in ruins. Cambridge: Harvard University Press.

27. Salmi, J., 2009. The challenge of establishing world-class universities. Washington: The World Bank.

28. Toffler, A., 1980. The third wave: the classic study of tomorrow. New York: Morrow.

29. Toffler, A., 1984. Future shock. New York: Bantam Books.

30. Wissema, J.G., 2009. Towards the third generation university: managing the university in transition. Cheltenham: Edward Elgar Publishing.

